

ИЗДАНО ОБЩИМ ТИРАЖОМ БОЛЕЕ 100 МИЛЛИОНОВ ЭКЗЕМПЛЯРОВ.

misterium

ЭЛИЗАБЕТ ДЖОРДЖ

**БЕЗ ЕДИНОГО
СВИДЕТЕЛЯ**

СЕРИЯ СУПЕРБЕСТСЕЛЛЕРОВ О ДЕТЕКТИВАХ

ТОМАСЕ ЛИНЛИ И БАРБARE ХЕЙВЕРС

ЭКСМО

Инспектор Томас Линли и сержант Барбара Хейверс

Элизабет Джордж
Без единого свидетеля

«ЭКСМО»

2005

Джордж Э.

Без единого свидетеля / Э. Джордж — «Эксмо»,
2005 — (Инспектор Томас Линли и сержант Барбара Хейверс)

ISBN 978-5-699-56189-6

Лондонская полиция и не подозревала, что имеет дело с серийным убийцей, пока не обнаружила четвертую жертву – белого подростка, чье тело было найдено на старинной могильной плите в парке Сент-Джордж-гарденс. Поскольку три предыдущие жертвы были чернокожими, дело неожиданно приобретает социальную окраску. Скотленд-Ярд начинает спешное расследование, подключив к нему детектива Томаса Линли, чьи мысли заняты заботами о беременной жене, и его неизменную помощницу Барбару Хейверс, у которой опять не все ладно с продвижением по службе. Никто из них не представляет, с каким изощренным и упорным преступником они столкнулись на этот раз. Элизабет Джордж – выдающийся мастер детективного романа. Ее творчество завоевало признание читателей во всем мире, в том числе и в России. Ее книги издаются миллионными тиражами, становятся основой для телефильмов, получают престижные литературные премии.

ISBN 978-5-699-56189-6

© Джордж Э., 2005

© Эксмо, 2005

Содержание

Пролог	5
Глава 1	10
Глава 2	27
Глава 3	37
Глава 4	44
Глава 5	56
Глава 6	67
Глава 7	78
Глава 8	92
Глава 9	104
Конец ознакомительного фрагмента.	107

Элизабет Джордж

Без единого свидетеля

Посвящается мисс Одре Айседоре, с любовью

*...и если долго вглядываться в бездну, бездна начинает
вглядываться в тебя.*

Нищие

Пролог

Больше всех Киммо Торну нравилась Дитрих: ее волосы, ее ноги, мундштук, цилиндр и фрак. Вот что он называл «полным комплектом», и никто никогда с ней не сравнится, по крайней мере в глазах Киммо. О, если сильно попросят, он сможет изобразить и Гарланд. Миннелли – это вообще просто, да и Стрейзанд у него получается все лучше. Но если выбирать будет он сам (а обычно так и бывает, разумеется), то отдаст предпочтение Дитрих. Знойная Марлен. Его девушка номер один. Своим пением она могла бы выбить кусочки хлеба из тостера, вот как пела его Марлен.

Песня закончилась, но Киммо не спешил выходить из роли – не потому, что так было нужно по ходу действия, просто он обожал этот образ. Финальные аккорды замерли, а он продолжал стоять как живая статуя Марлен: нога в сапоге на высоком каблуке опирается на стул, а между пальцами левой руки зажат мундштук. В тишине, наступившей, когда растаяла последняя нота, он досчитал про себя до пяти – наслаждаясь Марлен и собой, потому что она была хороша и он был хорош, он был чертовски, чертовски хорош, что тут скажешь, – и только тогда сменил позу. Выключив караоке, юноша снял шляпу, взмахнул фалдами и низко поклонился публике, состоящей из двух человек. Тетя Сэл и бабуля, верные его поклонницы, отреагировали должным образом, именно так, как он и ожидал.

– Превосходно! – воскликнула тетя Сэлли. – Превосходно, мой мальчик!

– Вот он какой, наш Киммо, – вторила бабуля. – Стопроцентный талант, да! Вот папа с мамой обрадуются, когда я пошлю им карточки!

«Ага, как же, обрадуются!» – кисло усмехнулся про себя Киммо. Но тем не менее он снова поставил ногу на стул, зная, что бабуля говорит искренне. Ничего не поделаешь: в том, что касается его родителей, котелок у нее не варит.

Бабуля взялась за фотоаппарат, велела тете Сэлли подвинуться вправо: «Не загораживай мальчика», – и через несколько минут снимки были сделаны и вечернее шоу закончилось.

– Куда ты сегодня собираешься, Ким? – спросила тетя Сэлли у Киммо, когда тот уже направлялся в свою комнату. – На свидание с какой-нибудь милой девушкой?

Ничего подобного, но ей этого знать не обязательно.

– С Блинкером, – бодро откликнулся он.

– Ну, вы уж там не шалите, мальчики.

Киммо подмигнул ей и шагнул в дверной проем.

– Что ты, тетушка, как можно, – слукавил он, закрыл за собой дверь и щелкнул замком.

Сначала нужно было позаботиться о костюме Марлен. Киммо разделся, развесил все на плечики и уселся перед туалетным столиком. Он внимательно вгляделся в свое отражение, прикидывая, не снять ли часть грима. Пожал плечами: это означало, что он решил оставить все как есть. Переворочил содержимое комода, выбирая, что надеть. В конце концов облачился в свитер с капюшоном, любимые леггинсы и короткие замшевые сапожки без каблуков. Он обо-

жал двусмысленность этого наряда. «Юноша или девушка?» – будут гадать те, кому попадется он на глаза. Но ответ они получают, только если Киммо заговорит, потому что у него наконец начал ломаться голос. Как только он откроет рот, игра закончена.

Киммо накинул капюшон на голову и неторопливо спустился на первый этаж.

– Я ушел! – прокричал он бабушке и тете, снимая куртку с вешалки у двери.

– Пока, мой милый, – ответила бабуля.

– Будь осторожен, Киммо, – добавила тетя Сэлли.

Он послал им воздушный поцелуй. Они ответили ему тем же.

– Доброй ночи! – хором произнесли все трое.

На площадке он застегнул куртку и снял замок со своего велосипеда. Подкатив его к лифту, нажал на кнопку вызова и, пока ждал, проверил велосумку – все ли на месте. В своем мысленном списке Киммо вычеркивал пункт за пунктом: молоток, перчатки, отвертка, ломик, карманный фонарик, наволочка, красная роза. Последняя единица снаряжения служила ему визиткой, да и нехорошо это – что-нибудь забирать, не давая ничего взамен.

На улице его встретила промозглая тьма, и Киммо без всякого удовольствия подумал о предстоящем путешествии. Он не любил ездить на велосипеде и в хорошую погоду, а при нулевой температуре просто ненавидел. Но ни у тети Сэлли, ни у бабули машины не было. А сам он еще не обзавелся водительскими правами, которые можно было бы предъявить полицейским вместе с обезоруживающей улыбкой, если бы его остановили. Так что выбора не было – придется крутить педали. О том, чтобы ехать на автобусе, разумеется, не могло быть и речи.

Его путь лежал по Саутуорк-стрит к запруженной транспортом Блэкфрайерс-роуд, миновав которую он добрался до окрестностей Кеннингтонского парка. Оттуда, каким бы плотным ни было движение, добраться до Клапам-Коммон не составляет труда – все время прямо, а там уже виднеется и цель поездки: довольно уединенное (что весьма кстати) трехэтажное здание из красного кирпича.

За этим особняком Киммо наблюдал уже целый месяц и так близко познакомился с обычаями и занятиями живущей в нем семьи, что почти сроднился с ними. Он знал, что в семье двое детей. Мама ездит на работу на велосипеде, и это заменяет ей занятия спортом. Папа садится на электричку на станции Клапам. У них работает няня, у которой два свободных дня в неделю, и в один из этих выходных – вечером, всегда в один и тот же день, – мама, папа и детишки всей семьей отправляются... Киммо не знал, куда они отправляются. Возможно, к бабушке на ужин, но с той же вероятностью это могла быть и служба в церкви, сеанс у семейного психолога или занятия йогой. Впрочем, это не важно; главное, что раз в неделю они уезжают на весь вечер и возвращаются очень поздно, так что взрослым приходится сразу разносить малышей по кроватям – дети неизменно засыпают по пути домой. Что касается няни, то она проводит свободное время с двумя другими пташками, тоже нянями очевидно. Сбившись стайкой и болтая на болгарском или каком-то другом столь же непонятном языке, они уходят куда-то и даже если и возвращаются до рассвета, то уж точно далеко за полночь.

Судя по внешним признакам, дом многообещающий. Семья разъезжает на огромном рейнджровере. Раз в неделю к ним приходит садовник. Они пользуются услугами прачечной: их белье стирается, гладится и приносится в дом специально обученными людьми. Из всего этого Киммо заключил, что особняк созрел и ждет его визита.

Особенно симпатичным этот домик делало пустующее здание по соседству, с одинокой табличкой «Сдается» на фонарном столбе у калитки. Ну а идеальным объектом для взлома особняк становился благодаря удобному доступу со стороны двора: от пустыря его отделяла невысокая кирпичная стена.

К этой стене и приблизился Киммо после того, как прокатился вдоль фасада облюбованного особняка и убедился, что обитатели дома не нарушили своих привычек и сегодняшним вечером. Проехав по ухабистому пустырю, он прислонил велосипед к стене и сложил в наво-

лочку инструменты и розу. Потом вскочил на седло и без всяких проволочек очутился по другую сторону стены.

Во дворе дома было темно, как под мышкой у дьявола, но Киммо не раз заглядывал сюда через краешек стены и теперь отлично представлял, где что находится. Прямо перед ним была компостная куча, а за нею раскинулась аккуратно подстриженная лужайка, где были посажены фруктовые деревья. По обе стороны лужайки протянулись пышные цветочные клумбы. Одна из них огибала детские качели, а вторая служила украшением сарая, где хранился садовый инвентарь. В дальнем от Киммо конце двора, уже перед самым домом, находилось патио, вымощенное неровным кирпичом, – там после дождя собирались лужи. С крыши дома свисали лампочки охранного освещения.

Когда Киммо приблизился к ним, лампочки автоматически зажглись. Он кивнул им с благодарностью. Охранное освещение, по его убеждению, изобрел не кто иной, как вор-взломщик с чувством юмора. Ведь каждый раз, когда оно срабатывало, все убеждали себя, что это всего лишь кошка прошмыгнула по саду. Киммо еще ни разу не доводилось слышать о том, чтобы кто-то вызвал полицию, увидев, что в соседнем доме вспыхивает световая сигнализация. С другой стороны, среди его приятелей-воров ходило немало рассказов о том, как легко им было забраться в чье-то жилище именно благодаря зажегшимся лампочкам.

В данном случае бдительных соседей можно было даже не принимать в расчет. Темные незанавешенные окна и табличка «Сдается» свидетельствовали о том, что в доме справа никто не живет, а в доме слева не было ни окон, выходящих на эту сторону, ни собаки, которая могла бы разразиться хриплым лаем. Таким образом, насколько мог судить Киммо, все было чисто.

Со двора в дом вела стеклянная дверь, и Киммо направился к ней. Молотком он обычно пользовался, когда разбивал автомобильные стекла, но и сейчас достаточно было одного легкого удара, чтобы добраться до внутренней ручки замка. Он открыл дверь и шагнул в дом. Воздушной сиреной взвыла сигнализация.

Барабанные перепонки чуть не лопались от дикого воя, но Киммо не обращал на него внимания. Пройдет пять минут – а скорее всего, и больше, – прежде чем раздастся телефонный звонок от охранной компании, которая пожелает убедиться, что сигнализация сработала по ошибке. Если их надежда не оправдается, они станут обзванивать все имеющиеся у них номера хозяев дома. Когда и эта мера не остановит душераздирающий вой сирены, им придется позвонить в полицию. Полицейские же могут приехать, чтобы проверить, в чем дело, а могут и не приехать. В любом случае такая возможность появится у них минут через двадцать, а это означает, что в распоряжении Киммо времени на десять минут больше, чем ему требуется для выискивания интересных его вещей.

А интересовали его совершенно конкретные ценности. Пускай другие хватаются за компьютеры, ноутбуки, DVD-плееры, телевизоры, ювелирные украшения, цифровые фотоаппараты, видеокамеры и видеомagniтофоны. Он же искал кое-что совсем иное, и объекты его интереса имели одно преимущество – обычно они стояли на видном месте и чаще всего не по разным уголкам дома, а в гостиной, где собирается вся семья.

Киммо включил фонарик и посветил вокруг. Он находился в столовой, и брат здесь было нечего. А вот в гостиной его взгляд сразу же выхватил четыре нужные ему вещицы, поблескивающие на крышке пианино. Он подошел, чтобы аккуратно сложить серебряные рамки в наволочку, но предварительно вынул стоящие в них фотографии – кто знает, вдруг они дороги кому-то, нельзя же быть бесчувственным как дерево. Пятая рамка нашлась на журнальном столике, и, захватив ее, Киммо двинулся в переднюю часть дома, где возле самой двери на полукруглом столике под зеркалом были выставлены еще две рамки с фотографиями. Он присовокупил их к своей добыче, оставив нетронутыми стоящие по соседству фарфоровую шкатулку и вазу с цветами.

Опыт подсказывал Киммо, что остальные рамки вероятнее всего можно обнаружить в спальне родителей, поэтому он быстро поднялся по лестнице. Охранная сигнализация продолжала терзать уши. Комната, которую он искал, находилась на третьем этаже, в глубине дома, и выходила окнами в сад. Но как только он щелкнул фонариком, чтобы оглядеть спальню в поисках вожделенных предметов из серебра, как сирена смолкла. И тут же зазвонил телефон.

Киммо замер – одна рука сжимает фонарик, вторая тянется к рамке с фотографией, на которой парочка в свадебных нарядах целуется под аркой из цветов. Через миг, так же внезапно, как и сигнализация, телефонный звонок стих, внизу вспыхнул свет.

– Алло? – сказал кто-то. И после паузы: – Нет. Мы только что вошли... Да. Да. Сигнализация сработала, но я еще не успел... Господи, Гейл! Там стекло, стой!

Киммо мгновенно сообразил: события приняли неожиданный поворот. Он не стал раздумывать, какого черта семейство заявилось домой, когда им полагается сидеть за столом у бабки, в церкви, на занятиях йогой, у психолога или где-нибудь в другом месте – там, куда они свалили пару часов назад. Не тратя ни секунды, он бросился к окну в тот самый миг, когда снизу послышался женский крик:

– Рональд, в доме кто-то есть!

Не нужно было долго прислушиваться к шагам Рональда, взлетающего по лестнице, или к воплям Гейл «Нет! Стой!», чтобы понять, что нужно выбираться отсюда, и как можно скорее. Киммо нащупал шпингалет, распахнул оконную раму и выскочил в ночь, сжимая в руке наволочку; краем глаза он успел заметить, как в спальню ворвался Рональд, вооруженный чем-то вроде вилки из набора для садового барбекю.

С глухим ударом, резко выдохнув, Киммо приземлился восемью футами ниже на крышу веранды. Досадно, что стены не были обвиты ползучими растениями – по ним он без труда выбрался бы на свободу. Он услышал крик Гейл: «Он здесь! Он здесь!» – и из окна над его головой раздались проклятия Рональда. Перед тем как припустить к кирпичной стене в дальнем конце лужайки, Киммо обернулся к дому и игриво помахал женщине, которая смотрела на него из окна столовой. На руках у нее сидел ошарашенный сонный малыш, и еще один ребенок цеплялся за ее брюки.

Киммо помчался прочь. Наволочка билась о спину, а в груди закипал смех. Единственное, что огорчало его, – роза, которую он не успел оставить в доме. Подбегая к стене, он услышал, как Рональд с ревом выскакивает из столовой во двор, но к тому моменту, когда бедняга добрался до фруктовых деревьев, Киммо уже перелетел через стену на пустырь. Когда появятся копы – это случится не раньше чем через час, а может, и только к полудню завтрашнего дня, – его уже и след простынет, останется лишь смутный образ в памяти хозяйки: накрашенное лицо под темным капюшоном.

Боже, вот это жизнь! Лучше не придумашь! Если добыча окажется чистым серебром, то к утру пятницы он разбогатеет на несколько сотен. Может ли сравниться хоть с чем-нибудь такая жизнь, а? В том-то и дело, что нет! Ну и что с того, что он собирался на некоторое время завязать? На подготовку этого дела он потратил целый месяц, не выбрасывать же практически готовый план! Это было бы глупо, а Киммо Торна можно назвать как угодно, но только не глупцом. Нет, нет и нет. Нет, и точка.

Он проехал на велосипеде около мили от места взлома, когда вдруг осознал, что его преследуют. На улицах было довольно много машин (а когда это на лондонских улицах бывает пусто?), и кое-какие из них сигналили, минуя Киммо. Сначала он думал, что они сигналият, недовольные присутствием велосипедиста на проезжей части, но вскоре понял, что недовольство адресовано автомобилю, который ехал прямо за ним, отказываясь двигаться быстрее или обгонять его.

Его обеспокоило это открытие. Неужели Рональд умудрился собраться с мыслями и догнал его? Киммо свернул на боковую улочку, чтобы проверить, верна ли его догадка насчет

преследования, и точно: фары, сияющие у него за спиной, повернули вслед за ним. Он чуть было не рванул вперед, яростно крутя педали, когда услышал приближающийся рокот мотора, однако знакомый дружелюбный голос окликнул его по имени:

– Киммо? Это ты? Каким ветром занесло тебя в эту часть города?

Киммо резко развернулся и притормозил – посмотреть, кто обращается к нему. Узнав водителя автомобиля, он улыбнулся и сказал:

– Да так, ничего особенного. А что ты здесь делаешь?

Ответом тоже была улыбка.

– Похоже, я катаюсь по городу в поисках тебя. Подвезти куда-нибудь?

Это было бы кстати, подумал Киммо, особенно если Рональд видел его велосипед и если копы отреагируют на вызов быстрее, чем обычно. Находиться сейчас на улице Киммо не очень хотел. Впереди были еще две мили, да и холод стоял как в Антарктике.

– Было бы здорово. Но я с великом, – сказал он.

– Ну, это не проблема, хотя решать тебе, – хмыкнул его собеседник.

Глава 1

Констебль Барбара Хейверс не могла нарадоваться своей удаче: подъездная дорожка была свободна. Сегодня она отправилась в еженедельный поход за покупками не пешком, а на машине, хоть это и рискованный шаг в районе, где каждый, кому посчастливилось занять местечко для парковки рядом с домом, цепляется за этот кусочек земли с преданностью, которую проявляет разве лишь спасенный к своему спасителю. Зная, сколько всего ей предстоит купить, и содрогаясь при мысли, что придется плестись по холоду до магазина и обратно, Барбара выбрала автомобиль, а в остальном положила на судьбу. Поэтому, когда она подъехала к желтому зданию постройки начала века, за которым прятался ее крошечный коттедж, и увидела, что подъездная дорожка пуста, она свернула на нее без лишних размышлений. Двигатель «мини» чихал и кашлял, и Барбара, выключая зажигание, в пятнадцатый раз за этот месяц пообещала себе отвезти машину в автомастерскую, чтобы там устранили неполадку, из-за которой машина рыгала, как старик с расстроенным пищеварением. Правда, существовала вероятность, что за ремонт у нее много попросят – руку, ногу и первенца.

Она выбралась из автомобиля и откинула водительское сиденье, чтобы добраться до пакетов с покупками. Ухватив четыре пакета, она собиралась вытащить их, как вдруг ее окликнули.

– Барбара, Барбара! – звал кто-то. – Смотри, что я нашла!

Барбара выпрямилась и глянула в ту сторону, откуда раздался голос. Перед домом на облезлой деревянной скамье сидела дочурка соседа. Девочка скинула сандалии и была увлечена процессом натягивания роликовых коньков. «Великоваты ей будут ролики», – заметила про себя Барбара. Хадия совсем недавно отметила восьмой день рождения, а ролики были для взрослого человека.

– Это мамины, – сообщила Барбаре Хадия, как будто умела читать мысли. – Я нашла их в шкафу. Раньше я на них не каталась. Наверное, мне они будут большие, но я положила внутрь кухонные полотенца. Папа не знает.

– Про кухонные полотенца?

Хадия хихикнула.

– Да нет же! Он не знает про то, что я нашла ролики.

– Может, он не хотел бы, чтобы ты их нашла.

– Да нет, они не были спрятаны, просто убраны в шкаф. Пока мама не вернется, я думаю.

Она в...

– В Канаде. Понятно, – кивнула Барбара. – Ну ты поаккуратнее с этими роликами. Твой папа не сильно обрадуется, если ты упадешь и разобьешь голову. У тебя есть шлем, наколенники?

Хадия посмотрела на свои ноги – одна в коньке, другая в носке – и призадумалась над вопросом.

– А что, они нужны?

– Это меры безопасности, – объяснила Барбара. – И еще они облегчают работу подметальщиков улиц. Без шлема мозги размазываются по тротуару, и потом их приходится долго соскребать.

– Я знаю, ты шутишь, – подняла Хадия карие глаза.

– Чистая правда, – перекрестилась Барбара. – Кстати, где твой папа? Ты сегодня одна?

Она толкнула ногой деревянную калитку, преграждавшую ей путь к дому, и спросила себя, не стоит ли еще раз поговорить с Таймуллой Ажаром. Не годится оставлять такого маленького ребенка без присмотра. Надо отдать должное Таймулле, такое случалось довольно редко, но тем не менее. И Барбара уже говорила ему, что с радостью посидит с Хадией в свое

свободное время, когда ему понадобится встретиться со студентами или зайти в университетскую лабораторию. Хадия была удивительно самостоятельной для восьми лет, но, как ни крути, она еще ребенок, причем более наивный и ранимый, чем большинство ее сверстников, – частью из-за культуры, ограждавшей ее от реалий жизни, частью из-за матери, уехавшей «в Канаду» больше года назад.

– Папа пошел купить мне подарок, – деловито проинформировала Барбару девочка. – Он думает, что я не знаю. Он думает, будто я думаю, что он ушел по делам, но я знаю, куда он на самом деле ушел. Это потому что он расстроился и думает, будто я тоже расстроилась, а я совсем и не расстраивалась, но он все равно хочет меня порадовать. Поэтому он и сказал: «Мне надо сходить по делам, куши», – чтобы я думала, будто он не из-за меня уходит. Ты ездила в магазин, да, Барбара? Можно, я помогу тебе?

– Если хочешь, сходи за остальными пакетами. Они в машине, – сказала ей Барбара.

Хадия соскользнула со скамейки и – одна нога в коньке, другая в носке – поскакала вприпрыжку к «мини». Барбара ждала ее на углу дома. Когда припрыгала Хадия с пакетами, Барбара поинтересовалась:

– А по какому случаю?

Хадия пошла за ней в глубь двора, где под белой акацией стоял коттедж Барбары, больше похожий на сарай с манией величия, чем на человеческое жилище. Хлопья зеленой краски падали на узкую клумбу, давно нуждающуюся в прополке.

– Что? – спросила Хадия.

Барбара заметила, что на шее девочки висят наушники, а к поясу синих джинсов прикреплен мини-плеер. В наушниках тоненько тренькала какая-то мелодия, которую Барбара не узнала, Хадия же, казалось, вовсе не обращала на музыку внимания.

– Подарок, – сказала Барбара, открывая переднюю дверь. – Ты говорила, что папа пошел покупать тебе подарок.

– А, это.

Хадия неуклюже взобралась на крыльцо и вошла в дом. Пакеты с покупками она водрузила на обеденный стол, где уже находилась почта за несколько дней, четыре номера «Ивнинг стандарт», корзина с грязным бельем и обертка от печенья. Все вместе составляло весьма непривлекательный натюрморт, при виде которого аккуратная девочка неодобрительно нахмурилась.

– Ты не следишь за своей комнатой, – укорила она Барбару.

– Удивительно тонкое наблюдение, – пробормотала Барбара. – Так что насчет подарка? День рождения у тебя уже прошел, я помню.

Хадия, вдруг смутившись, стала ковырять пол ногой, обутой в роликовый конек. Такая реакция была абсолютно не характерна для девочки. Сегодня, отметила про себя Барбара, Хадия сама заплела свои темные волосы. Пробор получился у нее с несколькими зигзагами, а кособокие красные банты на концах косичек оказались на разной высоте – один на целый дюйм выше другого.

– Ну, – протянула она, когда Барбара начала вынимать продукты из пакета и составлять на рабочий столик в кухне, – конкретно он ничего не говорил, но мне кажется, это из-за того, что ему позвонила миссис Томпсон.

Барбара узнала имя учительницы Хадии. Она оглянулась на девочку и вопросительно подняла бровь.

– Понимаешь, у нас было чаепитие, – пояснила Хадия. – То есть не настоящее чаепитие, просто это так называли, потому что если бы называли как есть, то все бы постеснялись и никто бы не пришел. А всем хотелось туда пойти.

– Куда? Что за чаепитие?

Хадия отвернулась и стала разгружать пакеты, которые принесла из машины. Как узнала из ее слов Барбара, это была скорее встреча, чем чаепитие, а если уж совсем точно, скорее собрание, чем встреча. Миссис Томпсон пригласила к ним одну даму, чтобы она поговорила с ними об... как это... об особенностях девичьего организма, и все девочки из класса должны были прийти с мамами, чтобы послушать, а потом можно было задавать вопросы, а совсем уже в конце все пили апельсиновый лимонад и ели печенье и пирожные. Так что миссис Томпсон назвала это чаепитием, хотя чай-то никто и не пил. Поскольку мама у Хадии уехала, девочка решила пропустить это мероприятие. Вот почему миссис Томпсон и позвонила ее отцу – вообще-то пропускать было нельзя, все должны были прийти и послушать ту леди.

– Папа сказал, что он бы пошел со мной, – проговорила Хадия. – Но это было бы так ужасно. Кроме того, Меган Добсон все мне и так рассказала, так что я все знаю. Там было про девочек. Ну, знаешь: дети, мальчики. Месячные.

Она скорчила гримасу.

– А! Понятно.

Барбара могла понять, почему Ажар так отреагировал на звонок от дочкиной учительницы. Из всех знакомых Барбары никто не обладал таким обостренным чувством гордости, какое было у преподавателя из Пакистана, живущего по соседству.

– Знаешь что, дружок, если тебе понадобится взрослая подружка, чтобы сходить куда-нибудь вместо мамы, обращайся, – сказала она Хадии. – Буду только рада.

– Ой, классно! – воскликнула Хадия.

Сначала Барбара подумала, что девочка с таким восторгом реагирует на ее предложение заменить маму, но потом поняла, что ее маленькая помощница просто достала из пакета нарядную упаковку шоколадного печенья с мармеладом.

– Ты ешь это на завтрак? – вздохнула Хадия.

– Идеальная еда для работающей женщины при дефиците времени, – ответила Барбара. – Только пусть это будет наш секрет, ладно? Еще одна наша тайна.

– А это что? – спросила Хадия. У Барбары возникли сомнения, слышала ли девочка ее последние слова. – Вкуснятина! Батончики с мороженым и сгущенкой! Когда я стану взрослой, то буду кушать как ты.

– Да, я стараюсь потреблять продукты из всех основных пищевых групп, – сказала Барбара. – Шоколад, сахар, жир и табак. Да, сигареты не попадались тебе на глаза, кстати?

– Курить вредно, – произнесла Хадия, шурша пакетом и доставая из него блок сигарет. – Папа пытается бросить. Я тебе говорила? Вот мама обрадуется! Она сколько раз повторяла: «Хари, ты испортишь себе легкие, если не бросишь». Так она говорила. Вот я не курю.

– Очень надеюсь на это, – заметила Барбара.

– А мальчики в школе курят, некоторые. Они прячутся за школой, на улице. Они из старших классов. И еще они не заправляют рубашку в брюки, представляешь, Барбара? Они думают, что так они круто выглядят, но на самом деле они выглядят... – Тут она задумчиво нахмурилась. – Гадко, – подобрала она наконец подходящее слово. – Да, гадко.

– Павлины распускают хвосты, – утвердительно кивнула Барбара.

– Как?

– У зверей обычно самец завоевывает внимание самки. А иначе она его не замечает. Интересно, да? Я тут подумала, что это мужчины должны пользоваться косметикой, а не женщины.

– Вот бы здорово папа выглядел с помадой! – рассмеялась Хадия.

– Пришлось бы ему шваброй отбиваться от женщин.

– Маме это не понравилось бы, – посерьезнела девочка.

Она подхватила четыре банки «Завтрака на весь день» – Барбара предпочитала быть готовой к тем нередким случаям, когда приходилось задерживаться на работе, – и понесла их к шкафчику над раковиной.

– Тут ты права, – согласилась Барбара. – Хадия, что это так ужасно пищит у тебя на шее?

Она приняла у девочки банки и кивнула на наушники, из которых продолжала доноситься поп-музыка сомнительного качества.

– «Нобанци», – последовал малопонятный ответ.

– «Но...» что?

– «Нобанци». Это лучшая группа. Вот, смотри.

Из кармана куртки Хадия вытащила пластмассовую коробку из-под компакт-диска. На цветном вкладыше в надуманных позах застыли три анорексичные девички, одетые в майки размером со щедрость Дядюшки Скруджа и синие джинсы, настолько узкие, что можно было разглядеть все округлости; осталась только одна-единственная загадка – как певицы умудрились втиснуться в них.

– А-а, – протянула Барбара, – так вот какие у нынешнего подрастающего поколения образцы для подражания. Ну что ж, давай-ка их сюда, послушаем.

Хадия с готовностью передала Барбаре наушники, та нацепила их и рассеянно потянулась за сигаретами. Несмотря на неодобрительное выражение на лице девчушки, она выбила из пачки одну сигарету и закурила, а тем временем ее уши подверглись атаке чего-то, отдаленно напоминающего песню. Хотя и песней-то это было трудно назвать: набор бессмысленных слов в сопровождении оргазмических стонов, которые, скорее всего, были призваны замаскировать отсутствие басов и ударных. Нет, это не музыка, решила Барбара и вернула наушники девочке. Затянувшись, она в задумчивости склонила голову набок.

– Правда, они классные? – спросила Хадия. Она снова достала коробку из-под компакт-диска и указала на девушку в центре фотографии, которая отличалась от двух других пестрыми негритянскими косичками и татуировкой в виде дымящегося пистолета на правой груди. – Это Джуно. Она мне больше всех нравится. У нее есть маленькая дочка по имени Нефертити. Она прелесть, да?

– Иначе не скажешь.

Барбара скомкала пустые пакеты и не глядя засунула их в шкафчик под раковиной. Вытащила ящик с ложками-вилками и нащупала в его глубине блок желтых стикеров, которые она обычно использовала, когда хотела напомнить себе о важных делах. Ее записки самой себе выглядели примерно так: «Не пора ли выщипать брови?» или «Вычисти наконец этот мерзкий унитаз». Однако на этот раз она нацарапала на стикере три коротких слова и сказала своей юной подружке:

– Пойдем со мной. Настала пора заняться твоим образованием.

Повесив на плечо сумку, она вышла из коттеджа и направилась к дому Хадии, где на каменных плитах двора возле скамейки валялись сандалии девочки. Барбара велела ей обуться, а сама приклеила стикер на дверь квартиры, которая была на первом этаже здания.

– А теперь не отставай, – сказала Барбара, когда Хадия была готова. – Папу твоего я предупредила.

Она вышла за калитку и зашагала в сторону Чок-Фарм-роуд.

– А куда мы идем? – спросила Хадия. – В путешествие?

– Позволь мне узнать у тебя кое-что, – вместо ответа сказала Барбара. – Я сейчас буду называть тебе имена, а ты кивай, если они тебе знакомы. Бадди Холли. Нет? Ричи Валенс. Нет? Биг Боппер. Нет? Элвис. Ну да, разумеется, кто же не знает Элвиса. Но это не считается. А как насчет Чака Берри? Ну а Литл Ричард? Джерри Ли Льюис? Совсем ничего не слышала ни про одного из них? Черт возьми, да чему вас в школе учат?

– Ругаться нехорошо, – сказала Хадия.

От Чок-Фарм-роуд до конечной цели похода – музыкального магазина «Вирджин мегастор» на Камден-Хай-стрит – было недалеко. Однако, чтобы добраться до него, следовало пройти по торговому району, который, насколько могла судить Барбара, во многом отличается от всех остальных торговых районов города: тротуары плотно забиты молодежью всех цветов, вероисповеданий и одеяний; здесь на пешехода со всех сторон обрушивается какофония музыки, исторгающейся из динамиков; пахнет здесь всеми возможными ароматами – от пачулевого масла до жареной рыбы. Здесь витрины и фасады магазинов украшают чудовищных размеров персонажи: кот, сапоги, нижняя половина тела, одетая в синие джинсы, самолет носом вниз... Они покачиваются или медленно вращаются и по большей части имеют лишь отдаленную связь с товаром, который, очевидно, рекламируют, ведь торговые точки в этом районе отданы под черные или кожаные вещи. Черная кожа. Черная искусственная кожа. Черный искусственный мех на черной искусственной коже.

Барбара заметила, что Хадия взирает на все как зачарованная, и это означало, что девочка попала сюда впервые – несмотря на близость Камден-Хай-стрит к дому. С глазами размером с блюдце, разинув рот, с восторженным удивлением на лице, она брела по тротуару, и Барбаре приходилось держать ее за плечо, маневрируя среди толпы, чтобы не потеряться в давке.

– Как тут красиво, как тут красиво, – выдохнула Хадия, прижав ладошки к груди. – О, Барбара, это гораздо лучше любого подарка.

– Я рада, что тебе понравилось, – сказала Барбара.

– А мы зайдем в магазины?

– Сначала я займусь твоим образованием.

Она завела девочку в музыкальный магазин, в отдел классического рок-н-ролла.

– Вот это, – заявила она Хадии, – и есть музыка. Так... С чего же начать? Хотя какие тут могут быть сомнения. Уже столько лет прошло, всем давно ясно: есть Великий и есть все остальные. Итак...

Барбара отыскивала в отделе диски с исполнителями на букву «Х», а потом среди всех «Х» – то единственное «Х», которое было ей нужно. К выбору музыки из того, что было представлено в магазине, она подошла со всем тщанием, перебирая диск за диском и читая списки песен на каждом. Рядом с ней Хадия разглядывала фотографии Бадди Холли на коробках компакт-дисков.

– Как-то чудно он выглядит, – заметила она.

– Не говори ерунды. Вот. Это подойдет. Тут есть и «Raining in My Heart», от которого попадаешь в блаженство, и «Rave on», от которого хочется вскочить на стол и пуститься в пляс. Вот это, дружок, настоящий рок-н-ролл. Люди будут слушать Бадди Холли и через сто лет, гарантирую. А вот что касается «Нобуки»...

– «Нобанци», – терпеливо поправила Хадия.

– Про них забудут на следующей неделе. Уйдут в небытие, а Великий останется в вечности. Только это может называться музыкой, девочка моя.

На лице Хадии было написано сомнение.

– У него очки дурацкие, – настаивала она.

– Ну да. Такая была мода в то время. Он ведь давно уже умер. Разбился в авиакатастрофе. Из-за плохой погоды. Хотел поскорее вернуться домой – к беременной жене.

Слишком юный, добавила про себя Барбара. Слишком торопливый.

– Ой, как грустно.

Теперь Хадия взглянула на фото Бадди совсем иначе.

Барбара оплатила покупку и сорвала с коробки полиэтиленовую обертку. И тут же, прямо у кассы, вытащила диск и вставила в плеер Хадии вместо «Нобанци» со словами:

– Услади слух настоящим искусством.

И они вышли из магазина. Как Барбара и обещала, она зашла вместе с девочкой в несколько магазинов, где на вешалках, стенах и даже на потолке висела одежда во всем многообразии моды-однодневки. Толпы юнцов и девиц тратили в этих магазинах деньги с такой скоростью, как будто в последних новостях объявили о надвигающемся Армагеддоне, и были эти подростки все одинаковы, на взгляд Барбары. Она пригляделась к своей спутнице и помолилась, чтобы Хадия сохранила свойственную ей безыскусность, которая делала столь приятным ее общество. Барбара не хотела и думать, что Хадия вскоре превратится в лондонскую старшекласницу – стремительно несущуюся во взрослую жизнь, с прижатым к уху мобильником, с раскрашенным помадой и тушью лицом, в синих джинсах, обтягивающих узкие бедра, и на высоких каблуках, ломающих ее кости. И уж совсем невероятным представлялось ей, что отец девочки разрешит ей выйти на улицу в таком виде.

В свою очередь Хадия под звуки бессмертного голоса Бадди Холли впитывала все с жадностью, как малыш, впервые попавший в магазин игрушек. Только когда они добрались до Чок-Фарм-роуд, где толпы были еще плотнее, шумнее и ярче одеты, чем в торговом районе, Хадия сняла наушники и наконец заговорила.

– Я хочу приходить сюда каждую неделю, – объявила она. – Ты будешь ходить со мной, Барбара? Я буду экономить все свои деньги, и тогда мы сможем обедать здесь, а потом будем гулять по всем магазинам. Сегодня у нас уже нет времени, потому что я должна быть дома до того, как вернется папа. Он рассердится, если узнает, где мы были.

– Да? Почему?

– О, потому что мне запрещено сюда приходить, – жизнерадостно пояснила Хадия. – Папа говорит, что если он хоть раз увидит меня на Камден-Хай-стрит, то так отшлепает меня, что я сидеть не смогу. Ты не написала в записке, куда мы пошли, а, Барбара?

Барбаре оставалось только выругаться – мысленно. Она и не предполагала, что невинный поход в музыкальный магазин в образовательных целях может иметь столь плачевные последствия. На мгновение показалось, что она действительно развратила невинное существо, однако это не помешало ей испытать облегчение при мысли, что в записке Таймулле Ажару лишь три слова: «Ребенок со мной» – и ее подпись. И если положиться на сдержанность Хадии... Однако при виде лучающейся восторгом девочки Барбара поняла, что та при всем желании не сможет скрыть от Ажара, как провела она время в его отсутствие, – слишком уж сильное впечатление произвело на нее это небольшое путешествие.

– Куда именно, я не писала, – признала Барбара.

– Уф, хорошо, – сказала Хадия. – Потому что если он узнает... Я бы не хотела, чтобы меня отшлепали. А ты, Барбара?

– Ты думаешь, он и вправду...

– Ой, смотри, смотри! – закричала Хадия. – Что это там такое? Как вкусно пахнет! Там что-то готовят, да? Давай заглянем!

Новый приступ восторга был вызван запахами рынка Камден-Лок, к которому они приблизились на пути к дому. Рынок стоял на краю канала Гранд-Юнион, но ароматы, поднимающиеся от его прилавков, вырывались далеко за пределы рынка, на проезжую часть и тротуары. Помимо запахов до них доносился рэп, исторгаемый одним из магазинчиков, и на фоне рэпа едва можно было различить призывы торговцев едой, продающих все – от фаршированного картофеля до индийских пирожков с курицей.

– Барбара, давай зайдём внутрь! – вновь попросила Хадия. – Там все такое необычное. А папа не узнает, обещаю. Нас не отшлепают, Барбара.

Барбара посмотрела на сияющее личико и поняла, что не сможет отказать ребенку в простом удовольствии пройтись по рынку. Да и такое ли великое преступление они совершат, если задержатся еще на полчаса и побродят среди свечей, ароматических масел, футболок и шарфов? Ну а если на глаза им попадутся салоны татуировок и прочих атрибутов разврата,

Барбара сможет как-нибудь отвлечь внимание Хадии. В остальном же предлагаемые на рынке Камден-Лок товары и услуги были абсолютно невинны.

Барбара улыбнулась маленькой спутнице.

– Какого черта, – сказала она, пожав плечами. – Пойдем!

Однако не успели они сделать и пары шагов в направлении рынка, как зазвонил мобильный телефон Барбары.

– погоди-ка, – попросила она девочку и посмотрела на дисплей телефона, где определился номер звонящего.

Этого было вполне достаточно, чтобы понять: хороших новостей ждать не приходится.

– Срочное дело, – произнес исполняющий обязанности суперинтенданта Томас Линли, и в его голосе слышалось напряжение, причина которого стала ясна из последующего: – Вы должны немедленно явиться в кабинет Хильера.

– Хильера?

Барбара отняла от уха мобильник и уставилась на него, будто телефон был инопланетным объектом. Рядышком терпеливо стояла Хадия, проводя ногой вдоль трещины в асфальте и разглядывая человеческий поток, который огибал их с двух сторон в своем нескончаемом движении к магазинам.

– Не может быть, чтобы помощник комиссара хотел меня видеть, – произнесла Барбара.

– В вашем распоряжении один час, – сказал Линли.

– Но, сэр...

– Он давал вам всего тридцать минут, но я сумел договориться на час. Где вы?

– У рынка Камден-Лок.

– Вы успеете приехать сюда за час?

– Постараюсь. – Барбара захлопнула крышку телефона и бросила его в сумку. – Дружок, – сказала она, обращаясь к Хадии, – боюсь, придется нам отложить поход на рынок на другой раз. Что-то случилось на работе.

– Что-то плохое? – спросила Хадия.

– Может быть, да, может быть, нет.

Барбара надеялась, что нет. Более того, она надеялась, что ей хотят объявить об отмене наказания. Уже много месяцев она терпела унижительное понижение в ранге и не могла не думать о том, когда же будет положен конец профессиональному ostracismу, которому она подвергалась всякий раз, когда речь заходила о помощнике комиссара сэре Дэвиде Хильере.

А теперь ее хотят видеть. Хотят видеть в кабинете помощника комиссара. Хотят видеть сам Хильер и Линли, который, как было известно Барбаре, пытался восстановить ее на прежнем месте практически с той самой минуты, как ее понизили в должности.

Барбара и Хадия чуть ли не бегом вернулись к Итон-Виллас. Расстались на углу здания, где выложенная плитами дорожка разделялась на две тропинки. Хадия помахала рукой и поскакала вприпрыжку ко входу в дом, и Барбара успела заметить, что записка, оставленная ею для отца девочки, исчезла с двери. Она сделала вывод, что Ажар вернулся с подарком для дочери, а значит, можно с чистой совестью заняться своими делами.

Что надеть – вот что предстояло решить Барбаре первым делом, и решить очень быстро, потому что от часа, о котором шла в речь в короткой беседе с Линли, оставалось всего сорок пять минут. Ее наряд должен говорить о профессионализме и при этом не выглядеть попыткой заслужить одобрение Хильера. Брюки и такого же цвета жакет будут максимально соответствовать первому требованию, причем невозможно будет заподозрить ее в угодничестве. Итак, решено: брюки и жакет.

Барбара нашла их за телевизором, где они валялись, смотанные в комок. Как они там оказались, она уже не помнила, но, очевидно, бросил их туда не кто иной, как она сама. Разложив оба предмета одежды на полу, она изучила понесенный ими ущерб. «Ах, полиэстер – это

чудо», – подумала Барбара. Можно попасть под копыта бешеного буйвола, подняться, отряхнуться и пойти дальше как ни в чем не бывало – на полиэстере не останется ни следа от происшедшего.

Стряхнув пыль, Барбара приступила к облачению в подобранный ансамбль, хотя трудно назвать облачением молниеносное натягивание брюк и судорожные поиски наименее мятой блузки из немногих имеющихся. Затем она подобрала самую подходящую случаю пару обуви – стоптанные полуботинки – и надела их вместо красных кроссовок, в которых обычно ходила. На все ушло пять минут, и она еще успела бросить в сумку две упаковки шоколадного печенья.

На улице перед Барбарой встал еще один вопрос – выбор средства передвижения из трех возможных: машина, автобус и метро. Все три варианта были рискованными. Автобусу придется пробираться через забитую транспортом Чок-Фарм-роуд, поездка на машине в это время суток обернется головоломкой и гонками, а что касается метро... Чок-Фарм стоит на известной своей непредсказуемостью ветке – Северной линии. Двадцатиминутное ожидание электрички здесь не редкость и в спокойные дни.

Барбара решила поехать на машине. Она составила маршрут, который составил бы честь и Дедалу, и сумела добраться до Вестминстера с отставанием от графика всего на одиннадцать с половиной минут. Однако она знала, что Хильера удовлетворит только пунктуальность, поэтому, не снижая скорости, свернула с Виктория-стрит и, припарковавшись, бегом понеслась к лифтам.

Она вышла на этаже, где располагался временный офис Линли, уповая, что старший офицер изыскал возможность задержать помощника комиссара как раз на эти одиннадцать с половиной минут, которые потребовались для прибытия в Скотленд-Ярд сверх отведенного часа. Увы, пустой кабинет Линли лишил этой надежды, а Доротея Харриман, секретарь отдела, подтвердила догадку Барбары.

– Он наверху у помощника комиссара, констебль, – сказала Доротея. – Он передал, чтобы вы сразу поднимались. Ой, а вы знаете, что у вас на брюках подшивка оторвалась?

– Да? Черт! – расстроилась Барбара.

– У меня есть иголка, дать?

– Времени нет. А булавки не найдется?

Доротея направилась к столу. Барбара не очень-то рассчитывала, что у секретаря может быть с собой булавка. Странно уже и то, что у нее, всегда безукоризненно одетой, имелась иголка с ниткой.

– К сожалению, булавки нет, констебль, – сказала Доротея. – Зато есть вот это.

Она взяла в руку степлер.

– Сойдет, – кивнула Барбара. – Только быстро, я опаздываю.

– Знаю. У вас пуговицы на манжете нет, – заметила Доротея. – И на спине... констебль, у вас на спине... Что это? Комок пыли?

– О черт, черт! – вновь не сдержалась Барбара. – Ладно. Придется ему принимать меня такой, какая есть.

Все равно на горячий прием рассчитывать не приходится, рассуждала сама с собой Барбара, переходя в корпус «Тауэр» и направляясь к лифту, который должен будет отвезти ее на этаж, где находится кабинет Хильера. Последние четыре года он только и ждал возможности уволить ее, и лишь заступничество других сотрудников мешало ему осуществить это намерение.

Секретарь Хильера Джуди Макинтош велела Барбаре идти прямо в кабинет. Сэр Дэвид, говорила она, ждет. Давно уже ждет, вместе с исполняющим обязанности суперинтенданта Линли, добавила она. С неискренней улыбкой Джуди указала кивком головы на дверь.

А в кабинете Хильер и Линли заканчивали разговор по громкой связи с человеком, который говорил о «стягивании сил для ограничения ущерба» в тот момент, когда Барбара появилась в дверях.

– Тогда, полагаю, нам не обойтись без пресс-конференции, – сказал Хильер. – И как можно скорее, в противном случае мы будем выглядеть так, будто всего лишь хотим убажить Флит-стрит. Когда вы сможете организовать ее?

– Мы займемся этим немедленно. Вы намерены принять в ней участие?

– Самое непосредственное. И у меня есть на примете еще один сотрудник.

– Отлично. До связи, Дэвид.

«Дэвид» и «ограничение ущерба». Лексика, свойственная клоунам из отдела по связям с общественностью, рассудила Барбара.

Хильер завершил разговор.

– Что ж, – сказал он, оборачиваясь к Линли, и в этот момент заметил Барбару, стоящую у самой двери. – Где вас черти носили, констебль?

«Ну вот, последний шанс угодить Хильеру растаял, будто и не бывало», – печально констатировала Барбара. Заметив краем глаза, что Линли развернулся на стуле в ее сторону, она сказала:

– Прошу прощения, сэр. Пробки были смертельные.

– Жизнь вообще смертельна, – ядовито произнес Хильер. – Что не означает, что все мы должны перестать жить.

«Знает ли он вообще, что такое логика?» – подумала Барбара. Она взглянула на Линли, который в качестве предупреждения на полдьюма приподнял указательный палец.

– Да, сэр, – заставила себя сдержаться Барбара и присоединилась к двум старшим офицерам, которые сидели за большим столом для совещаний. Она выдвинула стул и скользнула на него, стараясь совершать минимум движений и производить минимум шума.

На столе – сразу обратила она внимание – были разложены четыре ряда фотоснимков, запечатлевшие четыре тела – по одному ряду на каждое. Не поднимаясь с места, Барбара разглядела, что все тела – это юноши, которые лежат на спине со сложенными на груди руками, на манер надгробных статуй. Подростков можно было бы принять за спящих, если бы не синеватые лица и ожерелье странгуляционной борозды.

Барбара поджала губы.

– Черт возьми! – воскликнула она. – Когда их...

– На протяжении последних трех месяцев, – ответил Хильер.

– Трех месяцев? Но почему же тогда никто... – Она переводила взгляд с Хильера на Линли. Линли сидел с выражением крайней озабоченности на лице; Хильер же, мастер интриги и политических игр, выглядел всего лишь сосредоточенным. – Я ни слова об этом не слышала. И не читала в газетах. И не видела ничего похожего по телевизору. Четыре смерти. Один и тот же модус операнди¹. Все жертвы примерно одних лет. Все – мужского пола...

– Попрошу вас не впадать в истерику. А то мне показалось, что я слушаю выпуск новостей на кабельном телевидении, – перебил ее Хильер.

Линли шевельнулся на стуле и обменялся с Барбарой взглядами. Его карие глаза говорили, что лучше ей воздержаться и не произносить вслух, что она думает, по крайней мере до тех пор, пока они не останутся вдвоем.

«Ладно», – сжав зубы, подумала Барбара. Она будет придерживаться такой линии поведения.

– Кто эти подростки? – спросила она самым деловым тоном.

– Пока они Первый, Второй, Третий и Четвертый. Имен мы еще не знаем.

¹ Modus operandi (лат.) – образ действия.

- Никто не сообщил об их исчезновении? За три месяца?
- Очевидно, в этом и заключается проблема, – вставил Линли.
- Что вы имеете в виду? Где их нашли?

Хильер указал на одну из фотографий:

– Номер первый – в парке Ганнерсбери. Десятого сентября. Найден утром, в четверть девятого, мужчиной, который совершал пробежку и завернул в кусты облегчиться. На территории парка находится старый сад, частично огражденный стеной, неподалеку от Ганнерсбери-авеню. Похоже, именно этим путем преступник и проник туда – две заколоченные калитки выходят из сада прямо на улицу.

– Но умер он не в парке, – заметила Барбара, кивая на снимок, на котором подросток лежал навзничь на подстилке из травы между двумя кирпичными стенами.

Ничто не указывало на то, что поблизости разыгралась борьба не на жизнь, а на смерть. Более того, то же самое можно было сказать и об остальных фотографиях из этой серии: ни на одной из них не было ничего, что ожидаешь увидеть на месте убийства.

– Верно. Умер он не здесь. И вот этот – тоже. – Хильер сгреб следующую пачку фотографий, на которых худенький подросток был уложен поперек капота автомобиля – столь же аккуратно, как и тело в парке Ганнерсбери. – Этот был найден на парковке в конце переулочка Квинсуэй. Около пяти недель назад.

– А что говорит отдел убийств из местного участка? Осталось ли что-нибудь на камерах скрытого видеонаблюдения?

– Та стоянка не оборудована камерами, – ответил Линли на вопрос Барбары. – Вместо них везде развешаны таблички, предупреждающие, что на территории «может вестись видеонаблюдение». Этим меры безопасности и ограничиваются.

– А вот это Квакер-стрит, – продолжал Хильер, имея в виду третью серию снимков. – Заброшенный склад недалеко от Брик-лейн. Двадцать пятое ноября. И наконец... – Он собрал последнюю пачку фотографий и придвинул их Барбаре. – Его нашли в парке Сент-Джордж-гарденс. Сегодня.

Барбара изучила четвертую серию снимков. Здесь тело обнаженного мальчика лежало на могильной плите, покрытой лишайником и мхом. Сама плита располагалась на лужайке, возле извилистой тропинки. Поодаль кирпичная стена отделяла от лужайки не кладбище, как можно было бы подумать, увидев надгробия, а сад. Из-за стены виднелись гаражи и многоквартирный дом.

- Сент-Джордж-гарденс? – переспросила Барбара. – Где это?
- Недалеко от Расселл-сквер.
- Кто нашел тело?

– Сторож, который открывает парк каждое утро. Наш убийца попал внутрь через ворота на Гандель-стрит. Они были закрыты на замок как положено, но ни одна цепь не устоит перед соответствующим инструментом. То есть он открыл ворота, въехал на территорию парка, уложил свой груз на могильную плиту и двинулся обратно. По пути остановился, чтобы обмотать цепью створки ворот – так, чтобы прохожие ничего не заметили до поры до времени.

- Отпечатки шин в парке остались?
- Есть два вполне четких следа. Сейчас с них делают слепки.

Барбара показала пальцем на жилой дом, виднеющийся на заднем плане за гаражами.

– Свидетели?

– Констебли из местного участка делают поквартирный обход.

Барбара подтянула к себе все фотографии и нашла среди них четыре снимка, на которых жертва видна была лучше всего. В глаза сразу бросились отличия – и все существенные – между последним трупом и первыми тремя. Хотя все четыре тела принадлежали подросткам мужского пола и убиты они были одинаковым способом, четвертая жертва была единственной

обнаженной и к тому же с макияжем на лице: помада на губах, тени на веках, подводка и тушь – размазанные и полустертые, но по-прежнему яркие до вульгарности. Помимо этого, убийца особо отметил тело, взрезав его от грудины до талии и нарисовав на лбу убитого странный символ. С точки зрения политических последствий наиболее опасной была расовая принадлежность убитых подростков. Только один мальчик был белым – последний, накрашенный. Остальные – цветные: один был чернокожим, а двое других – смешанной национальности: негритянско-китайской, вероятно, или негритянско-филиппинской, или какой-то еще, с примесью негритянской крови.

Выделив последнюю деталь, Барбара поняла, почему до сих пор не было ни статей во всю первую полосу, ни телевизионных репортажей, ни, что хуже всего, каких-либо слухов в Скотленд-Ярде. Она подняла голову.

– Расизм на государственном уровне. Вот в чем нас будут обвинять, да? Никто во всем Лондоне – ни на одном участке из тех, где были найдены тела, – не врубился, что мы имеем дело с серийным убийцей. Никому в голову не пришло сравнить записи. Этот парнишка... – она подняла фотографию чернокожего мальчика, – может, о его исчезновении заявили в Пекеме. Может, в Килбурне. Или в Льюисхэме. Или где-то еще. Но его тело оказалось брошенным не там, где он жил и откуда пропал, а потому копы его родного участка решили, что он сделал ноги, палец о палец не ударили и, соответственно, не сопоставили его данные с информацией об убийстве, которое произошло совсем в другом районе. Я правильно поняла?

– Очевидно, от нас требуется деликатность и быстрота действий, – сказал Хильер.

– Незначительное дело, которое не стоит и расследовать, и все из-за цвета кожи убитых. Вот какие мысли припишут лондонским полицейским, когда история вылезет наружу. Желтая пресса, телевидение и радио – все набросятся на нас.

– Наш план – опередить их, прежде чем нас начнут обсуждать. Сказать по правде, будь все эти таблоиды, службы новостей и репортеры искренне заинтересованы в том, что происходит в реальной жизни, они не гонялись бы за скандалами среди знаменитостей, правительства и членов королевской семьи, а первыми могли бы раскопать эту историю с четырьмя убийствами. И кстати, тем самым уничтожить нас на первых полосах газет. А при нынешнем положении дел они вряд ли имеют право обвинять нас в расизме из-за того, что мы не увидели того же, чего не увидели и они сами. Можете даже не сомневаться: когда каждый отдельный участок передал в средства массовой информации новость о найденном теле, журналисты сочли ее недостаточно «горячей» именно из-за цвета кожи жертвы. И не увидели сообщений о других жертвах. Очередной чернокожий мальчишка. Это не новость. Не о чем писать. Точка.

– При всем моем уважении, сэр, – сказала Барбара, – этот факт не помешает репортерам извлекать нас в грязи.

– Посмотрим. Ага! – Хильер широко улыбнулся, когда дверь его кабинета распахнулась. – Вот и джентльмен, которого мы все так ждем. Вы уже закончили с формальностями, Уинстон? Можно теперь официально называть вас сержантом?

Эти слова заставили Барбару вздрогнуть. Удар был мощным и абсолютно неожиданным. Она посмотрела на Линли, но он поднимался, чтобы поприветствовать Уинстона Нкату, который остановился у двери. В отличие от Барбары Нката был одет, как всегда, с величайшим тщанием. Вся его одежда была чистой и отглаженной. В его присутствии – а если уж на то пошло, и в присутствии любого из тех людей, что находились в кабинете, – Барбара чувствовала себя Золушкой, которую еще не навестила добрая фея-крестная.

Она встала из-за стола. Она собиралась совершить худший для своей карьеры поступок, потому что ей не оставили выхода – кроме выхода в буквальном смысле слова.

– Уинни, – выдавила она, обращаясь к бывшему констеблю. – Чудесно. Поздравляю. Я не знала. Только что вспомнила: мне срочно нужно ответить на один звонок, – сказала она старшим офицерам.

После чего, не дожидаясь ни от кого ответа, вышла из кабинета.

Исполняющий обязанности суперинтенданта Томас Линли отчетливо ощущал необходимость последовать за Хейверс. В то же время он сознавал, что разумнее будет сейчас оставаться на месте. В конечном счете, рассудил он, у него будет больше возможности помочь ей, если из них двоих хотя бы он умудрится сохранить благорасположение помощника комиссара Хильера.

К сожалению, эта задача всегда была трудновыполнимой. Стиль руководства помощника комиссара – балансировать обычно на грани макиавеллиевского и откровенно деспотичного поведения, и всякий здравомыслящий человек старался держаться от него подальше, насколько позволяли служебные обязанности. Непосредственный начальник Линли – Малькольм Уэбберли, уже некоторое время находящийся на больничном, – оберегал Линли и Хейверс от нападок помощника комиссара с того самого дня, как поручил им первое дело. Теперь, когда Уэбберли находится вне стен Скотленд-Ярда, прерогативой Линли стало догадываться, с какой стороны бутерброда намазано масло.

Разыгравшаяся драма явила серьезное испытание решимости Линли оставаться незаинтересованной стороной, контактируя с Хильером. Буквально за несколько минут до прихода Барбары у помощника комиссара появился отличный предлог сообщить Линли о повышении Нкаты и отказаться восстановить звание Хейверс.

Разговор он начал без обиняков:

– Я хочу, чтобы вы возглавили это расследование, Линли. Как исполняющий обязанности суперинтенданта... Вряд ли я могу поручить дело кому-то другому. Все равно Малькольм хотел бы, чтобы это были именно вы, так что подбирайте команду.

Лаконичность старшего офицера Линли ошибочно воспринял за проявление беспокойства. Суперинтенданта Малькольм Уэбберли, ставший жертвой покушения на убийство, приходится Хильеру родственником. Естественно, Хильер не может не думать с волнением о том, как идет выздоровление Уэбберли – его чуть не насмерть сбила машина. Потому Линли произнес:

– Как себя чувствует суперинтендент, сэр?

– Сейчас не время обсуждать самочувствие суперинтенданта, – таков был ответ Хильера. – Так вы возглавите расследование, или мне поручить его кому-нибудь из ваших коллег?

– Я хотел бы, чтобы частью команды стала Барбара Хейверс в своем старом звании сержанта.

– Что вы говорите! Между прочим, мы с вами не на базаре торгуемся. Ответ должен быть или: «Да, я немедленно приступаю к работе, сэр», или: «Нет, я ухожу в длительный отпуск».

Линли ничего не оставалось, как сказать: «Да, я немедленно приступаю к работе», что начисто лишило его возможности действовать в пользу Хейверс. Тем не менее он быстро прикинул, что будет давать Барбаре в рамках расследования такие поручения, которые подчеркнут ее способности и достоинства. И тогда, вероятно, за несколько месяцев он сможет исправить несправедливость, которая выпала на долю Барбары в июне прошлого года.

И тут же его план был разрушен коварством Хильера. Появление Уинстона Нкаты, новоиспеченного сержанта, уничтожило и без того слабые перспективы повышения Барбары в обозримом будущем, о чем сам Нката, вероятнее всего, и не подозревал.

В душе Линли полыхал пожар, но лицо его сохраняло безразличное выражение. И помимо всего прочего, ему было любопытно, каким образом Хильер, назначая Нкату его правой рукой, собирается обойти один очевидный факт. Потому что – Линли даже не сомневался – именно это помощник комиссара и намеревался сделать. Очевидный же факт состоял в том, что, имея в качестве родителей уроженку Ямайки и выходца из Кот-д'Ивуара, Нката был чернокожим – однозначно, безоговорочно и в высшей степени к месту. А когда в прессе станет известно о расовых убийствах, которые полиция не связала друг с другом, хотя должна была

это сделать в первую очередь, темнокожее сообщество придет в негодование. И никаких объяснений вопиющей небрежности нет и быть не могло, кроме одного, которое Барбара Хейверс с присущей ей прямоотой, не волнуясь о политкорректности, уже назвала вслух: узаконенный в рамках государства расизм, вследствие которого полиция не желает активно искать убийц подростков с темным цветом кожи. Не захотели полицейские, и все тут.

Хильер тщательно смазывал колеса, готовясь к задуманному. Он усадил Нкату за стол и коротко посвятил в дело с четырьмя убийствами. О расовой принадлежности трех первых жертв не было сказано ни слова, но Уинстон Нката дураком не был.

– Итак, у вас проблемы, – спокойно подытожил он услышанное от помощника комиссара.

– На данном этапе наша задача – избежать проблем, – ответил Хильер с выверенным хладнокровием.

– И для этого вам понадобился я?

– В каком-то смысле.

– В каком именно смысле? – спросил Нката. – Как вы планируете скрыть это? Не сам факт убийств, понятное дело, а то, что в связи с ними ничего не было сделано?

Линли едва сдержал улыбку. Молодец, Уинстон. Уж он-то ни под чью дудку плясать не станет.

– Участки, на территории которых были обнаружены тела, ведут собственные расследования, – парировал Хильер. – Надо признать, что связь между этими убийствами должна была быть установлена, но этого не произошло. Соответственно, расследование было передано в руки Скотленд-Ярда. Я распорядился, чтобы исполняющий обязанности суперинтенданта Линли собрал команду. И я хочу, чтобы вы играли в этой команде особую роль.

– Вы имеете в виду символическую роль, – сказал Нката.

– Я имею в виду роль в высшей степени ответственную, важную...

– Видимую, – вставил Нката.

– Хорошо, и видимую роль.

Обычно красноватое лицо Хильера приобрело бордовый оттенок. Очевидно, разговор шел вразрез с его сценарием. «Если бы он посоветовался со мной заранее, – думал Линли, – то я бы с удовольствием сообщил ему, что прошедший закалку в качестве главаря уличной банды “Брикстонские воины” Уинстон Нката является наименее подходящей персоной для использования в качестве пешки в чьих-то политических махинациях». Тем временем Линли получал огромное удовлетворение, наблюдая за барахтающимся Хильером. Тот явно рассчитывал на то, что чернокожий сотрудник с радостью ухватится за возможность сыграть значительную роль в деле, которое обещает стать весьма громким. Поскольку Нката не проявлял такого желания, Хильеру оставалось удерживаться на грани между недовольством начальника, действия которого подвергаются сомнениям со стороны какой-то мелкой сошки, и политической корректностью умеренного белого англичанина, который в глубине души чувствует, что по улицам Лондона скоро потекут реки крови.

Линли решил предоставить им возможность закончить трудный разговор наедине. Он поднялся на ноги со словами:

– Полагаю, я не нужен, чтобы объяснять сержанту Нкате тонкости данного дела, сэр. Мне лучше заняться организацией расследования: подобрать людей, распределить обязанности, составить графики работы и так далее. Я бы хотел немедленно приступить к работе – с помощью Ди Харриман. – Он собрал документы и фотографии и сказал Нкате: – Уинни, когда освободитесь, зайдите ко мне в кабинет, хорошо?

– Конечно, – отозвался Нката. – Как только прочитаем приписанное мелким шрифтом к контракту.

Линли вышел за дверь. Он сдерживал приступ смеха, пока не отошел от кабинета на достаточное расстояние. Он знал, что Хильеру было бы тяжело выносить Барбару Хейверс,

если бы ту восстановили в звании сержанта. Но и Нката станет для него крепким орешком: гордый, умный, образованный и сообразительный. Нката был прежде всего мужчиной, затем – чернокожим мужчиной, а профессия полицейского стояла в этом ряду на далеком третьем месте. Хильер же, по оценке Линли, расставил три эти позиции в обратном порядке.

Перейдя из корпуса «Тауэр» в корпус «Виктория», Линли решил спуститься к своему кабинету по лестнице. Там-то он и нашел Барбару Хейверс. Она сидела на верхней ступеньке пролета, курила и накручивала на палец нитку, вылезшую из рукава куртки.

– Это нарушение – курить на лестнице, – сказал Линли. – Вы знаете об этом, я полагаю? Он сел рядом с ней на ступеньку.

Она пристально посмотрела на тлеющий кончик сигареты и вновь сунула ее в рот, с показным наслаждением затянулась.

– Может, тогда меня уволят, – сказала она.

– Хейверс...

– Вы знали? – внезапно спросила она.

Он не стал унижать ее, притворяясь, будто не понял.

– Конечно нет. Я бы сказал вам. Передал бы как-нибудь до вашего прихода. Придумал бы что-нибудь. Меня он тоже застал врасплох. Как и намеревался, естественно.

Она пожала плечами.

– Да плевать! Тем более что Уинни заслуживает этого. Он молодец. Умница. Отлично работает со всеми.

– Хм, как раз Хильеру сейчас приходится с ним несладко. Во всяком случае, так было, когда я их оставил.

– Он догадался, что его собираются использовать как ширму? Черное лицо крупным планом на пресс-конференциях? Никаких проблем с цветом кожи, и смотрите-ка сюда: вот оно, доказательство, сидит прямо перед вами! Все эти уловки Хильера шиты белыми нитками.

– Я бы сказал, что Уинстон на пять-шесть ходов опережает Хильера.

– Надо было остаться и посмотреть на это.

– И точно, надо было вам остаться, Барбара. Как минимум это было бы разумно.

Она бросила окурочек на нижнюю площадку. Он покатылся, остановился у стены и послал в воздух ленивую струйку дыма.

– Когда я поступала разумно?

Линли оглядел ее с ног до головы.

– Ну, например, сегодня, когда одевались. Отличный ансамбль. Вот только... – Он склонился вперед, чтобы приглядеться к чему-то на ее ногах. – Что это? Вы подшиваете брюки скрепками, Барбара?

– Быстро, просто и временно. Я птичка, которая не терпит долгосрочных обязательств. А в данном случае я бы предпочла скотч, но Ди рекомендовала степлер. Хотя я зря старалась.

Линли поднялся со ступени и протянул руку, чтобы помочь Хейверс встать на ноги.

– Если не считать скрепок, сегодня вы можете собой гордиться.

– Точно. Я такая. Сегодня служу в Ярде, завтра выйду на подиум, – буркнула Хейверс.

Они спустились к его временному офису. Не успели они с Барбарой разложить на столе материалы по делу, как в дверь заглянула Доротея Харриман.

– Мне начинать всех обзванивать, исполняющий обязанности суперинтенданта Линли?

– В нашем секретариате новости распространяются с быстротой молнии. Вы, как всегда, – образец эффективности, – заметил Линли. – Снимите Стюарта с графика дежурств – он будет старшим оперативной группы. Хейл сейчас в Шотландии, а Макферсон занят в том деле с поддельными документами, так что их не трогайте. И пришлите ко мне Нкату, когда он спустится от Хильера.

– И сержанта Нкату. Понятно.

Харриман, как и положено было компетентному секретарю, записывала указания шефа в блокнотик.

– Вы уже и об Уинни прослышали? – спросила Хейверс. – Впечатляет. Признайтесь, Ди, вы подсадили шпиона в коридоры власти?

– Разработка надежных источников информации является целью всякого сотрудника полиции, – как прилежная ученица, отбарабанила Харриман.

– Тогда разработайте такой источник на другом берегу реки, – сказал Линли. – Мне нужны все отчеты экспертов, сделанные по предыдущим смертям. Далее обзвоните все полицейские участки, где были найдены тела, и договоритесь, чтобы нам немедленно передали все, что у них есть по этим случаям, – каждый отчет, каждое имя, каждый адрес. Хейверс, вы пока возьмите у Стюарта парочку констеблей и садитесь за компьютер. Нам нужны заявления о пропавших подростках, поступавшие за последние три месяца. Особое внимание обращайтесь на мальчиков в возрасте... – Он посмотрел на снимки. – Думаю, в возрасте от двенадцати до шестнадцати лет, этого пока будет достаточно. – Линли постучал пальцем по фотографии последней жертвы – мальчика с размазанной по лицу косметикой. – И пожалуй, нам не мешает связаться с полицией нравов – нет ли у них что-нибудь на этого парня. Да и всех остальных хорошо бы проверить по этому каналу.

Хейверс понимала, в каком направлении движутся его мысли.

– Если они действительно были заняты в проституции – допустим, сбежали из дома и оказались втянутыми в игру, – то, скорее всего, сэр, об их исчезновении никто не заявлял. По крайней мере, не в тот месяц, когда их убили.

– Верно, – согласился Линли. – В таком случае нам придется проверить и все предыдущие заявления. Но начинать с чего-то нужно, и пока давайте ограничимся этими тремя месяцами.

Хейверс и Харриман отправились исполнять поручения, а Линли сел за стол и нащупал в нагрудном кармане очки для чтения. Он еще раз рассмотрел все фотографии, уделив особое внимание снимкам с последней жертвой. Он знал, что даже самая современная видеотехника не в силах верно передать всю чудовищность преступления, какую ему довелось увидеть своими глазами немногим ранее.

Когда он прибыл в парк Сент-Джордж-гарденс, небольшой участок вокруг найденного тела был заполнен детективами, констеблями в униформе и оперативниками. Эксперт-патологоанатом еще не покинул место преступления, он сидел в холоде серого утра, съевшись под плащом горчичного цвета; полицейский фотограф уже закончил работу и собирал оборудование. За высокими коваными воротами начали собираться любопытствующие прохожие, еще больше зрителей наблюдали за действиями полиции из окон жилого дома. Полицейские же тщательно, кончиками пальцев ощупывали местность в поисках улик, досконально осматривали велосипед, брошенный неподалеку от статуи Минервы, собирали серебряные предметы, рассыпанные вокруг надгробия.

Линли не знал, чего ожидать, когда показывал удостоверение у ворот и шагал по тропе к специалистам. Телефонный звонок, который призвал его сюда, сообщил о «возможном серийном убийстве», и поэтому Линли, приближаясь к сцене преступления, собирал мужество в кулак, готовился к чему-то отвратительному: выпотрошенные внутренности в духе Джека Потрошителя, обезглавленное или расчлененное тело. Пробираясь среди полицейских к надгробной плите, он ожидал, что ему предстоит тягостное зрелище. Но ему и в голову не приходило, что зрелище может оказаться жутким.

Именно таким было тело, открывшееся наконец его взгляду: жутким. На Линли подобное впечатление обычно производили ритуальные убийства. То, что это преступление было ритуалом, не вызывало у него сомнений с первой же секунды.

Его догадка подтверждалась прежде всего положением тела – его уложили как статую на надгробном памятнике. А еще был символ, нарисованный кровью на лбу жертвы: неров-

ный круг, пересеченный двумя линиями, каждая из которых сверху и снизу тоже была перечеркнута. Мысль Линли о ритуале подкрепляла и странная набедренная повязка: кусок ткани, обшитый кружевами, был подоткнут вокруг гениталий словно любящей рукой.

Линли натянул латексные перчатки и подошел к надгробию, чтобы поближе разглядеть тело; он заметил и другие доказательства того, что здесь был совершен своеобразный обряд.

– Что у вас? – спросил он, обращаясь к патологоанатому, который уже собирался уходить и стягивал, палец за пальцем, перчатки.

– Время – около двух часов ночи или около того, – последовал краткий ответ. – Удушье, судя по всему. Все резанные раны на теле произведены после смерти. Самый длинный надрез сделан одним движением, без колебаний. Затем... видите вот это расширение? У самой грудины. Похоже, наш хирург сунул туда руки и раздвинул края надреза, как это делают знахари на островах. Мы узнаем, все ли внутренние органы на месте, только когда вскроем тело. Но пока на это не похоже.

Линли обратил внимание, что патологоанатом сделал ударение на слове «внутренние», и быстро оглядел сложенные руки жертвы и ее ноги. Все конечности и пальцы на месте.

– А что касается внешних органов? – спросил он. – Не хватает чего-нибудь?

– Нет пупка. Он вырезан ножом. Взгляните.

– Господи Иисусе!

– Да. Тот еще подарочек достался нашей Опал.

Опал оказалась седовласой женщиной в пушистых красных наушниках и варежках того же цвета. Она отделилась от группы констеблей, увлеченных какой-то дискуссией, и широким шагом приблизилась к Линли. Представилась как старший инспектор Опал Тауэрс из участка на Теобальдс-роуд, на территории которого они сейчас все находились. Когда она бросила первый взгляд на тело, пояснила она Линли, то сразу сказала, что они имеют дело с убийцей, который «определенно может стать серийным». Не обладая полной информацией, она тогда ошибочно заключила, что мальчик на могильной плите был первой жертвой преступника, которого они быстро найдут и поймут, прежде чем он успеет нанести следующий дар.

– Но потом констебль Хартелл, – кивнула она на круглолицего полицейского, который судорожно жевал резинку и наблюдал за начальством с видом человека, ожидающего серьезный разнос, – вспомнил, что он уже видел похожее убийство в районе Тауэр-Хамлетс, когда работал в участке на Брик-лейн. Я позвонила его бывшему шефу, и мы поболтали. Похоже, в обоих случаях мы имеем дело с одним и тем же убийцей.

Беседуя с Опал Тауэрс в то утро, Линли не спросил, почему она позвонила в полицию Большого Лондона. До тех пор пока он не поговорил с Хильером, он не знал, что были и другие жертвы. Он также не знал, что трое убитых мальчиков принадлежали к национальным меньшинствам. И он не знал, что ни один из этих подростков еще не был опознан полицией. Все это позже сообщил ему Хильер. А тогда, в Сент-Джордж-гарденс, он просто пришел к заключению, что потребуется привлечь больше сил и что придется координировать работу двух участков в разных концах города. Улица Брик-лейн в районе Тауэр-Хамлетс являлась центром бангладешского сообщества и еще сохраняла часть выходцев из Вест-Индии, которые раньше составляли большинство местного населения, а Сент-Панкрас, посреди которого зеленел оазис парка Сент-Джордж-гарденс в плотном кольце внушительных зданий эпохи короля Джорджа, был исключительно монохромным, причем этот цвет был белым.

– Участок на Брик-лейн добился каких-нибудь результатов в расследовании? – спросил Линли у старшего инспектора Тауэрс.

Она покачала головой и посмотрела в сторону кованых ворот, куда несколькими минутами ранее вошел Линли. Он проследил за ее взглядом и увидел, что там начали собираться представители прессы и новостных агентств, вооруженные блокнотами, микрофонами и дикто-

фонами, а операторы выгружали видеоаппаратуру из фургонов. Офицер пресс-службы пытался собрать всех в одну группу.

– Если верить Хартеллу, на Брик-лейн никто палец о палец не ударил, потому он и захотел уйти оттуда. Говорит, что там это нормальное явление. Понятно, что или он мечтает вонзить топор в репутацию бывшего шефа, или эти ребята действительно спят за рулем. Так или иначе, придется разбираться. – Тауэрс сгорбилась и засунула руки в варежки глубоко в карманы долгополой куртки. Она снова глянула на толпу репортеров. – Если им удастся разноухать, что к чему, они такое нам устроят... Я решила, что на всякий случай тут нужно поставить по полицейскому на каждый квадратный дюйм.

Линли с возрастающим интересом взглянул на старшего инспектора. Тауэрс определенно не была похожа на любительницу политических игр, однако, вне всякого сомнения, соображала быстро. Тем не менее он счел нелишним уточнить:

– Так вы поверили в то, что утверждает констебль Хартелл?

– Сначала не верила, – призналась она. – Но он довольно быстро переубедил меня.

– Как?

– Не успел он как следует рассмотреть тело, как отозвал меня в сторону и спросил о ладонях.

– О ладонях? А что с ладонями?

Она бросила на него быстрый взгляд:

– Так вы еще не видели? Пойдемте со мной, суперинтендант.

Глава 2

На следующее утро Линли встал рано, но оказалось, что жена поднялась еще раньше. Он нашел ее в комнате, которую они уже привыкли называть детской, – там задавали тон желтые, белые и зеленые цвета, а мебель пока ограничивалась кроватью и пеленальным столиком; вырезанные из журналов и каталогов фотографии обозначали места для остальных предметов обстановки: здесь кресло-качалка, полка для игрушек там, а у окна комод (правда, комод ежедневно переезжал из точки А в точку Б, потому что в первом триместре беременности Хелен отличалась особым непостоянством во всем, что касалось комнатки их будущего сына).

Она стояла у пеленального столика и разминала руками поясницу. Линли подошел к ней, отвел прядь ее волос, открывая щеку для поцелуя. Она прильнула к нему.

– Ты знаешь, Томми, – сказала Хелен, – я и не подозревала, что ожидание материнства может стать таким политическим мероприятием.

– А оно политическое?

Она махнула рукой на столик. Линли бросились в глаза остатки упаковки, по-видимому от посылки, полученной ими вчера. Хелен открыла ее и разложила на столике содержимое – белоснежный наряд для крещения: платье, накидка, шапочка и ботиночки. Рядышком лежал еще один крестильный наряд – опять платье, накидка и шапочка. Линли подтянул к себе почтовую бумагу, на которой был написан обратный адрес.

– Дафна Амальфини, – прочитал он.

Следовательно, посылку прислала одна из четырех сестер Хелен, живущая в Италии.

– Что происходит? – спросил Линли.

– Формируются два враждебных лагеря, – ответила жена. – Мне не хочется говорить это тебе, но, боюсь, скоро нам придется выбирать, на чью сторону встать.

– А-а. Понятно. Значит, вот это...

Линли обвел рукой только что распакованный наряд для крещения.

– Да. Это прислала Дафна. Вместе с очень милой запиской, кстати, – но это не должно вводить нас в заблуждение относительно сути дела. Дафна не сомневается в том, что твоя сестра уже послала нам фамильные одежды для крещения отпрысков рода Линли, ведь она единственная представительница нынешнего поколения вашей семьи, которая сумела обзавестись детьми. Но при этом Дафна считает, что пять сестер Клайд, размножающиеся как кролики, являются достаточным аргументом, чтобы на крестинах использовался наряд от семейства Клайд. Хотя нет, это не достаточный аргумент, а обязательное условие, так будет точнее. Все это смешно – поверь мне, я понимаю, – но мы с тобой волей-неволей оказались вовлечены в один из тех межсемейных конфликтов, которые могут раздуться до масштабов катастрофы, если не урегулировать его грамотно.

Хелен взглянула на мужа и усмехнулась.

– Как это глупо, да? По сравнению с тем, чем тебе приходится заниматься, это полная чепуха. Во сколько ты вчера вечером вернулся домой? Я оставила тебе в холодильнике ужин – нашел?

– Решил, что лучше будет съесть его на завтрак.

– Курицу под чесночным соусом из индийского ресторана?

– М-да. Пожалуй, такой вариант не пройдет.

– Ну, тогда что посоветуешь насчет крестильных платьев? Только не говори, что можно вообще обойтись без крестин. В таком случае я не желаю нести ответственность за сердечный приступ, а он случится у отца неминуемо.

Линли обдумал ситуацию. С одной стороны, наряд для крещения, принадлежащий его семье, помог младенцам пяти, а то и шести поколений приобщиться к христианству. Так что

нельзя было отрицать существование определенной традиции, которая в этом наряде воплощалась. С другой стороны, это одеяние и выглядело так, будто его носили младенцы пяти-шести поколений. С третьей стороны, если вообще возможно употребить такой оборот речи, дети всех сестер Клайд были наряжены в одеяния поновее – купленные семейством Клайд; так что и здесь устанавливается традиция, и было бы неплохо продолжить ее. Итак... что же делать?

Хелен права. Сложилась одна из тех идиотских ситуаций, когда пустяк мог привести к невообразимым последствиям. Требуется найти некое дипломатическое решение.

– Давай скажем всем, что обе посылки потерялись в пути и до нас не дошли, – предложил Линли.

– Я и не знала, что ты такой трус. Твоя сестра уже знает, что ее посылку мы получили, а кроме того, я совершенно не умею обманывать.

– Тогда остается одно: положиться на то, что ты сможешь найти соломоново решение.

– А что, неплохая идея, – заметила Хелен. – Сначала аккуратно разрежем ножницами оба наряда ровно посередине. Затем пойдут в ход иголка с ниткой, и все будет счастливы!

– И заодно мы положим начало новой традиции.

Они посмотрели на разложенные на столе наряды, а потом друг на друга. В глазах Хелен поблескивало озорство. Линли рассмеялся.

– Мы не посмеем, – сказал он. – Ты придумаешь что-нибудь более подходящее, я уверен.

– Как насчет двух обрядов крещения?

– Вот видишь. Ты уже на пути к решению.

– А ты на пути куда? Ты сегодня рано поднялся. Меня-то разбудил Джаспер Феликс, он делал зарядку у меня в животе. А тебе что помешало поспать подольше?

– Рассчитываю опередить Хильера. Он вместе с пресс-бюро организует встречу с журналистами и хочет, чтобы рядом с ним все видели Нкату, буквально бок о бок. Отговорить Хильера я, разумеется, не смогу, но надеюсь хотя бы проследить, чтобы он не слишком переустрдствовал.

Эта надежда жила в душе Тома Линли вплоть до того момента, когда он вошел в здание Скотленд-Ярда. Там он вскоре понял, что за дело взялись силы, неподвластные даже Хильеру, – в лице главы пресс-бюро Стивенсона Дикона. Дикон строил большие планы относительно предстоящей акции. С ее помощью он намеревался не только доказать свою незаменимость на нынешнем посту, но и дать карьере новый толчок. В связи с этим он лично руководил организацией первой встречи помощника комиссара Хильера с прессой, и в программу входило непременно присутствие Уинстона Нкаты, возведение трибуны на фоне огромного национального флага, уложенного элегантными складками, а также вручение каждому приглашенному журналисту информационного пакета, содержащего головокружительное количество ничего не значащих фраз и заявлений. Кроме того, в дальнем конце конференц-зала были выставлены столы, сильно напоминающие место проведения фуршета.

Линли мрачно присмотрелся к происходящему. Те скромные надежды, которые он питал относительно минимизации амбиций Хильера, улетучились. К делу подключился отдел по связям с общественностью, а это подразделение столичной полиции подчинялось не Хильеру, а его непосредственному начальству – заместителю комиссара. Все нижестоящие сотрудники – Линли в том числе – по всей видимости, были низведены до статуса винтиков в грандиозном механизме связей с общественностью. Все, что было в его силах, понял Линли, – это по возможности сократить время пребывания Нкаты под прицелом объективов.

Только что произведенный в сержанты Нката уже прибыл в Ярл. Ему сказали, куда сесть, когда начнется встреча, и что говорить, если ему будут заданы те или иные вопросы. Линли отыскал разъяренного Нкату в коридоре. Карибские нотки в его голосе, доставшиеся в наследство от матери – уроженки Вест-Индии, – в минуты стресса всегда звучали отчетливее.

– Я не для того здесь работаю, чтобы плясать под дудку, как дрессированная обезьянка, – выпалил Нката. – Не за тем я пришел в полицию, чтобы мама включила телевизор и увидела на экране мою рожу. Он думает, я безмозглый идиот, вот что он думает. Я скажу ему, что он ошибается.

– Тут командует не Хильер, – сказал Линли и кивнул в знак приветствия одному из звукорежиссеров, суетившихся с аппаратурой. – Сохраняйте спокойствие и смиритесь с тем, что происходит, хотя бы на время, Уинни. В конечном счете это даже может пойти вам на пользу, в зависимости от того, как вы видите свою дальнейшую карьеру.

– Но вы ведь понимаете, зачем я здесь! Черт возьми, вы ведь понимаете!

– Это все задумки Дикона, – продолжал Линли. – Пресс-бюро всегда отличалось цинизмом, это вполне в их духе предположить, что, увидев вас на трибуне рядом с помощником комиссара, зритель сделает тот вывод, которого от него ожидают. Дикон настолько самонадеян, что считает, будто ваше присутствие умерит негодование журналистов в связи с этой ситуацией с четырьмя убийствами. Но ничто не должно задевать вас, ни в личном плане, ни в профессиональном. Помните об этом, и тогда вы сможете высидеть эту конференцию.

– Да? Ну так вот, я так не считаю. И если кто-то и недоволен ситуацией, то на это есть все основания. Сколько еще человек должно погибнуть, чтобы за дело наконец взялись? Ну и что, что черный убивает черного, – все равно это не что иное, как преступление. Только никто не обращает на него внимания. И если окажется, что в данном случае белый преступник убивает черную жертву, то мое пособничество Хильеру... Когда мы оба знаем, что он ни за что не повысил бы меня, если бы не нынешние обстоятельства...

Нката сделал паузу при этих словах и вдохнул побольше воздуха, подыскивая красноречивое завершение своей тираде.

– Убийство используется в политических целях, – сказал Линли. – Да. Это так. Отвратительно? Несомненно. Цинично? Однозначно. Неприятно? Да. По-макиавеллиевски хитроумно? Снова да. Но в конечном счете это никак не может бросить тень на вас – порядочного офицера полиции.

В этот момент в коридоре появился Хильер. Он выглядел довольным – тем, как Стивенсон Дикон организовал мероприятие.

– Эта встреча даст нам как минимум сорок восемь часов, – сказал он, обращаясь к Линли и Нкате. – Уинстон, надеюсь, вы хорошо выучили свою роль.

Линли напрягся, ожидая реакции Нкаты, но тот, надо отдать ему должное, только кивнул с безмятежным выражением лица. Однако как только Хильер ушел к лифту, сержант проговорил:

– Ведь мы говорим о детях. Об убитых детях.

– Уинстон, – сказал Линли, – я это знаю.

– Тогда что же он делает?

– Полагаю, собирается сбить прессу со следа.

Нката посмотрел в ту сторону, где скрылся Хильер.

– И как у него это получится?

– Прежде чем высказаться, он выждет достаточно времени, чтобы журналисты первыми озвучили свои обвинения. Хильер-то знает: газеты докопаются до того факта, что более ранние жертвы были чернокожими или смешанной расы, и, когда это случится, они набросятся на нас как голодные псы, жаждущие крови. Чем мы занимались, спали или еще что – все в таком духе. На этой стадии Хильер сможет, праведно бия себя в грудь, спросить, почему же им, журналистам, потребовалось столько времени, чтобы узнать о том, о чем копы давно уже знают и даже поделились этим с прессой. Последняя смерть попадет на первые полосы всех печатных изданий в стране. «А что было с остальными убийствами? – спросит Хильер. – Почему их не сочли достойными упоминания на первой или хотя бы второй полосе?»

– То есть Хильер намерен пойти в атаку, – сказал Нката.

– Он умеет делать то, что он делает, – в большинстве случаев.

Отвращение Нкаты к происходящему не уменьшилось.

– Если бы в разных концах города погибло четыре белых подростка, то копы с самого начала метались бы между участками, как черти на сковороде, – проговорил он.

– Скорее всего.

– Тогда...

– Мы не можем исправить их ошибки, Уинстон. Мы можем обвинить их и попытаться изменить их поведение в будущем. Но вернуться назад и исправить содеянное невозможно.

– Зато можем не допустить, чтобы эту... небрежность замяли как нечто несущественное.

– Да, мы можем побороться за это. Да, я согласен. – И видя, что Нката хочет что-то ответить, Линли продолжил мысль: – Но пока мы занимаемся уличением виноватых, убийца будет убивать. И что мы получим? Вернем к жизни мертвых? Добьемся справедливости? Поверьте мне, Уинстон, журналисты недолго будут приходить в себя после контратаки Хильера, и тогда они набросятся на него, как мухи на гнилое яблоко. А у нас между тем на руках четыре нераскрытых убийства, и мы не сможем полноценно заняться расследованием, не имея поддержки тем самых отделов убийств, которые вам не терпится выставить перед всем светом коррумпированными и погрязшими в ханжестве. Согласны ли вы с моими словами?

Нката задумчиво хмурился.

– Я хочу иметь право голоса, – промолвил он наконец. – Сидеть на пресс-конференциях в качестве декорации во имя интриг Хильера я не желаю.

– Понимаю. Согласен. Теперь вы сержант, – напомнил Линли. – Этот факт никуда не денется. Что ж, пойдемте, пора приниматься за работу.

Неподалеку от кабинета Линли было выделено помещение под оперативный штаб следствия, где у компьютерных мониторов уже сидели констебли; они вводили информацию, поступающую в ответ на запросы Линли в полицейские участки, на территории которых были обнаружены тела. На стендах были развешаны фотографии со всех четырех мест преступления, тут же находились списки констеблей и оперативников с указанием порученных им заданий. Техники установили три видеомонитора, чтобы была возможность просмотреть все записи, сделанные камерами скрытого видеонаблюдения – в случаях, когда такие записи делались и камеры действительно имелись в окрестностях, где были брошены трупы. По полу змеились переплетения проводов. Телефоны звонили без умолку. Звонки сейчас принимал инспектор Джон Стюарт, давнишний коллега Линли, и два констебля. Стол инспектора сразу бросался в глаза – на нем царил граничащий с маниакальным порядок.

Когда Линли и Нката вошли в оперативный штаб, Барбара Хейверс сидела посреди кучи распечаток и отмечала в них желтым маркером имеющие особую важность данные. На столе рядом с ней лежала открытая пачка печенья с клубничным джемом и стояла кружка кофе, из которой Барбара отпила, с недовольной гримасой пробормотав:

– Тьфу, холодный.

Затем она с тоской взглянула на пачку сигарет, почти заваленную бумагами.

– Даже не мечтайте, – пригрозил Линли. – Что получено из пятого спецотдела?

Хейверс отложила маркер и погладила мышцы шеи.

– Эту информацию лучше не показывать прессе.

– Весьма многообещающее начало, – заметил Линли. – Готов выслушать вас.

– За последние три месяца в реестре несовершеннолетних преступников и пропавших без вести зарегистрировано тысяча пятьсот семьдесят пять имен.

– С ума сойти!

Линли взял со стола Барбары пачку распечаток и нетерпеливо пролистал их. В другом конце комнаты инспектор Стюарт повесил трубку и что-то записал в лежащий перед ним блокнот.

– Если хотите знать мое мнение, – сказала Хейверс, – то мне кажется, мало что изменилось со времени последней газетной кампании против пятого спецотдела за их неспособность своевременно обновлять информацию в реестрах. Хотя тогда их так отчихвостили, что я ожидала от них большей эффективности.

– Верно, – согласился Линли.

Надо сказать, что имена детей, о пропаже которых поступали сведения, вводились полицией в реестр немедленно. Но зачастую, если ребенка находили, его имя из списков не удаляли. Не всегда его стирали и в тех случаях, когда ребенок, поначалу попавший в розыск, оказывался за решеткой тюрьмы для несовершеннолетних преступников либо попадал под опеку социальной службы. Это был как раз тот случай, когда правая рука понятия не имеет, что делает левая, и не раз уже эта неразбериха в записях пятого спецотдела приводила расследования полиции в тупик.

– Я уже догадываюсь, что вы хотите сказать, – воскликнула Барбара, – но в одиночку я не справлюсь, сэр. Полторы тысячи имен? К тому времени, когда я проверю каждое из них, наш приятель, – она указала на стенд, где висели фотографии жертв, – осчастливит нас еще десятком тел.

– Мы дадим вам кого-нибудь в помощь, – ответил Линли и обратился к Стюарту: – Джон, перебрось на это дело дополнительные силы. Пусть часть людей сядут на телефон и проверят, не нашлись ли дети из тех, о которых заявили как о пропавших, а еще несколько человек пускай попробуют сравнить наши четыре тела с описаниями в документах по розыску. Если выявится хоть что-нибудь, что может помочь привязать имя к телу, – немедленно проверить. А что говорят в полиции нравов по поводу мальчишки из Сент-Джордж-гарденс? Есть ли новости с Кингс-Кросс? Или с Толпаддл-стрит?

Инспектор Стюарт взял блокнот.

– Как сообщают в полиции нравов, переданное нами описание не подходит ни к одному подростку, занимающемуся проституцией. Среди их «постоянных клиентов» пропавших без вести нет. Пока.

– Тогда свяжитесь с полицией нравов тех участков, где были обнаружены остальные тела, – велел Линли Барбаре. – Посмотрите, не разыскивают ли там кого-либо похожего на этих жертв.

Он подошел к стенду и в который раз пробежал глазами по фотографиям убитых. К нему присоединился Джон Стюарт. Как обычно, инспектор являл собой смесь нервной энергичности с дотошностью. Блокнот, который он держал в руках, был раскрыт на странице, разливной цветными карандашами. Смысл цветовой кодировки был ясен только Стюарту.

– Что получено из-за реки? – спросил у него Линли.

– Отчеты еще не готовы, – сказал Стюарт. – Я уточнял у Ди Харриман минут десять назад.

– Необходимо, чтобы они проанализировали косметику с лица четвертого мальчика, Джон. Спросите, нет ли возможности определить марку и визажиста. Вероятно, жертва не сама делала макияж. Если это действительно так и если косметика окажется относительно редкой, а не той, что можно купить в любом магазине, тогда сведения о месте покупки могут подтолкнуть нас в нужном направлении. А пока составьте список тех, кто недавно вышел из тюрьмы или психбольницы. И еще тех, кого в последнее время освободили из мест заключения несовершеннолетних. Проверьте все учреждения в радиусе ста миль.

Стюарт оторвал глаза от блокнота, куда он торопливо заносил задания.

– Ста миль?

– Наш убийца мог прийти откуда угодно. Но то же самое верно и для наших жертв. И пока мы не опознали более или менее определенно всех четырех подростков, мы не знаем, с кем имеем дело, если не считать очевидных фактов.

– С большим ублюдком.

– Это подтверждает множество свидетельств, обнаруженных на четвертом теле, – кивнул Линли.

Его взгляд невольно обратился к тем самым свидетельствам, о которых он говорил: длинный посмертный надрез на теле, нарисованный кровью символ на лбу, вырезанный пупок и то, что оставалось незамеченным и несфотографированным до тех пор, пока тело не передвинули, – до черноты обожженная плоть ладоней.

Усилием воли Линли перевел взгляд на список заданий, которые он вчера вечером распределил среди своей только что собранной команды. В этот момент мужчины и женщины в полицейской форме стучались в двери жилищ, расположенных в тех окрестностях, где были найдены три первых тела; несколько констеблей изучали информацию о прошлых преступлениях в поисках признаков прогрессирующего патологического поведения – только такое поведение могло привести к таким убийствам, с которыми сейчас полиция имела дело. Все это было необходимо и важно, но предстояло еще разобраться с набедренной повязкой, украшавшей последнее тело, изучить велосипед и серебряные предметы, найденные на месте преступления, исследовать и проанализировать все четыре сцены убийства; нужно было проверить списки тех, кто когда-либо обвинялся в сексуальных преступлениях, алиби этих людей, нужно было и связаться с полицией всей страны, чтобы уточнить, не было ли подобных нераскрытых убийств. Сейчас полиция Большого Лондона имеет на руках четыре тела, но вполне возможно, что на самом деле их четырнадцать. Или сорок.

Восемнадцать детективов и шесть констеблей работали над порученным Линли делом о четырех убийствах, но он точно знал, что понадобится еще больше людей. И был только один способ получить их.

С долей иронии Линли подумал о том, что сэр Дэвид Хильер будет счастлив и одновременно раздражен, когда услышит просьбу о дополнительных ресурсах. Возможность заявить прессе, что над делом работают тридцать с лишним человек, доставит ему несказанное удовольствие. Но как же мучительно будет для него подписывать сверхурочные для целой толпы подчиненных!

Такова, однако, избранная им доля. За амбиции приходится платить.

* * *

К концу следующего рабочего дня Линли получил из седьмого спецотдела полные отчеты по результатам вскрытия трех первых жертв и описание первичного осмотра последнего обнаруженного тела. Он дополнил материалы фотографиями мест, где были обнаружены тела. Сложив бумаги в портфель, он спустился к парковке, сел в машину и в легком тумане, поднимающемся с реки, направился в сторону Виктория-стрит. Транспорт забил улицы так плотно, что движения почти не было; когда Линли пробился наконец к набережной Миллбанк, ему представилась возможность насладиться видом реки... вернее, тем, что можно было разглядеть через бетонную ограду, отделявшую воду от тротуара со старинными уличными фонарями, бросавшими во мглу желтые шары света.

Возле Чейни-уок Линли взял вправо, где нашел свободное место для остановки – на его удачу из паба в глубине переулочка Чейни-роу вышел посетитель, сел в машину и уехал. От этого места до дома на углу Лордшипс-плейс было совсем недалеко. Через пять минут он уже звонил в дверной звонок.

Линли предполагал услышать лай одной весьма добросовестной длинношерстной таксы, но его ожидания не оправдались. Спустя минуту дверь распахнула высокая рыжеволосая женщина с ножницами и мотком желтой ленты в руках. Ее лицо вспыхнуло радостью, когда она увидела, кто пришел.

– Томми! – воскликнула Дебора Сент-Джеймс. – Ты как нельзя кстати. Только я подумала, что мне нужна помощь, как тут же появляешься ты.

Линли вошел в дом, сбрасывая на ходу пальто и пристраивая портфель рядом со стойкой для зонтиков.

– Какого рода помощь тебе нужна? Где Саймон?

– Он уже получил от меня задание. А мужей, да будет тебе известно, можно просить о помощи только в строго ограниченных пределах, а не то они сбегут с первой попавшейся бабенкой из местного паба.

Линли улыбнулся.

– Чем я могу помочь?

– Пошли со мной.

Она повела его в столовую, где над столом, заваленным оберточной бумагой, была зажжена старинная бронзовая люстра.

Большая коробка была ярко упакована, и Дебора, по-видимому, находилась в процессе создания сложнейшего изысканного банта.

– Нет-нет, – сразу же пошел на попятную Линли, – в таких делах я не лучший помощник.

– Я все продумала, – сказала ему Дебора. – Тебе нужно будет только подать скотч и подержать, где я покажу. Не тушуйся, у тебя все получится. Желтую ленту я уже завязала, осталось добавить зеленую и белую.

– Такие же цвета Хелен выбрала... – Линли замолчал. – Это, случайно, не для нее? То есть для нас?

– Как это вульгарно, Томми, – улыбнулась Дебора. – Вот уж никогда не думала, что ты можешь так откровенно напрашиваться на подарок. Вот, возьми ленту. Я отмерю трижды по сорок дюймов. Кстати, как дела на работе? Ты же пришел по делу. Наверное, хочешь поговорить с Саймоном?

– Сойдет и Пич. Где она?

– Отправлена на прогулку, – ответила Дебора. – Отправлена с боем – из-за погоды. С ней пошел папа, что означает только одно: они спорят, кто будет гулять, а кого будут нести. Ты их не видел?

– Нет.

– Похоже, Пич победила и папа унес ее в паб.

Линли следил за тем, как Дебора сворачивает замысловатыми петлями отрезанную ленту. Она сосредоточилась на творении, и это дало возможность сосредоточиться на ней, его бывшей любовнице, женщине, которая была предназначена ему в жены. Не так давно ей пришлось лицом к лицу столкнуться с убийцей, и многочисленные швы, наложенные на ее лице, еще не совсем зажили. Шрам от пореза шел вдоль всей челюсти, но Дебора, которая была практически лишена тщеславия, не делала ничего, чтобы его скрыть.

Она подняла голову и увидела, что Линли рассматривает ее.

– Что? – спросила она.

– Я люблю тебя, – честно сказал он. – Иначе, чем раньше. Но все равно люблю.

Черты ее лица смягчились.

– Я тоже тебя люблю, Томми. Мы завершили тот этап и теперь на новой территории, и все-таки что-то осталось.

– Да-да, именно так.

Они услышали в коридоре шаги, приближающиеся к столовой, и по их неровному ритму поняли, что идет муж Деборы. Он возник в дверях комнаты, держа пачку больших фотографий в руках.

– Привет, Томми. Я не слышал, как ты пришел.

– Пич нет дома, – хором произнесли Дебора и Линли и так же хором засмеялись.

– Хоть на что-то годится эта собака. – Саймон Сент-Джеймс подошел к столу и разложил принесенные фотоснимки. – Выбор был нелегким, – сказал он жене.

Сент-Джеймс говорил о фотографиях, которые, насколько мог судить Линли, изображали один и тот же пейзаж: ветряная мельница на фоне полей, деревьев, далеких холмов и полуразрушенный коттедж на переднем плане.

– Можно? – спросил Линли и, когда Дебора утвердительно кивнула, рассмотрел фотографии подробнее. Выдержка, понял он, менялась от кадра к кадру, но тем не менее каждый снимок передавал тонкое умение фотографа уловить все вариации света и тени; при этом ни одна деталь пейзажа не теряла четкости.

– Я отдал пальму первенства вот этой фотографии, где ты подчеркнула лунный свет на крыльях мельницы, – сказал Деборе Сент-Джеймс.

– Мне она тоже показалась самой удачной. Спасибо, любимый. Ты мой лучший критик.

Она закончила завязывать бант и попросила Линли помочь ей со скотчем. Затем отступила на шаг, чтобы полюбоваться результатом работы, взяла с тумбочки запечатанный конверт, сунула его под обертку и протянула коробку Линли.

– С наилучшими пожеланиями, Томми, – произнесла она. – Искренне рады за вас.

Линли как никто другой осознавал, что пришлось преодолеть Деборе, чтобы произнести такие слова. Ей самой не суждено было родить ребенка.

– Спасибо. – Линли не смог справиться с чувствами, и голос прозвучал более хрипло, чем обычно. – Спасибо вам обоим.

Между тремя давними знакомыми воцарилась секундная тишина, которую нарушил Сент-Джеймс.

– Кажется, у нас есть повод выпить, – провозгласил он шутливо.

Дебора сказала, что присоединится к мужчинам, как только разберется с беспорядком, который устроила в столовой. Сент-Джеймс повел Линли в свой кабинет, расположенный на том же этаже, что и столовая, но выходящий окнами не во двор, а на улицу. Линли по пути забрал из прихожей портфель, оставив на его месте украшенный бантом подарок. Когда он нагнал старого друга, Сент-Джеймс уже стоял с графином в руке у бара возле окна.

– Шерри? – спросил он. – Виски?

– А твой «Лагавуллин» уже закончился?

– Как я ни старался, еще немного осталось.

– Готов оказать посильную помощь.

Сент-Джеймс налил обоим виски, а для Деборы оставил на столике бокал с шерри. Устроился рядом с Линли в одном из кожаных кресел перед камином. Для Сент-Джеймса это было непростым делом – из-за протеза, который он носил на левой ноге уже несколько лет.

– Читал я сегодняшнюю «Ивнинг стандарт», – сказал он. – Выглядит все весьма и весьма скверно, Томми, если только я правильно понял оставшееся между строк.

– Значит, ты догадываешься, почему я пришел.

– Кто работает с тобой над этим делом?

– Все те же лица, куда без них. Я буду просить об увеличении команды. Хильер пойдет на это, хоть и без особой охоты. Однако какой у него выбор? В идеале мне нужно пятьдесят человек, но нам повезет, если дадут хотя бы тридцать. Ты поможешь?

– Ты полагаешь, Хильер включит меня в состав оперативной группы?

– У меня есть предчувствие, что он примет тебя с распростертыми объятиями. Нам позарез нужны твои знания, Саймон. И в пресс-бюро будут только рады, если Хильер сможет объявить журналистам о привлечении к делу независимого судмедэксперта Саймона Олпорта Сент-Джеймса, бывшего сотрудника полиции Большого Лондона, который в настоящее время выступает как независимый эксперт в суде, преподает в университете, читает лекции и так далее и тому подобное. Именно то, что надо, когда требуется вернуть доверие публики. Только смотри, чтобы все это не начало давить на тебя.

– Что я смогу сделать для вас? Дни, когда я осматривал места преступления, давно миновали. И будем надеяться, что больше у вас не будет новых мест преступления.

– Нам нужны твои консультации. Я не стану обманывать тебя и заверять, что твое сотрудничество с нами никак не помешает твоим нынешним занятиям. Однако я обещаю свести наши просьбы к минимуму.

– Ладно. Тогда показывай, с чем пришел. Должно быть, это копии всех материалов, что у вас имеются, да?

Линли открыл портфель и достал документы, собранные перед отъездом из Скотленд-Ярда. Сент-Джеймс отложил бумаги в сторону и первым делом принялся за фотографии. Через несколько минут он тихо присвистнул, снова помолчал, потом поднял голову и взглянул на Линли.

– О том, что это серийные убийства, догадались не сразу? – спросил он.

– В точку. В этом-то и проблема.

– Но ведь все эти убийства – с признаками ритуализации. Одни только обожженные ладони...

– Только у трех последних жертв.

– Все равно, достаточно сходства в положении всех четырех тел. Да убийца только что рекламного объявления не дал, что это серийные убийства, а так – все сделал, чтобы никто и не вздумал сомневаться.

– Что касается последнего тела, найденного в Сент-Джордж-гарденс, инспектор из местного участка сразу определил, что это серия.

– А в остальных случаях?

– Все тела были оставлены на территориях разных участков. В каждом случае было определенное расследование, но, похоже, все были только рады заключить, что это однократное убийство. И что оно совершено в связи с бандитскими разборками – такой вывод напрашивается из-за расовой принадлежности жертв. А пометки, оставленные на телах, сочли чем-то вроде подписи той или иной банды. Или предупреждением остальным.

– Это же полная ерунда.

– Я никого не оправдываю.

– А что касается общественного мнения – для полиции дело должно стать настоящим кошмаром.

– Да. Так ты поработаешь с нами?

– Ты не принесешь мне лупу? Она в верхнем ящике комода.

Линли подошел к комоду и достал замшевый мешочек с увеличительным стеклом. Передав другу лупу, он встал у него за спиной и стал следить за тем, как Сент-Джеймс скрупулезно изучает фотографии тел. Больше всего времени тот потратил на снимки, сделанные на месте последнего из четырех преступлений. Не отрывая взгляда от лица жертвы, он начал говорить, и Линли даже показалось, что обращается Саймон скорее к самому себе, чем к нему.

– Разрез брюшной стенки на четвертом теле произведен, очевидно, после наступления смерти, – проговорил он. – Но ожог на ладонях...

– До смерти, – согласился Линли.

– Это весьма интересная деталь, ты не находишь? – Сент-Джеймс на мгновение направил задумчивый взгляд в окно и снова вернулся к изучению снимков жертвы номер четыре. – Преступник не очень хорошо владеет ножом. Никаких сомнений относительно того, в каком месте резать, не было, однако он испытал удивление, когда оказалось, что не так-то просто это сделать.

– Значит, он не врач и не студент медицинского колледжа.

– У меня сложилось именно такое впечатление.

– А каким инструментом он пользовался?

– В данном случае вполне можно было обойтись любым острым ножом. Даже кухонным. Нужно только обладать достаточной силой, поскольку пришлось разрезать все абдоминальные мышцы. А чтобы проделать такое отверстие... Это было совсем не просто. Он несомненно обладает большой физической силой.

– Саймон, ты обратил внимание? Он вырезал пупок. На последнем теле.

– Отвратительно. – Сент-Джеймс вздохнул. – Можно было бы предположить, что он сделал надрез, так как ему не хватало крови, чтобы нарисовать на лбу символ, но отсутствие пупка разрушает эту теорию, согласен? Кстати, а как ты объясняешь пометку на лбу?

– По-моему, это какой-то символ.

– Подпись убийцы?

– В какой-то степени да. Но это больше чем просто подпись. Если все преступление – это часть некоего ритуала...

– А все сводится к тому.

– ...то я могу предположить, что кровавая метка – это заключительный штрих церемонии. Жертва мертва, и точка.

– Тогда в ней может заключаться какое-то послание.

– Определенно.

– Но кому? Полиции, которая не сумела догадаться, что в городе орудует серийный убийца? Жертве, которая только что прошла настоящую пытку огнем? Кому-то еще?

– Это и есть главный вопрос.

Сент-Джеймс кивнул. Он отложил стопку фотографий и взял бокал с виски.

– С него-то я и начну, – заявил он.

Глава 3

Когда Барбара Хейверс, уже поздним вечером, выключила зажигание, она не вышла из «мини», а осталась сидеть, прислушиваясь к бульканью двигателя. Голову она склонила на руль. Шевельнуться не было сил. Странно, кто бы мог подумать, что просиживание часами напролет перед компьютером и на телефоне окажется более утомительным, чем гонки по Лондону в поисках свидетелей, подозреваемых, улик и многого другого, но жизнь показала, что это именно так. И еще одно наблюдение: оказывается, длительное вглядывание в монитор, чтение и подчеркивание распечаток и повторение одного и того же доведенным до отчаяния родителям на другом конце телефонного провода вызывают в организме непреодолимую потребность в печеной фасоле на жареном хлебе (о, банка фасоли от «Хайнц», эта лучшая еда на свете!) с последующим принятием горизонтальной позиции на диване перед телевизором с «лентяйкой» в руках. Короче говоря, за последние два бесконечных дня у нее не было ни одного приятного момента.

Прежде всего надо было как-то пережить ситуацию с Уинстоном Нкатой. С сержантом Уинстоном Нкатой. Одно дело – понимать, почему Хильер повысил ее коллегу в звании именно сейчас.

Другое дело – осознавать, что Нката заслуживает повышения вне зависимости от того, является он пешкой в политических интригах или нет. А хуже всего было продолжать работать с ним, понимая, что происходящее нравится ему чуть ли не меньше, чем ей.

Будь Нката самодовольным болваном, она бы знала, как вести себя. Если бы он раздулся от гордости, она бы отлично повеселилась, издеваясь над ним. Если бы нарочито скромничал, она бы радостно разобралась с ним с приличной случаю язвительностью. Но ничего такого в его поведении не было, он являл собой более молчаливую версию обычного Нкаты, и это подтверждало слова Линли: Уинни совсем не дурак и отлично понимает, чего пытаются добиться Хильер и отдел по связям с общественностью.

Так что Барбара в конце концов стала сочувствовать коллеге, и это сочувствие вдохновило ее на то, чтобы принести и ему стаканчик, когда она ходила за чаем. Поставив стакан на стол рядом с Нкатой, она сказала:

– Молодец, поздравляю.

Вместе с констеблями, которых инспектор Стюарт дал ей в помощь, Барбара провела два дня и два вечера, обрабатывая головокружительное количество имен в полученном от пятого спецотдела списке пропавших без вести. На определенном этапе к выполнению задания подключился и Нката. За прошедшее время они сумели как следует сократить список. Они вычеркнули детей, которые вернулись домой или сообщили семье тем или иным способом о своем местонахождении. Кое-кто из них оказался за решеткой, как и предполагалось. Других подростков нашли через службы социальной опеки. Но оставались еще сотни и сотни тех, о ком с момента пропажи не было ни слуху ни духу, и на следующем этапе полицейским предстояло сравнить их описания с четырьмя жертвами серийного убийцы. Часть работы можно было возложить на компьютер. Остальное пришлось делать вручную.

С помощью фотографий и отчетов о посмертном вскрытии трех первых трупов и благодаря готовности практически всех родителей пропавших детей к сотрудничеству им удалось предположительно идентифицировать одно из тел. Однако до полной уверенности, что разыскиваемый мальчик действительно является одной из жертв, было еще очень далеко.

Тринадцать лет, смешанного происхождения – афро-филиппинского, бритая голова, нос, приплюснутый на конце, и сломанная переносица... Его звали Джаред Сальваторе, и пропал он почти два месяца назад. Об этом сообщил его старший брат, который, как указывалось в документах, обратился в полицию из Пентонвилльской тюрьмы, где отбывал срок за вооруженное

ограбление. О том, каким образом старший брат узнал об исчезновении младшего, документы умалчивали.

И это все. Стало понятно, что если не удастся установить какой-либо связи между подростками – жертвами серийного убийцы, то попытки их опознать, просеивая информацию о пропавших детях, будут подобны поискам комариного дерьма в молотом перце. Существование же связи между жертвами пока выглядело маловероятным – слишком уж далеко друг от друга были найдены тела.

Когда Барбара поняла, что с нее хватит – по крайней мере, на этот рабочий день, – она сказала Нката:

– Я сваливаю, Уинни. А ты остаешься или как?

Нката откинулся на спинку стула, потер шею и сказал:

– Еще немного посижу.

Она кивнула, но не ушла сразу же. Ей казалось, обоим нужно что-то сказать, только она не знала, что именно. Нката, очевидно, думал так же, и первый шаг сделал он.

– Что нам делать с этим, Барб? – Он положил шариковую ручку на блокнот. – Или даже – как нам быть? Взять и просто игнорировать ситуацию мы не можем.

Барбара снова села на место. На столе лежал степлер, и она рассеянно взяла его и стала вертеть в руках.

– По-моему, мы просто должны делать то, что нужно. А остальное все самой собой утрясется как-нибудь.

Он задумчиво кивнул.

– Не думай, что мне это нравится. Я понимаю, почему я здесь. Хочу, чтобы и ты это понимала.

– Не волнуйся, понимаю, – сказала Барбара. – Но не вини себя. Ты заслуживаешь...

– Хильер ни хрена не знает, заслуживаю я чего-то или нет, – перебил ее Нката. – Я уж молчу про отдел по связям с общественностью. Ни раньше не знали, ни теперь и никогда знать не будут.

Барбара молчала. Спорить с тем, что, как они оба знали, было правдой, она не могла. Наконец она произнесла:

– Ты знаешь, Уинни, мы с тобой оказались примерно в одинаковом положении.

– Как это? Женщина-полицейский и чернокожий полицейский?

– Да нет. Скорее дело в видении. Хильер на самом деле не видит ни тебя, ни меня. Да что там, можно сказать то же самое и о любом члене нашей команды. Он не видит нас, значит, не понимает, что мы можем либо помочь ему, либо навредить.

Нката обдумал слова Хейверс.

– Что ж, пожалуй, ты права.

– И поэтому ничто из того, что он говорит или делает, не имеет значения: в конечном счете перед всеми нами стоит одна и та же задача и ничего больше. Вопрос в том, сможем ли мы выполнить ее. Ведь для этого нам придется отложить все чувства и эмоции и заняться тем, что мы умеем делать лучше всего.

– Я готов, – сказал Нката. – Но, Барб, все равно ты заслуживаешь...

– И ты тоже, – не дала ему договорить Барбара.

Сейчас, сидя в машине, она широко зевнула и пихнула плечом норовистую дверцу «мини». Свободное место для парковки нашлось на Стилс-роуд, буквально за углом от Итон-Виллас. Съездившись на холодном ветру, не затихающем с самого полудня, она потопала к желтому зданию, а дальше по тропинке к своему коттеджу.

Очутившись наконец дома, она включила повсюду свет, бросила сумку на стол и вытащила из буфета желанную банку фасоли. Содержимое банки было бесцеремонно вывалено на сковороду. При других обстоятельствах Барбара съела бы фасоль, не разогревая ее. Но в этот

вечер она решила, что заслуживает наилучшего обращения. Два куска хлеба утонули в тостере, из холодильника появилась банка пива. Вообще-то по расписанию выпивка сегодня не полагалась, но, сказала себе Барбара, день был слишком уж тяжелый.

Пока готовился ужин, она отправилась на поиски телевизионного пульта, который, как обычно, где-то искусно прятался. Барбара перетряхивала смятое покрывало на диване, когда в дверь постучали. Она оглянулась и увидела за окном два силуэта, стоящие на ее крыльце, – один совсем маленький, а второй повыше, оба стройные. Это Хадия и ее отец решили зайти к ней в гости.

Барбара прекратила поиски пульта и открыла соседям дверь.

– Как вы вовремя! – сказала она. – Фирменное блюдо «Барбара» почти готово. Правда, я сделала только два тоста, но, если вы будете хорошо себя вести, я разрежу каждый из них на три части.

Она пошире распахнула перед гостями дверь и торопливо оглядела комнату, проверяя, не валяются ли где-нибудь на виду трусы, которые давно уже следовало бы положить в корзину для грязного белья.

Таймулла Ажар улыбнулся с присущей ему серьезной вежливостью.

– Мы не сможем остаться, Барбара, – сказал он. – У нас к вам небольшое дело, если не возражаете.

Его голос звучал так печально, что Барбара насторожилась и перевела взгляд на его дочь. Хадия стояла, понурив голову, сцепив руки за спиной. Несколько прядей выскользнули из косичек и упали на щеки. Однако Барбара заметила, что лицо девочки порозовело... Что это? Кажется, она плакала?

– Что случилось? – Барбара встревожилась, находя дюжину поводов для беспокойства, ни один из которых ей не нравился. – Что происходит, Ажар?

– Хадия, – произнес Ажар.

Дочь подняла голову и умоляюще посмотрела на него. Выражение его лица не смягчилось ни на йоту.

– Мы пришли сюда по делу. Ты знаешь по какому.

Хадия сглотнула так громко, что Барбара, стоящая от нее в трех ярдах, расслышала этот сдавленный звук. Девочка вынула руки из-за спины и протянула их Барбаре. Она держала компакт-диск с записями Бадди Холли.

– Папа говорит, что я должна вернуть это тебе, Барбара, – еле слышно проговорила она. Барбара взяла диск. Подняла глаза на Ажара.

– Но... – пробормотала она. – А что такое? У вас не разрешается брать подарки или что?

Однако она не думала, что дело в подарке, принятом девочкой. У Барбары была возможность немного познакомиться с традициями соседей: обычай дарить подарки они не только не порицали, но даже приветствовали.

– А дальше? – спросил Ажар у дочери, не отвечая на вопрос Барбары. – Что еще нужно сказать?

Хадия снова понурила голову. Барбара видела, что губы у девочки дрожат.

– Хадия, – произнес отец, – я не буду просить тебя дважды...

– Я соврала, – выпалила девочка. – Я соврала папе, а он узнал, и теперь я должна отдать тебе диск. – Она подняла голову и, глотая слезы, торопливо добавила: – Но все равно спасибо тебе, потому что песни мне понравились. Особенно «Пегги Сью».

Хадия развернулась на пятках и умчалась к дому.

Только когда всхлипывания Хадии смолкли в отдалении, Барбара обрела дар речи.

– Послушайте, Ажар, – сказала она, глядя на соседа, – на самом деле это я виновата. Я понятия не имела, что Хадии не разрешается ходить на Камден-Хай-стрит. А она не знала, куда я ее веду, когда мы отправились в путь. И вообще все это было шуткой, не более того. Я

обратила внимание, что она слушает какую-то ужасную попсу, и стала подшучивать над ней из-за этого, а она стала рассказывать, какая эта группа замечательная. Тогда я решила показать, что такое настоящий рок-н-ролл, и повела ее в музыкальный магазин. Я ведь не знала, что это запрещено, а она не знала, куда мы идем. – Барбара остановилась, чтобы перевести дух. Она чувствовала себя как школьница, которую застали в парке аттракционов, когда ей положено было быть на уроке в школе. Ощущение не из приятных. Она заставила себя успокоиться и произнесла: – Если бы я знала, что вы ей запретили ходить на Камден-Хай-стрит, то никогда бы не отвела ее туда. Я дико извиняюсь, Ажар. Она не сказала мне сразу.

– Что и стало причиной моего недовольства Хадией, – сказал Ажар. – Она должна была сказать это первым делом.

– Но я же говорила: она не знала, куда мы идем, пока мы не пришли на место.

– А когда вы пришли, вы завязали ей глаза?

– Разумеется, нет. Но тогда уже было слишком поздно. Честно говоря, я не дала ей шанса что-либо сказать.

– Хадия не должна нуждаться в дополнительном приглашении, чтобы сказать правду.

– О'кей. Согласна. Это случилось, но больше не повторится. По крайней мере, пусть диск останется у нее.

Ажар отвел взгляд. Его темные пальцы – такие тонкие, что были похожи на девичьи, – двинулись к карману белоснежной рубашки. Он нащупал и достал пачку сигарет. Вытряхнул одну, задумчиво посмотрел на нее, будто недоумевая, что с ней делать, и протянул пачку Барбаре. Она восприняла это как положительный знак. Их пальцы соприкоснулись на мгновение, пока она вынимала сигарету, и он чиркнул спичкой, от которой они оба по очереди прикурили.

– Она хочет, чтобы вы бросили курить, – сказала Барбара.

– Она много чего хочет. Как и все мы.

– Вы все еще сердиты. Зайдите в дом, поговорим.

Он остался стоять у двери.

– Ажар, послушайте. Я понимаю, что вы беспокоитесь насчет Камден-Хай-стрит и всего остального. Но вы не можете защитить ее от всего. Это невозможно.

Он покачал головой.

– Я не стремлюсь защитить ее от всего, просто хочу делать то, что правильно. К сожалению, я не всегда уверен, что правильно, а что нет.

– Один невольный поход на Камден-Хай-стрит не испортит ее. И Бадди Холли, – тут Барбара помахала возвращенным диском, – не испортит ни ее, ни кого-либо другого.

– Дело не в Камден-Хай-стрит и не в Бадди Холли, Барбара, – сказал Ажар. – В данном случае меня возмутила ложь.

– Ну хорошо. Могу понять ваши чувства. Но это была даже не ложь, а упущение. Она не сказала мне вовремя того, что могла. Или должна была. Только и всего.

– Это не все, Барбара.

– А что еще?

– Она солгала мне.

– Вам? А...

– А этого я не потерплю от дочери.

– Но когда? Когда она солгала вам?

– Когда я спросил у нее про диск. Она сказала, что это вы подарили его...

– Ажар, но это чистая правда!

– Однако она предпочла умолчать о том, где и при каких обстоятельствах он был подарен. Эта информация всплыла позже, когда она болтала о компакт-дисках вообще, о том, как много их на прилавках магазина «Вирджин мегастор».

– Черт возьми, Ажар, но это же не ложь!

– Это – нет. А вот ее отказ признаться, что она была в этом магазине, – ложь. И это недопустимо. Я не позволю Хадии вести себя так по отношению ко мне. Она не будет лгать. Никогда. Только не мне.

Его голос был таким ровным, а черты – такими невозмутимыми, что Барбара поняла: сейчас речь идет о куда более серьезных вещах, чем первая попытка дочери схитрить.

– Ладно, я все поняла, – сказала Барбара. – Но Хадия, она же так огорчена. Мне кажется, она усвоила урок, который вы решили преподать ей.

– Надеюсь, что это так. Она должна знать, что все ее действия будут иметь последствия. Необходимо внушать это с самого детства.

– Не могу не согласиться, конечно. Но... – Барбара в последний раз затянулась перед тем, как бросить сигарету на ступеньку крыльца и раздавить ее. – Мне кажется, что, вынужденная признать передо мной – почти публично – свой проступок, она уже понесла достаточное наказание. Думаю, вы должны позволить ей оставить диск.

– Я уже определил, каковы должны быть последствия обмана.

– Неужели теперь уже ничего нельзя изменить?

– Если менять решения слишком часто, то можно пасть жертвой собственной непоследовательности, – ответил нестигаемый Ажар.

– И что тогда? – спросила Барбара. Поскольку он не ответил, она негромко продолжила: – Хадия и ее ложь... Ведь дело не только в этом, да, Ажар?

– Я не допущу, чтобы она начала лгать, – повторил Ажар. Он сделал шаг назад и вежливо добавил: – Простите, что так надолго оторвал вас от ужина.

После чего повернулся и пошел к своему жилищу.

Невзирая на разговор с Барбарой Хейверс и ее уверения, что честь его осталась незапятнанной, мантия сержанта полиции тяжким грузом лежала на плечах Уинстона Нкаты. Он-то думал, что будет рад и горд, получив повышение, но этого не произошло, и удовлетворение, которого он искал в работе, сейчас продолжало ускользать, как и почти на всем протяжении его карьеры.

В первые месяцы службы в рядах лондонской полиции он не испытывал никаких сомнений относительно выбора жизненного пути. Но вскоре до Нкаты стала доходить вся двусмысленность и сложность положения чернокожего полицейского в мире, где доминирует белая раса. Впервые он начал замечать что-то неладное в столовой – во взглядах, которые как бы невзначай проскальзывали по нему и мгновенно переходили на другое; потом он почувствовал это в разговорах: обмен репликами становился менее свободным, когда он присоединялся к компании коллег. А дальше он обратил внимание и на то, как с ним здороваются: с нарочитым радушием, которое особенно бросалось в глаза, если тут же здоровались и с белым копом. Он ненавидел, когда в его присутствии люди прилагали дополнительные усилия ради того, чтобы не выглядеть расистами. Их усердные попытки относиться к нему так же, как ко всем остальным, имели обратный результат: он немедленно ощущал, что он не такой, как они.

Поначалу Нката говорил себе, что ему и не хочется быть таким, как все. Достаточно было соседей по кварталу, которые, узнав о том, что он работает в полиции, прозвали его «продавшимся кокосом». Было бы гораздо хуже, если он на самом деле стал бы частью белого сообщества. И все же в глубине души он переживал из-за того, что люди одного с ним цвета кожи стали считать его перебежчиком. Нката не забывал материнское наставление: «Если какой-то невежда назовет тебя стулом, ты не превратишься в стул от этого», тем не менее двигаться к выбранной цели ему становилось все труднее.

– Сокровище мое, – сказала мать, когда он позвонил, чтобы сообщить о повышении, – меня ничуть не волнует, из каких соображений тебя повысили. Главное – это случилось, и перед тобой открылась новая дверь. Войди в нее. И не надо оглядываться назад.

Последовать этому совету он не мог. Внезапное внимание Хильера продолжало давить на него, ведь он отлично знал, что до сих пор для помощника комиссара он был никем, одним из лиц, мельтешащих вокруг, – без имени, умений и личности. Хильер не смог бы вспомнить о нем ничего, даже если бы от этого зависела его, Хильера, жизнь.

В словах матери, несомненно, был здравый смысл, с этим Нката не спорил. Нужно просто войти в распахнутую дверь. Сейчас он не знает, как это делается, но должен научиться. Эта дверь была для него не единственной, в самых разных областях жизни могут случиться перемены. Вот о чем думал Нката, когда, попрощавшись с ним, Барб Хейверс отправилась домой.

Перед тем как самому покинуть Ярл, он еще раз взглянул на фотографии мертвых подростков. Нката смотрел на них и думал, как же юны они были, невыносимо юны, и думал еще о том, что из-за цвета их кожи у него появились обязательства, которые распространяются много дальше, чем просто предание убийцы правосудию.

На подземной автостоянке он забрался в «эскорт» и просидел несколько минут, размышляя об этих обязательствах и о том, к чему они приводят. Нужно было действовать, постоянно сталкиваясь лицом к лицу со страхами. Он даже хотел стукнуть себя за то, что испытывает страх. Ему уже двадцать девять лет, господа. Он – офицер полиции.

Служба в полиции – одна из тех профессий, которые не созданы для того, чтобы производить впечатление на окружающих. И все же... Он – полицейский, и тут уж ничего не поделаешь. А кроме того, он мужчина и должен вести себя по-мужски.

Глубоко вздохнув, Нката наконец тронулся с места. Он выбрал дорогу, ведущую через реку в Южный Лондон. Но вместо того чтобы направиться прямо к дому, он объехал кирпичный панцирь площади Овал и двинулся по Кеннингтон-роуд в сторону станции Кеннингтон.

Неподалеку от входа в подземку он нашел место, где можно было оставить машину. У уличного лоточника он купил свежий выпуск «Ивнинг стандарт», надеясь набраться мужества перед поворотом на Браганза-стрит.

В конце этой улицы посреди неухоженной стоянки высилась коробка Арнольд-хауса – часть жилого массива Доддингтон-гроув. Напротив здания располагался садоводческий центр, огороженный металлической сеткой. К этому-то ограждению и прислонился Нката, засунув под мышку свернутую трубкой газету и направив взгляд на крытый переход четвертого этажа, ведущий к пятой квартире слева.

Перейти улицу и стоянку не составило бы большого труда. Попасть в лифт тоже было бы легко, потому что, как хорошо знал Нката, домофон ломали чаще, чем чинили. Так неужели это так уж сложно: пройти несколько десятков ярдов, открыть дверь, нажать кнопку и сделать несколько шагов до квартиры? Тем более что у него есть повод. В Лондоне погибают мальчишки, мальчишки смешанной расы, а в квартире на четвертом этаже живет Дэниел Эдвардс, белый отец которого был мертв, а вот темнокожая мать в высшей степени жива. Именно в ней-то и заключалась проблема. В Ясмин Эдвардс.

«Бывшая заключенная, сокровище мое? – переспросила бы мать, если бы ему когда-нибудь хватило смелости рассказать о Ясмин. – Бога ради, опомнись. О чем ты вообще думаешь?»

Хотя на такой вопрос ответить легко: «Думаю о коже Ясмин, мама, и том, какая она красивая в свете настольной лампы. Думаю о ее ножках, которые обвивают возбужденного мужчину. Думаю о ее губах и округлостях ягодиц и о том, как вздымается ее грудь, когда Ясмин сердится. Она высокая, мама. Высокая, как я. Хорошая женщина, которая совершила только одну, хоть и очень большую, ошибку и уже заплатила за нее сполна».

В любом случае Ясмин Эдвардс не имеет отношения к делу. Не она является объектом служебного долга, а Дэниел Эдвардс, который в свои неполные двенадцать лет вполне мог заинтересовать убийцу. Кто знает, как этот убийца выбирает жертв? Никто. И пока это неизвестно,

разве может он, Уинстон Нката, уклониться от выполнения своего долга и не предупредить Ясмин об опасности?

Итак, все, что от него требуется, – это перейти улицу, обойти несколько машин, пригнувшихся между трещин и выбоин, попытать счастья с домофоном, вызвать лифт и постучать в дверь. Его способностей определенно должно на это хватить.

И он это сделает. Чуть позже, ну вот прямо сейчас, поклялся себе Нката. Но не успел он сделать шаг – первый шаг из тех, что привели бы его к дверям дома Ясмин Эдвардс, – на тротуаре появилась она сама.

Появилась она не с той стороны, откуда пришел Нката, а со стороны зеленой зоны на Браганза-стрит, где на Мэнор-плейс располагался ее маленький салон. Там Ясмин предлагала чернокожим женщинам, страдающим от несовершенства внешности и внутреннего мира, новую надежду в виде макияжа, париков и причесок.

При виде Ясмин Нката, не в силах контролировать себя, вжался в железную проволоку забора, слился с тенью. И тут же возненавидел себя за это. Но выйти вперед, как собирался и очень хотел, он попросту не смог.

В отличие от него Ясмин Эдвардс уверенно и спокойно шла к кварталу Доддингтон-гроув. Скрытого тенью Нкату она не заметила, и это могло послужить поводом для начала разговора. Симпатичная женщина на улице, одна, в таком районе да еще после наступления темноты? Нужно быть осторожной, Яс. Нужно проявлять бдительность. Кто-нибудь может прыгнуть на тебя... обидеть... ударить... ограбить... И что станет делать Дэниел, если его мать пойдет по следам отца, оставит ребенка сиротой?

Но нет, этого Нката сказать не мог бы. Только не в адрес Ясмин Эдвардс, от руки которой погиб отец Дэниела. Поэтому он остался стоять в тени, наблюдая за Ясмин. И отчаянно стыдился того, что дыхание участилось и сердце забилось быстрее.

Ясмин шла по тротуару. Он увидел, что сотня косичек с бусинками на кончиках исчезла, уступив место короткой стрижке. Вот почему он не сразу заметил Ясмин: ее прическа при ходьбе больше не звенела, предупреждая о приближении. Женщина тем временем перекинула сумки из одной руки в другую и стала нащупывать что-то в карманах жакета. Он знал, что она ищет: ключи от квартиры. Конец дня, нужно кормить сына, ведь жизнь продолжается.

Перед домом она пересекла еле видимую на разрушающемся асфальте разметку стоянки. У подъезда она остановилась, набрала код (очевидно, домофон все-таки исправен), вызвала лифт. Он спустился, и Ясмин исчезла из виду.

Через минуту она показалась в переходе четвертого этажа, быстро прошагала к своей квартире. Не успела повернуть ключ в замке, как дверь распахнулась. В переливчатом свете, который, должно быть, шел от работающего телевизора, стоял Дэниел. Он забрал у матери сумки и двинулся было в комнату, но вдруг она остановила его. Вот она: руки на бедрах, длинные великолепные ноги. Она что-то сказала сыну; Дэниел подошел к ней, опустил сумки на пол и подставил себя под материнские объятия. В тот миг, когда стороннему наблюдателю показалось бы, что объятия Дэниел скорее терпит, чем получает от них удовольствие, его худые руки взметнулись и сомкнулись вокруг маминой талии. И Ясмин поцеловала его в макушку.

Потом Дэниел без помех занес сумки в квартиру, и Ясмин зашла в дом. Захлопнула дверь. Через мгновение ее силуэт возник на фоне окна, которое, как знал Нката, находилось в гостиной. Она подняла руки к занавескам, чтобы задернуть их на ночь, но по какой-то причине замерла, глядя во тьму.

Нката по-прежнему оставался в тени, но чувствовал, кожей чувствовал: да, она ни разу не посмотрела в его сторону, но он мог поклясться, что все это время Ясмин Эдвардс знала о том, что он здесь.

Глава 4

Днем позже Стивенсон Дикон и отдел по связям с общественностью решили, что пришло время для первой полномасштабной пресс-конференции. Помощник комиссара Хильер, получив указание сверху, проинструктировал Линли, чтобы тот присутствовал на этом важном мероприятии «вместе с нашим новым сержантом». Линли хотелось быть там не больше, чем Нкате, но голос разума подсказывал ему, что нужно, по крайней мере, создать видимость сотрудничества. Поэтому в назначенное время в сопровождении сержанта Нкаты он вышел из кабинета и направился в конференц-зал. В коридоре их встретил Хильер.

– Готовы? – спросил помощник комиссара Линли и Нкату, стоя перед доской объявлений, прикрытой стеклом, и разглядывая отражение.

Он явно гордился пышной шапкой седых волос. В отличие от двух своих коллег он весь сиял от предвкушения встречи с журналистами и только что руки не потирал, готовясь к неминуемой конфронтации. Вне всякого сомнения, так говорил его самоуверенный вид, пресс-конференция пройдет по намеченному сценарию, как вагончик по хорошо смазанным рельсам.

Ответа на вопрос он не стал дожидаться. Улыбнувшись напоследок своему отражению, он направился в зал. Линли и Нката последовали за ним.

Журналистам газет и радиостанций отвели ряды стульев рядом с трибуной. Кроме того, в зале были установлены камеры – чтобы в вечернем выпуске новостей оповестить зрителей, что столичная полиция своевременно и максимально полно информирует граждан о происходящем, по крайней мере предпринимает все возможные меры для этого.

Стивенсон Дикон, глава пресс-бюро, счел необходимым лично произнести вступительное слово. Его появление на пресс-конференции не только свидетельствовало о важности мероприятия, но и доказывало широкой публике, что полиция подходит к своим обязанностям с полной ответственностью. Только присутствие начальника отдела по связям с общественностью произвело бы большее впечатление.

Газеты, разумеется, с жаром набросились на историю о теле, найденном на могиле в парке Сент-Джордж-гарденс; а в Скотленд-Ярде любой человек, обладающий хоть какими-то умственными способностями, ничего иного и не ожидал. Неразговорчивость полиции на месте преступления, прибытие офицеров Скотленд-Ярда еще до того, как тело увезли, затянувшееся молчание после обнаружения тела да еще эта пресс-конференция... Все это раззадоривало аппетит журналистов и обещало обнаружение куда более интересных деталей, чем те, что были уже известны.

И Хильер не преминул сыграть на этом, когда Дикон передал ему слово. Он начал с определения общей цели пресс-конференции. Цель, по его словам, состоит в том, чтобы «донести до нашей молодежи, какие опасности поджидают ее на улице». Затем Хильер, не вдаваясь в подробности, описал суть расследуемых преступлений, и, в тот самый миг, когда собравшиеся журналисты уже начали вопросительно переглядываться, не понимая, зачем их позвали сюда, он проинформировал прессу об убийстве, которое уже фигурировало в начальных строчках новостей и на первых полосах газет.

– В данный момент мы ищем свидетелей, – сказал Хильер. – Нам нужны свидетели того, что, по нашей оценке, похоже на серию потенциально связанных преступлений против подростков.

Потребовалось менее пяти секунд, чтобы слово «серия» преобразовалось в мозгах журналистов в слово «серийный», и приглашенные репортеры повскакали с мест, как пассажиры со скамеек зала ожидания при приближении последней электрички. Их вопросы вылетали, как вспугнутая стая птиц.

Линли видел, что в глазах Хильера заблестело удовлетворение: репортеры начали задавать именно те вопросы, на которые он вместе с пресс-бюро и рассчитывал. Никто не додумался поднять тему, какой хотелось избежать Хильеру с Диконом. Помощник комиссара поднял руку с выражением, сообщавшим, что он отлично понимает, чем вызван такой взрыв чувств у прессы. Дождавшись, пока немного стихнет шум, он продолжил речь, говоря лишь о том, что планировал сказать, пренебрегая заданными только что вопросами.

Каждое отдельное преступление, объяснил он, изначально расследовалось теми участками полиции, на территории которых были найдены тела погибших юношей. Несомненно, журналисты, ответственные за сбор информации в данных участках, будут счастливы поделиться с коллегами теми сведениями, которые уже удалось собрать. Это позволит всем сэкономить драгоценное время. Со своей стороны, полиция Большого Лондона будет и дальше прилагать все усилия для скорейшего раскрытия последнего убийства и попытается найти его связь с предыдущими – конечно, при условии, если будут убедительные свидетельства, что они связаны между собой, разумеется. А тем временем самой большой заботой столичной полиции – как уже говорилось ранее – является безопасность молодых людей на улицах города, поэтому крайне важно, чтобы послание полиции как можно скорее достигло их ушей: подростки мужского пола могут быть целью одного или нескольких убийц. Необходимо осознавать эту опасность и всякий раз, покидая стены дома, предпринимать соответствующие меры предосторожности.

Затем настал момент, когда Хильер смог представить двух «ведущих офицеров», занятых в расследовании. Исполняющий обязанности суперинтенданта Томас Линли возглавляет расследование и координирует действия, предпринимаемые в данный момент местными полицейскими участками, объявил Хильер. Ему помогает сержант полиции Уинстон Нката. Об инспекторе Стюарте Джоне или ком-то другом не было сказано ни слова.

На представителей полиции посыпались новые вопросы, теперь уже связанные с составом, размером и возможностями команды, ведущей расследование, и на эти вопросы отвечал Линли. Вслед за тем взял ситуацию в свои руки Хильер. С таким видом, будто новая мысль только что пришла ему в голову, он произнес:

– Хорошо, что вы заговорили о составе команды...

И поведал журналистам, что лично он, Хильер, привлек к участию в расследовании известного специалиста, судебного медицинского эксперта Саймона Олпорта Сент-Джеймса, а для того, чтобы сделать работу судмедэксперта и работу офицеров полиции еще более эффективной, приглашен также судебный психолог, который составит психологический портрет преступника. Профессиональная этика вынуждает психолога оставаться на заднем плане, а для общего сведения достаточно будет сказать, что он проходил стажировку в Соединенных Штатах в Квантико, штат Виргиния, где располагается психологическая служба Федерального бюро расследований.

На этом Хильер, опытный оратор, завершил конференцию, сообщив о том, что пресс-бюро будет проводить для журналистов ежедневные брифинги. Он выключил микрофон и вывел Линли и Нкату из помещения, оставив журналистов с Диконом. А тот велел своему помощнику раздать всем присутствующим буклеты с дополнительной информацией, которая, конечно же, была заблаговременно согласована и признана годной для общественного потребления.

Очутившись в коридоре, Хильер растянул губы в довольной улыбке.

– Время куплено, – сказал он. – Смотрите же используйте его с толком.

Его внимание переключилось на мужчину, который стоял неподалеку в компании секретаря Хильера. К зеленому кардигану мужчины был приколот бейджик посетителя.

– А-а, вы уже здесь! Замечательно, – приветствовал Хильер посетителя.

Помощник комиссара представил присутствующих друг другу. Это Хеймиш Робсон, сказал он Линли и Нкате, психолог-клиницист и судебный эксперт, о котором только что говорилось на пресс-конференции. Имея должность при психиатрической больнице для преступников в Дагенеме, доктор Робсон тем не менее любезно согласился оказать содействие и присоединиться к команде, ведущей расследование под руководством Линли.

Линли почувствовал, что его позвоночник превращается в камень. Он понял, что вновь прозевал удар. Во время пресс-конференции он ошибочно заключил, что Хильер беззащитно врет о безымянном судебном психологе. Линли нашел в себе силы пожать руку доктору Робсону, после чего спросил у Хильера, постаравшись, чтобы его слова прозвучали как можно любезнее:

– Могу я поговорить с вами, сэр?

Хильер с показным беспокойством посмотрел на наручные часы. Увы, ему немедленно нужно отчитаться перед заместителем комиссара о только что завершившейся пресс-конференции, деловитым тоном сообщил он.

– Я отниму у вас не более пяти минут, сэр, – ответил Линли, – и это крайне важно. Сэр, – добавил он, выдержав многозначительную паузу, значения которой Хильер не мог не понять.

– Очень хорошо, – решил уступить Хильер. – Хеймиш, прошу нас извинить. Сержант Нката покажет вам, где находится оперативный штаб группы расследования.

– Уинстон понадобится мне при разговоре с вами, – сказал Линли.

Строго говоря, это было неправдой, просто он уже некоторое время ощущал растущую необходимость показать Хильеру, что дело об убийствах подростков ведет не помощник комиссара полиции.

Наступило напряженное молчание, во время которого Хильер словно оценивал, насколько серьезно Линли нарушает субординацию.

– Хеймиш, пожалуйста, подождите нас здесь, – произнес он наконец.

И повел Линли и Нкату – не в свободную комнату, не к лестничному пролету, не к лифту, который отвез бы в его личный кабинет, а в мужской туалет, где велел констеблю в форме, занятому опорожнением мочевого пузыря, немедленно освободить помещение и занять пост снаружи, не позволяя никому войти.

Прежде чем Линли успел сказать хоть слово, Хильер произнес с вежливой улыбкой:

– Пожалуйста, больше никогда так не делайте. А иначе вы снова окажетесь одетым в форму констебля, причем так быстро, что даже не заметите, кто застегнул молнию на ваших штанах.

Любезный тон Хильера не сбил Линли с толку, он-то знал, сколь высок будет накал разговора, поэтому попросил Нкату:

– Уинстон, будь добр, оставь нас, пожалуйста. Нам с сэром Дэвидом нужно поговорить, и тебе этого лучше не слышать. Возвращайся в оперативный штаб и узнай, что сумела выяснить Хейверс по списку пропавших без вести. Особенно важно – удалось ли узнать что-то по поводу возможности опознания одного тела.

Нката кивнул. Он не спросил, следует ли взять с собой Хеймиша Робсона, как ранее распорядился Хильер. Напротив, он был рад, что полученная команда давала ему возможность показать, кто является для него авторитетом.

Когда он ушел, первым заговорил опять Хильер:

– Ваше поведение недопустимо!

– При всем моем уважении к вам должен сказать, что недопустимо ваше поведение, а не мое, – парировал Линли.

– Как вы смеете...

– Сэр, я буду ежедневно сообщать вам обо всех деталях расследования, – перебил его Линли, стараясь, однако, не повышать голоса. – Я буду стоять перед телекамерами, если вам

этого хочется, и сидеть рядом с вами на пресс-конференциях. И буду приводить с собой сержанта Нкату. Но ни при каких условиях я не передам вам свои полномочия по руководству расследованием. Вы не должны вмешиваться. Только так мы сможем добиться успеха.

– Вы хотите, чтобы пересмотрели ваше соответствие занимаемой должности? Поверьте мне, такое устроить будет совсем нетрудно.

– Если вы считаете, что это необходимо, то так и должны поступить, – ответил Линли. – Но, сэр, вы должны понимать, что у любого дела может быть только один руководитель. Если таким руководителем хотите быть вы, то перестаньте создавать видимость, будто расследование веду я. Но если вы не хотите его возглавлять, то прекратите вмешиваться. Вы уже дважды принимали решения, не ставя меня в известность заранее, и третьего сюрприза мне совсем не хочется.

Лицо Хильера окрасилось в цвет закатного неба. Тем не менее он ничего не сказал, видимо оценив спокойствие Линли в такой сложной ситуации. Несколько секунд он молчал, взвешивая услышанное.

– Я хочу получать ежедневные отчеты, – процедил он наконец.

– Вы получаете их. И будете получать в дальнейшем.

– И психолог останется в команде.

– Сэр, на данном этапе нам меньше всего хочется выслушивать психологическую заумь.

– Нам пригодится любая помощь, какую только возможно получить! – Хильер возвысил голос. – Газетчики всего в двадцати четырех часах от начала воя и хая. Вы знаете это не хуже меня.

– Знаю. Но еще мы оба знаем, что теперь, когда стало известно о других убийствах, шум поднимется в любом случае, раньше или позже.

– Уж не обвиняете ли вы меня...

– Нет! Вы сказали журналистам то, что следовало сказать. Но как только они начнут копать, то сразу набросятся на нас, и в том, что они предъявят столичной полиции, будет много правды.

– На чьей вы стороне, Линли? – гневно спросил Хильер. – Эти мерзавцы сейчас вернутся в редакции и начнут выискивать все про предыдущие убийства, а потом обвинят нас – не себя! – в том, что ни одно из убийств не попало на первые полосы их же газет. После чего начнут размахивать флагом расизма, и тут уж взорвется вся общественность. Нравится вам или нет, мы должны опережать их хотя бы на шаг. Психолог – один из способов этого добиться. Только и всего.

Линли задумчиво молчал. Мысль о том, что им придется принять в свои ряды психолога, была ему ненавистна, но он не мог не признать пользу, которую принесет присутствие такого специалиста: полиция предстанет в более выгодном свете перед наблюдающими за расследованием журналистами. И хотя сам Линли не считал нужным придавать слишком большое значение телевидению и прессе – так как процесс сбора и распространения информации с каждым годом становится все более позорной деятельностью, – он мог понять желание помощника комиссара сосредоточить внимание журналистов на успехах расследования. Если они начнут возмущаться тем, что полиция Большого Лондона не сумела установить связь между тремя предыдущими убийствами, то полицейские окажутся вынужденными тратить свое время и силы, пытаясь найти оправдание такому упущению. И от этого не выиграет никто и ничто, за исключением, может быть, владельцев газет, которые увеличат продажи, раздувая пламя общественного негодования. Что сделать совсем нетрудно, ведь общественность распаляется быстрее, чем потревоженный дракон.

– Хорошо, – сказал Линли. – Психолог останется. Но только я буду определять, что он видит, а чего не видит.

– Идет, – ответил Хильер.

Они вернулись в коридор, где в полном одиночестве их дожидался Хеймиш Робсон. Чтобы занять себя чем-нибудь, психолог углубился в изучение доски объявлений, которая висела на некотором расстоянии от туалетной комнаты. Так что Линли невольно почувствовал уважение к Робсону.

– Доктор Робсон, – окликнул он психолога.

– Прошу вас, зовите меня Хеймиш, – ответил Робсон.

– Теперь вами займется суперинтендант, Хеймиш, – сказал Хильер. – Желаю удачи. Мы рассчитываем на вас.

Робсон перевел взгляд с Хильера на Линли. Глаза за позолоченной оправой очков были настороженными. В целом же выражение лица маскировалось седеющей бородкой. Когда психолог кивнул, на лоб упала прядь жидких волос. Он отбросил ее. Искрой вспыхнуло на руке золотое кольцо-печатка.

– Я буду рад делать все, что в моих силах, – ответил он. – Мне понадобятся полицейские отчеты, фотографии с места преступления...

– Суперинтендант предоставит вам все необходимое, – сказал Хильер и обратился к Линли: – Держите меня в курсе событий.

С этими словами он кивнул Робсону и зашагал к лифту.

Пока Робсон наблюдал за тем, как удаляется Хильер, Линли, в свою очередь, получил возможность внимательнее рассмотреть незваного члена команды. И в результате решил, что психолог достаточно безвреден. Было что-то успокаивающее в его темно-зеленом кардигане и бледно-желтой рубашке. Галстук к этому наряду Робсон подобрал консервативный – однотонный, коричневого цвета, и такого же цвета были его весьма поношенные брюки. Невысокий и пухлый, он был похож на добряка дядюшку, обожаемого всей семьей.

– Вы работаете с психически ненормальными преступниками? – спросил Линли, чтобы хоть как-то начать непринужденную беседу, и повел Робсона к лестнице.

– Я работаю с умами, чье единственное избавление от страданий – в совершении преступлений.

– Разве это не одно и то же? – спросил Линли.

Робсон грустно улыбнулся.

– Если бы это было так!

Линли коротко представил Робсона команде, а потом отвел из оперативного штаба в свой кабинет. Там он передал психологу копии фотографий с мест преступлений, полицейские отчеты и предварительные заключения патологоанатомов по результатам первичного осмотра каждого из тел. Отчеты о вскрытиях он решил пока попридержать. Робсон проглядел полученные материалы и сообщил, что ему потребуется не менее двадцати четырех часов, чтобы сделать определенные выводы.

– Никакой срочности, – сказал Линли. – У членов команды есть множество дел, которыми они могут заняться и не дожидаясь ваших... – Линли хотел сказать «представлений», но получилось бы, будто Робсон экстрасенс и пришел показать, как он гнет ложки одним взглядом. Однако слово «отчеты» придало бы слишком большое значение деятельности Робсона, поэтому Линли остановил выбор на сравнительно нейтральном выражении: – Не дожидаясь вашей информации.

– Ваши сотрудники, как мне показалось... – Робсон тоже не сразу смог подобрать верное слово. – Мне показалось, они отнеслись к моему появлению с настороженностью.

– Привыкли работать по старинке, – предложил объяснение Линли.

– Надеюсь, мой вклад окажется полезным для вас, суперинтендант.

– Рад это слышать, – кивнул Линли и вызвал Ди Харриман, чтобы она проводила доктора Робсона из здания Скотленд-Ярда.

После ухода психолога Линли смог наконец вернуться в оперативный штаб и заняться своими непосредственными обязанностями. Первым делом он хотел узнать, что нового накопили сотрудники.

Инспектор Стюарт, как всегда, имел наготове отчет, который зачитал, поднявшись из-за стола подобно ученику в надежде получить хорошую отметку. Он объявил, что разделил имеющихся в его распоряжении констеблей на группы, с тем чтобы с максимальной эффективностью использовать их в различных областях расследования. Услышав эти слова, несколько констеблей в оперативном штабе вознесли взоры к потолку. Стюарт, помимо маниакальной педантичности, отличался еще и канцелярским стилем речи.

Группы под его руководством в настоящее время дюйм за дюймом продвигаются вперед, выполняя кропотливую рутинную работу, на которой базируется всякое расследование. Двух констеблей из группы номер один – «брошенной на сбор информации» – Стюарт направил в психбольницы и тюрьмы. Они откопали несколько потенциальных ниточек, которые можно будет затем проработать: педофилы, вышедшие на свободу за последние шесть месяцев, условно освобожденные убийцы подростков, члены бандитских группировок, находящиеся под следствием...

– Есть что-нибудь в связи с малолетними преступниками? – спросил Линли.

Стюарт покачал головой. Ничего, что могло бы помочь следствию, не было обнаружено в этом направлении. Все малолетние преступники, освобожденные в последнее время, на месте, никто из них не пропал.

– Что мы получили от обходов жилых домов у мест преступления? – задал следующий вопрос Линли.

Почти ничего. Стюарт выделял констеблей, чтобы опросить всех, кто проживает в непосредственной близости от интересующих полицию мест. Все констебли были соответствующим образом проинструктированы: нужно было искать не странности, замеченные гражданами, а скорее самые обыденные вещи или явления, которые, если привлечь к ним внимание опрашиваемых, заставляли их задуматься. Поскольку серийные убийцы по природе своей обладают способностью сливаться с фоном, то именно фон и нужно внимательно разглядывать, дюйм за дюймом.

Он послал запросы в транспортные компании, продолжал Стюарт, и на данный момент располагает информацией о пятидесяти семи водителях грузовиков, которые могли находиться на Ганнерсбери-роуд в ночь, когда первая жертва была оставлена в парке Ганнерсбери. С ними всеми сейчас связывается констебль – пытается освежить их память, расспрашивая, не видели ли они в ту ночь по дороге в центр Лондона автомобилей, припаркованных у парка, рядом с кирпичным забором. Тем временем другой констебль опрашивал все службы такси с целью получить информацию примерно ту же, что и его коллега, только что упомянутый. Что касается местных жителей – напротив парка, на другой стороне дороги, стоят дома, отделенные от проезжей части трамвайными линиями. На эти дома возлагаются определенные надежды. Кто знает, вдруг какой-нибудь пенсионер, страдающий бессонницей, сидел в ночь убийства у окна и глядел на парк. То же самое, кстати, можно сказать и о Квакер-стрит, где напротив заброшенного склада находится многоквартирный дом, – речь идет, разумеется, о территории, где нашлось третье тело.

С другой стороны, многоэтажная автомобильная стоянка – место обнаружения второго тела – не выглядит слишком уж многообещающей. Единственный человек, кто мог что-то увидеть, – дежурный служитель, но он клянется, что ничего не заметил в интересующий нас промежуток времени – между часом ночи и шестью двадцатью утра (когда на тело наткнулась медсестра, спешившая к началу утренней смены в больницу «Челси-энд-Вестминстер»). Это, само собой, не означает, что сторож проспал все дежурство. Данная стоянка не оборудована пропускным пунктом на центральном входе, где круглосуточно сидел бы кто-нибудь из сотруд-

ников. Там имеется что-то вроде офиса, приткнувшегося в глубине здания и оборудованного лишь креслом-качалкой да телевизором, призванным хоть как-то скрасить служителям долгие часы ночных дежурств.

– А парк Сент-Джордж-гарденс? – спросил Линли.

– А вот тут удалось раскопать кое-что поинтереснее, – доложил Стюарт.

По словам констебля из участка на Теобальдс-роуд, который обходил жильцов в том районе, одна женщина, проживающая на четвертом этаже здания на углу Хенриетта-мьюз и Гандель-стрит, слышала звук, похожий на скрип открываемых ворот. Она даже запомнила время – около трех часов ночи. Она сначала решила, что это сторож парка, но потом поняла, что еще слишком рано открывать ворота. Пока она поднималась с кровати, набрасывала халат и подходила к окну, прошло слишком много времени и она успела заметить только отъезжающий автомобиль. Он как раз проезжал под уличным фонарем. Это был довольно большой фургон или микроавтобус, если верить ее описанию. Красного цвета, как ей показалось.

– В масштабах города это сводится к нескольким сотням тысяч микроавтобусов, – уныло подытожил Стюарт. Он захлопнул блокнот: отчет закончен.

– Все равно нужно будет отправить кого-нибудь в Агентство регистрации транспорта, получить информацию обо всех подходящих микроавтобусах, – сказала Барбара Хейверс, обращаясь к Линли.

– Это, констебль, тупиковая ветвь, и вам следовало бы понимать такие вещи, – вставил замечание Стюарт.

Хейверс вспыхнула и открыла рот, чтобы ответить на этот выпад.

Линли не дал ей этого сделать.

– Джон, – сказал он. В его голосе слышались стальные нотки, и Стюарт, хотя ему совсем не нравилось, что Хейверс – какой-то жалкий констебль – имеет наглость высказывать свое мнение, повиновался невысказанному приказу.

– Ладно. Я займусь этим. И пошлю человека к старой кумушке с Гандель-стрит. Может, удастся выковырять из ее памяти еще что-нибудь – что она там видела из окна.

– А что насчет кружевной ткани на четвертом теле? – спросил Линли.

– Очень похоже на фриволите, как мне кажется, – ответил Нката.

– Что?

– Фриволите. Так называются кружева. Моя мама плетет такие же. Это что-то вроде узелков из нитки по краям основы. Получаются салфетки, что ли, их потом кладут на антикварную мебель, под фарфор и так далее.

– Вы имеете в виду антимакассар? – уточнил Джон Стюарт.

– Анти-что? – раздался недоуменный возглас одного из констеблей.

– Это старинное кружево, – пояснил Линли. – Вроде того, что раньше клали леди на спинки кресел.

– Черт побери, – хмыкнула Барбара Хейверс. – Похоже, наш убийца большой любитель ходить по лавкам старьевщиков.

Ее замечание было встречено взрывами смеха со всех сторон.

– Так, идем дальше, – продолжил Линли. – Что у нас с велосипедом, брошенным в Сент-Джордж-гарденс?

– Все отпечатки на нем – того мальчишки. На педалях и на цепи обнаружено некое вещество, но седьмой отдел еще не управился с этим.

– А серебряные предметы там же?

Удалось выяснить только, что все те вещи – просто рамки для фотографий, больше о них ничего не было известно. Кто-то снова упомянул лавку старьевщика, но во второй раз шутка не показалась такой уж смешной.

Линли велел всем вернуться к заданиям. Нкату он направил на установление контакта с семьей мальчика, которого вроде бы удалось идентифицировать с одним именем из списка пропавших детей. Барбару Хейверс он попросил продолжать работать со списком – и такое задание не было воспринято ею с большой радостью, если судить по выражению лица, – а сам вернулся в кабинет и сел за отчеты о вскрытиях. С очками на носу, потирая время от времени усталые глаза, он пытался вникнуть в заковыристый текст. Чтобы не потерять нить, он стал выписывать на отдельный лист пункты, представляющие, на его взгляд, особый интерес для следствия. Вот что у него в конце концов получилось:

Способ убийства: удушение посредством сдавливания горла во всех четырех случаях. Орудие убийства отсутствует.

Пытки перед смертью: ладони обеих рук обожжены в трех из четырех случаев.

Следы фиксации тела: поперек предплечий и лодыжек в четырех случаях, из чего следует, что жертв привязывали к чему-то вроде стула или клали навзничь.

Анализ тканей подтверждает это: следы натуральной кожи на руках и ногах во всех четырех случаях.

Содержимое желудка: небольшое количество еды, съеденной не ранее чем за час до смерти, во всех четырех случаях.

Способ заставить жертв сохранять молчание: следы клейкой ленты у рта – у всех четырех жертв.

Анализ крови: ничего необычного.

Посмертные увечья: брюшной надрез и удаление пупка у жертвы номер четыре.

Особые метки: кровью на лбу жертвы номер четыре.

Трасологический анализ тел: черное вещество (проводятся исследования), волосы, масло (проводятся исследования) во всех четырех случаях.

Анализ ДНК: ничего.

Линли перечитал записи, потом еще раз перечитал. Снял телефонную трубку и набрал номер седьмого спецотдела – лаборатории судебной медицины на южном берегу Темзы. Со времени первого убийства прошло уже много времени. Наверняка с тех пор они успели определить, что за масло было на телах и какое черное вещество имелось на первом теле. И пусть не отговариваются тем, что они загружены выше головы.

Как ни возмутительно, но по черному веществу результатов еще не было, а когда он сумел наконец дозвониться до человека, отвечающего за идентификацию масла, то ответом ему было два слова: «Из кита». Доктор Окерлунд, как выяснилось из дальнейшего разговора, предпочитала давать односложные ответы и только под давлением собеседника соглашалась поделиться более подробной информацией.

– Из кита? – переспросил Линли. – Вы имеете в виду, из рыбы?

– Да бог с вами! Это млекопитающее, – поправила она. – Если точнее, масло добывается из кашалота. Его название – масла, а не кита – амбра.

– Амбра? А где оно используется?

– В парфюмерии. Это все, что вы хотели узнать, суперинтендант?

– В парфюмерии?

– Мы что, играем в эхо? Да, именно это я сказала – в парфюмерии.

– И больше ничего?

– Что еще вы хотите услышать?

– Я имел в виду масло, доктор Окерлунд. Используется ли оно где-нибудь еще помимо парфюмерии?

– Не могу сказать, – отрезала она. – Это ваша работа.

Он поблагодарил ее со всей вежливостью, какую только смог вложить в свой голос, и повесил трубку. К пункту о трасологических исследованиях он добавил слово «амбра» и вернулся в оперативный штаб, где обратился ко всем присутствующим:

– Кто-нибудь знает, что такое амбровое масло? Его нашли на телах убитых. Получают из кашалотов.

– Кашалоты – это бегемоты такие? – отозвался кто-то из констеблей.

– Да нет же, – сказал Линли. – Это киты. «Моби Дика» читали?

– Какого Дика?

– С ума сойти, Фил! – раздался возглас из другого угла. – Попробуй от картинок в книжках перейти к буквам.

За этим последовали и другие шутки, порой выходящие за грань приличий. Но Линли не стал останавливать подчиненных. Рассуждал он так: работа, выпавшая на их долю, отнимает время, силы и нервы, ложится тяжким грузом на их плечи, а порой и на сердце, является причиной раздоров в семье. Если они испытывают потребность снять стресс юмором и смехом, то он не возражает.

Тем не менее новость, положившая веселью преждевременный конец, была встречена с энтузиазмом. Барбара Хейверс, закончив телефонный разговор, объявила:

– Мы только что подтвердили личность жертвы в Сент-Джордж-гарденс. Это парень по имени Киммо Торн, и жил он в Саутуорке.

* * *

Барбара Хейверс настояла на том, чтобы ехать на ее машине, а не Уинстона Нкаты. Она рассматривала полученное от Линли распоряжение опросить родственников Киммо Торна как радостный повод выкурить сигарету и не хотела осквернять безупречно чистый «эскорт» Уинстона пеплом и дымом. Она закурила, как только они оказались на подземной стоянке, и начала с некоторым изумлением наблюдать, как Нката втискивает свои шесть футов и четыре дюйма в ее крохотный «мини». Колени, поджатые чуть не до самой груди, голова, упирающаяся в потолок, – ему оставалось только недовольно кряхтеть.

После нескольких неудачных попыток Барбара завела-таки машину, и они сразу же вывернули в направлении Бродвея. Там через Парламент-сквер въехали на Вестминстерский мост и полетели дальше вдоль реки. Этот район Нката знал лучше, чем Барбара, и поэтому после перекрестка на Йорк-стрит ему пришлось взять на себя роль штурмана. Таким образом они без особых проблем добрались до Саутуорка, где в одном из множества безликих многоквартирных домов, построенных в этом районе к югу от реки после Второй мировой войны, жили тетя и бабушка Киммо Торна. Единственное, чем отличалось от остальных своих собратьев здание, интересующее двух полицейских, – его близость к театру «Глобус». Но, как отметила с саркастической усмешкой Барбара, это вовсе не означает, что жильцы ближайших домов могут позволить себе такую роскошь, как билет в воссозданный театр Шекспира.

Войдя в жилище семейства Торн, Нката и Хейверс обнаружили там бабулю и тетю Сэл, уныло восседающих на диване перед расставленными на кофейном столике тремя фотографиями в рамках.

– Мы уже ходили на опознание, – сразу затараторила тетя Сэл. – Я не хотела брать с собой мамулю, но она и слушать меня не стала, что вы! И вот теперь совсем расклеилась, как посмотрела на нашего Киммо, как он лежит там. Он был хорошим мальчиком. Пусть того, кто сделал это, повесят, да.

Бабуля молчала. Выглядела она убитой. В руке она сжимала белый платочек, вышитый по краям сиреневыми кроликами. Ее взгляд застыл на фотографии внука, где тот был одет будто для костюмированной вечеринки – губная помада, прическа «ирокез», зеленые колготки,

куртка в стиле Робин Гуда и ботинки «Док Мартенс». Во время беседы с полицейскими старушка лишь изредка прикладывала платок к глазам, промокая набегающие слезы.

Барбара рассказала родственницам Киммо Торна, что полиция делает все возможное для обнаружения убийцы подростка. И если мисс и миссис Торн расскажут все, что помнят про последний день из жизни Киммо, то окажут следствию неоценимую помощь.

Закончив тираду, Барбара, хоть и с опозданием, поняла, что автоматически взяла на себя роль, ранее принадлежавшую ей, но которую судьба теперь передала в руки Нкаты. Она досадливо поморщилась и бросила короткий взгляд на Нкату. В ответ он поднял руку: телеграфировал, что все в порядке, и это движение, отметила Барбара, как две капли воды повторяло жест, который при подобных обстоятельствах не раз ей доводилось видеть в исполнении Линли. Она раскрыла блокнот и взяла ручку.

Тетя Сэл со всей серьезностью отнеслась к просьбе полицейских. Она начала с того, что утром Киммо проснулся, оделся как обычно...

– Леггинсы, сапоги, свободный такой свитер, повязал на пояс толстый бразильский шарф – тот самый, что папа с мамой прислали ему на Рождество, ты ведь помнишь, мамуля? – и наложил макияж. На завтрак он поел кукурузные хлопья и чай, а потом отправился в школу.

Барбара и Нката переглянулись. Рассказы о необычном мальчике и странные наряды, в которых он был запечатлен на фотографиях, стоящих на кофейном столике, театр «Глобус» в двух шагах от дома – из всего этого сам собой напрашивался следующий вопрос. И Нката спросил, не занимался ли Киммо на театральных курсах. Не ходил ли в школу актерского мастерства, например?

О, их Киммо просто создан был для театра, и тут не может быть никаких «но», ответила тетя Сэл. Нет, на курсы при «Глобусе» или на какие-нибудь другие занятия он не ходил. Как выяснилось, описанный теткой наряд мальчика был его повседневной одеждой: он выходил на улицу только в таком виде. Да и по дому он тоже так ходил, раз уж на то пошло.

Отложив на время тему одежды, Барбара спросила:

– Значит, и косметикой он пользовался регулярно?

Пожилые женщины согласно кивнули, и она мысленно поставила крест на одной из предварительных теорий, что убийца сам купил косметику и размазал ее по лицу последней жертвы. Однако было крайне маловероятно, что Киммо Торн ходил в школу раскрашенный как кукла. Наверняка его неподобающий вид вызвал бы неодобрение учителей и те сообщили бы о поведении ученика его бабушке и тете. Но, не высказывая сомнений, Барбара поинтересовалась у женщин, в обычное ли время Киммо вернулся из школы в день смерти.

Они сказали, что да, он вернулся к шести часам, как обычно, и они все вместе поужинали – тоже как обычно. Бабуля пожарила мясо, хотя, надо сказать, Киммо не очень-то его любил, потому что следил за фигурой. После ужина тетя Сэл мыла посуду, а Киммо помогал ей – вытирал полотенцем столовые приборы и фарфор.

– Он был точно такой, как всегда, – говорила тетя Сэл. – Болтал, рассказывал всякие истории, так что я смеялась до слез. Он был мастер рассказывать. Да он из чего угодно мог устроить целый спектакль и сыграть его в одиночку от начала до конца. А уж петь и танцевать... Наш мальчик мог показывать их прямо как волшебник.

– Показывать? – переспросил Нката.

– Джуди Гарланд. Лайзу. Барбру. Дитрих. Даже Кэрл Ченнинг, когда парик надевал. А еще он работал над Сарой Брайтман, – добавила тетя Сэл, – только верхние ноты ему не давались и никак не получались руки. Но он бы сумел, обязательно сумел бы, упокой господи его душу, только вот теперь...

В конце концов тетя Сэл не выдержала. Она начала всхлипывать, и вскоре ее рассказ оборвался, потому что она не могла вымолвить ни слова, убитая горем. Барбара посмотрела на

Нкату – убедиться, что он оценивает ситуацию в этой маленькой семье так же, как она: как бы странно ни выглядел и вел себя Киммо Торн, для бабушки и тетушки он был солнцем в окошке.

Бабуля взяла в ладони руку дочери и вложила в нее платочек с кроликами. Дальнейший рассказ повела она.

После ужина он показал им Марлен Дитрих. «Снова влюбляясь». Фрак, чулки в сеточку, каблуки, цилиндр... Даже платиновые волосы, с небольшой такой волной. Все изобразил идеально, до последней детали, наш Киммо. И потом, после спектакля, он ушел.

– Во сколько это было? – спросила Барбара.

Бабуля взглянула на электрические часы, стоящие на телевизоре, и неуверенно предположила:

– В половине десятого? А, Сэлли?

Тетя Сэл утерла глаза.

– Да, примерно в это время.

– Куда он собирался?

Они не знали. Но он сказал, что будет с Блинкером.

– С Блинкером? – повторила Барбара, желая убедиться, что правильно расслышала.

Да, с Блинкером, подтвердили женщины. Фамилии этого мальчика они не знают (значит, Блинкер мужского пола и относится к человеческому роду, заключила Барбара), но зато точно знают, что именно он, Блинкер, и является причиной, из-за которой у их Киммо были неприятности.

Слово «неприятности» немедленно привлекло внимание Барбары, и она доверила Нкате проработать это направление.

– Какого рода неприятности?

Ничего серьезного, разумеется, заверила тетя Сэл. И Киммо никогда не был инициатором. Все дело в том, что проклятый Блинкер («Прости, мамулечка», – торопливо добавила тетя Сэл) передал что-то Киммо, а Киммо куда-то это пристроил; его на этом поймали и обвинили в сбыте краденого.

– Но во всем виноват был только Блинкер, – настаивала тетя Сэл. – Наш Киммо никогда бы ничего такого не сотворил.

Это еще предстоит уточнить, думала Барбара. Она спросила, могут ли Торны подсказать, как найти пресловутого Блинкера.

Его телефонного номера у них нет, зато они отлично представляют, где он живет. Они уверены, что найти его будет нетрудно в любой день, если начать поиски с утра пораньше, потому что про него они точно знают одно – что он целыми ночами болтается где-то в районе Лестер-сквер и потом спит до обеда. Ютится он на диване в доме своей сестры, которая живет с мужем в Киплинг-истейт, что неподалеку от Бермондси-сквер. Имени сестры тетя Сэл, конечно, не знала, как и не имела понятия о том, как называли Блинкера при рождении; но она полагала, что если полицейские ходят по округе с вопросом, где можно найти Блинкера, то кто-нибудь обязательно подскажет. Блинкер из тех людей, которые умудряются прославиться, к сожалению, не добрыми делами.

Барбара попросила разрешения осмотреть вещи Киммо. Тетя Сэл отвела их с Нкатой в комнату племянника. В небольшом помещении теснились кровать, туалетный столик, шкаф, комод, телевизор и музыкальный центр. На туалетном столике красовался такой ассортимент косметики, которому позавидовал бы сам Бой Джордж. Верхняя крышка комода была заставлена подставками с париками; Барбара пересчитала их – пять штук. А на стенах висели десятки профессионально сделанных портретов, служивших Киммо источниками вдохновения. Судя по снимкам – от Эдит Пиаф до Мадонны, – мальчик обладал весьма эклектичным вкусом.

– Откуда он брал бабки на все это? – спросила Барбара, когда тетя Сэл предоставила им изучать имущество погибшего подростка. – Вроде она ничего не говорила про работу, а?

– Как тут не задуматься над вопросом, что именно передал Блинкер для продажи, – ответил Нката.

– Наркотики?

Он развел руками: может быть, да, а может, и нет.

– Точно одно: этого было много, – сказал он.

– Нужно найти парня, Уинни.

– Большого труда не составит, по-видимому. Походить, поспрашивать. Наверняка в квартале о нем кто-то слышал. Обычное дело.

В итоге они мало чего узнали, осмотрев комнату Киммо. Тонкая пачка открыток – на день рождения, на Рождество, на Пасху, все подписанные одинаково: «Любим тебя, детка, твои мамочка и папочка» – нашлась в глубине ящика комода, вместе с фотографией пары средних лет на залитом солнцем чужестранном балконе. Из-под кучи бижутерии на туалетном столике была извлечена газетная вырезка о профессиональной модели, которая в свое время – давным-давно, судя по пожелтевшей газетной бумаге, – поменяла пол. Журнал по парикмахерскому искусству при иных обстоятельствах мог бы свидетельствовать о карьерных устремлениях мальчика.

В остальном же комната Киммо была именно такой, какой Нката и Хейверс ожидали увидеть комнату пятнадцатилетнего подростка. Дурно пахнущие ботинки, трусы, валяющиеся под кроватью, непарные носки. В общем, самая обыкновенная мальчишеская спальня, если бы не наличие кое-каких вещей, превращавших комнату в обиталище гермафродита.

Когда осматривать было больше нечего, Барбара встала посреди комнаты и спросила у Нкаты:

– Уинни, ну и как ты думаешь, чем занимался наш Киммо?

Нката обвел взглядом помещение.

– У меня такое чувство, что об этом лучше всего спросить у Блинкера.

Оба они понимали, что немедленно начинать поиски товарища Киммо бессмысленно. Разумнее будет приступить к этому делу утром, когда работающие соседи Блинкера покинут квартиры и отправятся в офисы. Придя к такому решению, Хейверс и Нката вернулись к тете Сэл и бабуле, и Барбара расспросила их о родителях Киммо. Ее интерес к этой части биографии мальчика был вызван стопкой открыток, припрятанной в комнате, но для следствия эта информация, скорее всего, не пригодится. Этот жалкий тайник заставил Барбару задуматься о том, какие ценности и устремления бывают у людей.

О, они живут в Южной Африке, сказала бабуля. Переехали туда в тот год, когда Киммо исполнилось восемь. Его папа занят в гостиничном бизнесе, понимаете ли, и они поехали открывать шикарный СПА-салон. Конечно, забрать Киммо было в планах родителей (забрать, как только дело наладится). Но мама хотела сначала выучить язык, и времени на это ушло больше, чем ожидалось.

– Родителям о смерти сына сообщили? – спросила Барбара. – Ведь они...

Тетя Сэл и бабуля обменялись взглядами.

– ...они живут далеко, а им наверняка захочется как можно скорее прибыть домой.

Последний вопрос Барбары не был простой формальностью. Она задала его не случайно – хотела заставить женщин признать то, о чем уже догадалась сама: родители Киммо называются родителями благодаря некой яйцеклетке, сперме и случайному их столкновению. А вообще-то папаша и мамаша озабочены вещами куда более важными, чем то существо, которое появилось на свет в результате слияния их тел.

Что, в свою очередь, напомнило ей об остальных жертвах. И о том неизвестном обстоятельстве, которое объединяет их всех.

Глава 5

На следующий день из седьмого спецотдела пришли две новости, которые подняли дух следственной группы. Был определен производитель шин, двое отпечатков которых обнаружили на земле рядом с телом в Сент-Джордж-гарденс. К тому же один из отпечатков позволял выделить характерный износ одной из шин; этот факт, несомненно, порадует прокурора, когда столичная полиция арестует (если когда-нибудь арестует) человека, владеющего двумя такими шинами и транспортным средством, на котором эти шины используются. Другая новость касалась веществ, найденных на педалях и цепи велосипеда, брошенного в Сент-Джордж-гарденс, и на всех четырех телах, фигурирующих в материалах следствия. Во всех случаях это было одно и то же вещество, из чего следовал однозначный вывод: убийца подобрал Киммо Торна в одном месте, убил в другом, после чего выбросил в Сент-Джордж-гарденс тело, велосипед и, возможно, серебряные рамки для фотографий. Все эти новости и выводы нельзя было назвать существенным прогрессом, но все же это был прогресс. Поэтому, когда Хеймиш Робсон вновь появился в Скотленд-Ярде с отчетом, Линли пребывал в настроении достаточно приподнятом, чтобы простить психолога – за то, что тому понадобилось на три с половиной часа больше тех двадцати четырех, которые были выделены Робсону по его же просьбе на подготовку информации, полезной следствию.

Ди Харриман забрала Робсона из приемной и отвела в кабинет Линли. Психолог отказался от предложенной послеобеденной чашки чая и без долгих церемоний прошел к столу для совещаний. Робсон не сел на стул, стоящий перед столом суперинтенданта, и Линли увидел в этом стремление психолога подчеркнуть свое равенство с полицейским офицером. Несмотря на внешнюю сдержанность, Робсон вел себя как человек, который не склонен пасовать перед кем бы то ни было.

Он выложил из портфеля на стол папку, большой блокнот и документы, переданные Линли во время их первого разговора днем ранее. Сложив все это перед собой аккуратной стопкой, он спросил у Линли, известно ли тому что-нибудь о методе создания психологического портрета. Линли ответил, что до сих пор ему не случалось работать вместе с подобными специалистами, хотя общее представление об их работе он имеет. Он не стал дополнять свой ответ воспоминаниями о том, с каким нежеланием согласился включить Робсона в команду, и не стал рассказывать, что Робсона позвали только в качестве дополнительного козыря для Хильера в общении с алчной оравой журналистов.

– Хотите, коротко расскажу об этом методе? – спросил Робсон.

– По правде говоря, не особенно.

Робсон внимательно посмотрел на полицейского. Глаза его за стеклами очков загадочно блеснули, однако он не счел нужным что-либо добавить, кроме малопонятной фразы:

– Ну, дальше будет видно, что и как.

После чего он раскрыл блокнот и приступил к делу.

Скотленд-Ярду нужно искать, говорил психолог, белого мужчину в возрасте между двадцатью пятью и тридцатью пятью годами. Внешне этот мужчина будет отличаться опрятностью и аккуратностью: чисто выбритый, с короткой стрижкой, в хорошей физической форме, поддерживаемой, вероятнее всего, физическими упражнениями. Он был знаком с жертвами до их последней встречи, хотя близким другом или даже приятелем тех молодых людей его назвать нельзя. Весьма умный, он все же не достиг больших успехов в жизни. В школе он, скорее всего, учился неплохо, но имел проблемы с дисциплиной, вызванные его хроническим неумением слушаться. За спиной у него будет внушительный список потерянных рабочих мест, и, хотя в настоящее время он, судя по всему, работает, специальность будет гораздо ниже его способностей. Можно не сомневаться, что в детские и юношеские годы он уже нарушал закон, например

попадался на поджоге или жестоком обращении с животными. Семейный статус преступника – не женат, живет один или с властным родителем.

Несмотря на то что он уже кое-что знал о психологическом портрете, Линли не мог не испытывать недоверия к такому большому количеству подробностей о характере и внешности убийцы.

– Откуда вам все это известно, доктор Робсон? – спросил он.

Губы Робсона шевельнулись в улыбке, в которой, как психолог ни старался, сквозило самодовольство.

– Я полагаю, суперинтендант, вы действительно в курсе, чем занимается в следственной команде психолог, – сказал он. – Но знаете ли вы, почему этот метод оказывает реальную помощь? Психологические портреты редко бывают неточными, и тут дело обходится без хрустальных шаров, карт Таро и заклятия жертвенных животных.

Это замечание сильно напоминало увещевания нежного родителя в адрес своенравного ребенка, и Линли вспомнил несколько способов восстановления авторитета – хотя бы формального. Но все это было бы пустой тратой времени.

– Давайте начнем наши отношения с чистого листа, – предложил он психологу.

Робсон снова улыбнулся, на этот раз искренне.

– Спасибо, – сказал он.

И поведал суперинтенданту, что для выявления убийцы достаточно лишь внимательно рассмотреть совершенное им преступление; именно этим занимаются американцы с тех пор, как ФБР выделило в своем составе группу поведенческой психологии. Благодаря многолетнему сбору информации о серийных убийцах и проведению опросов среди тех, кто находился в заключении, специалисты обнаружили, что существуют некие общие черты в психологическом портрете людей, совершивших преступления одного типа. И эти черты обязательно будут присутствовать. В данном случае, продолжал Робсон, следствие может взять за основу тот факт, что четыре убийства являются попытками добиться власти, хотя сам убийца может считать, будто его поступки вызваны совершенно иными причинами.

– Но дело не в том, что он просто получает удовольствие от акта убийства?

– Вовсе нет, – подтвердил Робсон. – Удовольствие здесь не играет роли. Этот человек совершает преступление, потому что он раздражен, отчаялся, лишен чего-то или унижен кем-то. Хотя удовольствие здесь может присутствовать, но только как вторичный фактор.

– Унижен жертвой?

– Нет. Нашего убийцу толкнул на путь преступлений некий источник стресса, но этим источником стресса была не жертва.

– Кто же тогда? Или что?

– Несправедливая, по мнению убийцы, потеря работы относительно недавно. Разрыв брачных или иных любовных отношений. Смерть близкого человека. Отказ в ответ на предложение руки и сердца. Судебный запрет. Внезапная утрата денег. Уничтожение родного дома огнем, наводнением, землетрясением, ураганом. Подойдет все, что способно превратить мир человека в хаос. Это и будет источником стресса.

– У нас у всех такое случается, – заметил Линли.

– Но не все мы психопаты. Источник стресса опасен не сам по себе, а в сочетании с психопатической личностью.

Робсон разложил веером фотографии, сделанные на местах преступлений, и продолжил анализ. Во всех случаях, говорил он, наличествуют признаки садизма – обожженные руки, например, – но убийца испытывал некое подобие жалости к своим жертвам. Об этом в каждом эпизоде свидетельствует тело жертвы: оно положено так, как традиционно укладывают в гроб умерших. Кроме того, последняя жертва была прикрыта чем-то вроде набедренной повязки. Это, сказал Робсон, называется психической компенсацией или психическим стиранием.

– То есть убийце эти преступления представляются печальным долгом, который он должен исполнить. Это его убеждение.

Линли показалось, что психолог заходит слишком далеко. То, что было сказано вначале, еще как-то можно проглотить. Но это? Компенсация? Наказание? Печальный долг? Зачем делать это четыре раза, если потом он сожалеет о содеянном?

– Для него, – сказал Робсон словно в ответ на вопросы, которые Линли так и не задал вслух, – конфликт состоит в потребности убивать; потребность же эта вызвана источником стресса. Эту надобность он может удовлетворить только актом убийства, хотя отлично осознает, что поступает плохо. Противостоять ей он не может.

– Правильно ли я понял вас, что он снова сделает это? – спросил Линли.

– Тут даже вопросов быть не может. Более того, потребность убивать будет только нарастать. Она уже нарастает – это мы можем понять по четырем известным нам убийствам. Вы сами можете видеть, что он поднимает ставки. Об этом говорит не только то, что он выбрасывает тела в местах, где его с большой долей вероятности могут заметить, но и те штуки, которые он продерывает с телами.

– Увеличивает количество оставленных меток?

– Да, он делает свою подпись более очевидной. Судя по всему, он считает, что полицейские слишком глупы, чтобы поймать его, поэтому ему хочется поддразнить вас немного. Он трижды обжигал ладони жертв, а вы не сумели увидеть связи между убийствами. Так что ему пришлось пойти дальше.

– Но почему он пошел настолько далеко? Разве недостаточно было просто разрезать живот последней жертвы? Зачем добавлять метку на лбу? Зачем эта набедренная повязка? Зачем он вырезал пупок?

– Если отбросить набедренную повязку как психическую компенсацию, то мы имеем разрез, отсутствующий пупок и метку на лбу. Разрез на теле можно трактовать как часть ритуала, который мы еще не сумели разгадать, а изъятый пупок – как жутковатый сувенир, с помощью которого убийца рассчитывает заново пережить событие. Остается только символ на лбу, который служит для сознательного усиления впечатления от совершенного действия.

– А как бы вы истолковали эту метку? – спросил Линли.

Робсон взял в руки одну из разложенных на столе фотографий – ту, где кровавый рисунок был отчетливо виден.

– Она чем-то напоминает клеймо, которым метят скот. Я имею в виду саму метку, а не то, каким способом она нанесена на тело. Круг с двумя двухголовыми крестами, которые делят его на четыре части. Он наверняка обладает каким-то конкретным значением.

– То есть вы считаете, что это не подпись преступника, в отличие от других характерных действий?

– Я думаю, это больше чем подпись, потому что символ слишком сложен для этого. Почему не поставить обычный крест, если нужно всего лишь пометить тело? Почему не один из своих инициалов? В любом случае это было бы гораздо быстрее, чем рисовать на жертве замысловатый символ. А время для убийцы, я полагаю, весьма важный фактор.

– Значит, эта метка служит двоякой цели.

– Да, такое у меня складывается впечатление. Ни один художник не подписывает свое произведение до тех пор, пока не закончит его, и тот факт, что символ нарисован кровью самой жертвы, говорит о том, что его нанесли на лоб уже мертвого человека. Так что – да, я думаю, это прямое послание.

– Полиции?

– Или жертве. Или семье жертвы. – Робсон собрал фотографии и отдал Линли. – Ваш убийца испытывает огромное желание быть замеченным, суперинтендант. Если это желание

не удовлетворено уже обретенной известностью в прессе – а оно не удовлетворено, потому что потребности такого рода ничем не могут быть удовлетворены, – то он нанесет новый удар.

– Скоро?

– На вашем месте я ожидал бы этого очень скоро.

Психолог вернул Линли также копии полученных ранее отчетов. К ним он приложил свое заключение, которое вынул из папки, – аккуратно распечатанное, официальное, на бланке психиатрической больницы для преступников.

Линли собрал все в стопку, сверху положил визитную карточку психолога. Он размышлял над услышанным. Некоторые из его коллег, как было известно Линли, абсолютно доверяли этому искусству (или науке, если считать, что выводы основаны на неопровержимых эмпирических доказательствах), но сам он не принадлежал к их числу. Поставленный перед выбором, в любой ситуации он предпочел бы положиться на собственный мозг и кропотливо просеивать конкретные факты, а не создавать на основании этих самых фактов портрет неизвестного человека. Кроме того, он пока не видел практической пользы от такого портрета. Так или иначе, им предстоит найти убийцу среди десяти миллионов людей, населяющих Большой Лондон, и каким образом психологический портрет, нарисованный Робсоном, поможет следствию, Линли не представлял. А вот сам психолог, по-видимому, знал это. Он добавил последнюю деталь, словно поставив точку в отчете.

– Еще вам нужно подготовиться к контакту, – сказал он.

– Контакту какого рода? – спросил Линли.

– Убийца выйдет с вами на связь.

Наедине с Собой Он был Фу, Священное Существо, бессмертный Бог Того, Что Должно Случиться. Он есть истина, и путь принадлежит Ему. Он знает это, однако одного этого знания более не достаточно.

В Нем снова заговорила потребность. Она пришла раньше, чем Он ожидал. Она пришла спустя дни, а не недели, требуя действия. Но, несмотря на довлеющее желание судить и мстить, искупать и избавлять, Он двигался с осторожностью. Выбирать необходимо тщательно. Знание подскажет Ему, и потому Он ждал. Потому что Ему каждый раз было знамение.

Одиночка – лучше всего, это основополагающая аксиома. И в таком городе, как Лондон, выбирать можно из бесчисленного количества одиночек. Но только хорошенько изучив одного из них, Он сможет убедиться, что не ошибся с выбором.

Невидимый в камуфляже из окружающих Его пассажиров, Фу выполнял свою задачу в общественном транспорте. Избранный вошел перед Ним в салон автобуса и немедленно направился к лесенке, ведущей на второй этаж. Фу не поднялся за ним. Он остался на первом этаже автобуса, заняв позицию у поручня неподалеку от выхода, откуда лестница хорошо просматривалась.

Их поездка оказалась долгой. Автобус фут за футом пробирался через забитые транспортом улицы. На каждой остановке Фу безотрывно наблюдал за выходом, а между остановками развлекал Себя изучением попутчиков в нижнем салоне: Он смотрел на усталую мать с вопящим младенцем на руках, на старую деву с опухшими лодыжками, на школьниц в расстегнутых пальто и не заправленных в юбки блузках и на молодых выходцев из Азии, которые приблизили друг к другу головы и шептались, строя какие-то планы; он наблюдал за чернокожими подростками в наушниках: плечи их двигались в такт музыке, которую никто, кроме этих подростков, больше не слышал. Всех снедала нужда, но почти никто не сознавал этого. И никто из них не знал, кто стоит среди них. Анонимность – величайшее благо, дарованное большим городом.

Какой-то пассажир нажал на кнопку, давая знак водителю, чтобы тот притормозил у следующей остановки по требованию. На лестнице раздался топот ног, и в нижнем салоне появи-

лась большая группа подростков разных национальностей. Фу видел, что Его избранник тоже был среди них, и стал пробираться ближе к двери. Он оказался прямо за спиной у Своей добычи и мог чувствовать его запах, пока стоял на ступенях в очереди на выход. Это был омерзительный запах пубертатного периода, беспокойный и резкий.

Ступив на тротуар, Фу задержался, чтобы дать мальчику время уйти вперед ярдов на двадцать. Пешеходов на улице было не так много; Он огляделся, пытаясь уяснить, где очутился.

Район был многонациональный: мимо Него проходили чернокожие, белые, азиаты и арабы. Они говорили на дюжине языков. Но, несмотря на то что все эти группы персонажей в этих местах не выглядели уж слишком странно и непривычно, каждый человек по отдельности находился здесь не в своей тарелке.

Так воздействует на людей страх, подумал Фу. Недоверие. Настороженность. Жди неожиданностей с любой стороны. Будь готов или бежать, или драться. А лучше оставайся незамеченным, если это реально.

Его избранник придерживался последней методы. Он шагал, опустив голову, и будто не видел никого, кто проходит мимо. А это, думал Фу, только к лучшему, если принимать в расчет Его намерения.

Мальчик приблизился к цели путешествия, и оказалось, что он шел вовсе не к себе домой, как ранее предполагал Фу. Путь юноши проходил через коммерческую зону, заполненную магазинчиками, видеосалонами и букмекерскими конторами, и закончился у маленькой лавки с непрозрачными витринами, в которую мальчик и вошел.

Фу перешел на другую сторону улицы и встал в тени у магазина велосипедов. Оттуда Он мог никем не замеченным наблюдать за Своей добычей. Помещение, куда вошел мальчик, было ярко освещено, и, несмотря на холодную погоду, дверь была распахнута настежь. Там стояли и болтали друг с другом наряженные в пестрые одежды мужчины и женщины, между ними бегала шумная детвора. Интересующий Его мальчик разговаривал с высоким мужчиной в длинной разноцветной рубашке, доходящей до бедер. Кожа мужчины была цвета кофе с молоком, на шее висели резные деревянные бусы. Между ним и мальчиком, по-видимому, существовала какая-то связь, но менее близкая, чем между отцом и сыном. Потому что отца у добычи не было. Фу знал это. Значит, этот мужчина... этот человек приходится мальчику... Да уж, возможно, Фу все-таки ошибся в Своем решении.

Однако вскоре Он убедился, что все-таки был прав, выбрав именно этого мальчика. Толпа расселась на стульях, и начались занятия хорovým пением. Получалось плохо. Слов почти никто не знал, а аккомпанементом служила записанная на кассету музыка явно африканского происхождения, судя по барабанам, преобладающим в аранжировке. Запевала – тот самый мужчина, с которым разговаривал мальчик, – то и дело останавливал хор и заставлял начинать заново. Мальчик тем временем выскользнул на улицу. Застегнул молнию на куртке и направился дальше, мимо торговых заведений. Сгущались сумерки. Фу, никем не замеченный, последовал за ним.

На одном из перекрестков подросток повернул и скрылся на другой улице. Фу ускорил шаги и, завернув за угол, буквально в последний миг успел заметить, что мальчик нырнул в дверь кирпичного здания без окон, рядом с обшарпанной закуской для трудяг. Фу остановился, оценивая ситуацию. Было крайне нежелательно рисковать, ведь Его могли увидеть, но Он должен убедиться, что мальчик, который избран Им, соответствует требованиям.

Он приблизился к двери. Она оказалась не запертой, и Фу потянул ручку. Темный коридор вел в просторный зал, ярко освещенный. Из этого зала доносились удары, хрипы и изредка резкие, грубые команды: «Ну же, удар, где твой удар, черт возьми!» и «А теперь апперкот, давай!»

Фу вошел в дверь. Его нос сразу же подвергся атаке запаха пыли и пота, кожи и плесени, несвежей мужской одежды. Вдоль коридора на стенах висели плакаты, а на полпути к залу

стоял застекленный шкафчик со спортивными наградами. Фу неслышно двинулся вдоль стены. Он уже почти подошел к залу, как вдруг раздался голос:

– Чего тебе тут надо?

Это был голос чернокожего, и при этом недружелюбно настроенного. Фу позволил Себе уменьшиться в размерах, перед тем как обернуться к обладателю голоса. На нижней ступеньке темного лестничного марша, который Фу раньше не заметил, стоял шкаф во плоти. Он был одет по-уличному и натягивал перчатки на широкие ладони.

– Ну, так чего ты ищешь? Это частное владение.

Фу нужно было избавиться от него, но потребность кое-что увидеть была еще более острой. Что-то подсказывало Ему, что в этом здании Он узнает все самое важное, необходимое для того, чтобы приступить к действиям.

– Извините, – сказал Он. – Я не знал, что это частное владение. Просто заметил, что отсюда вышли несколько парней, и захотел посмотреть, что здесь такое. Я в этом районе впервые.

Мужчина молча смотрел на Него.

– Я подыскиваю себе квартиру, – добавил Фу. Он улыбнулся приветливо. – Хожу, смотрю, изучаю район. Простите. Не хотел никого обидеть.

Для пущего эффекта Он ссутулился и покорно шагнул в сторону выхода, хотя не имел ни малейшего намерения уходить. Даже если громила выдворит Его на улицу силой, Он вернется сюда, как только этот черный уберется восвояси. Но чернокожий великан смиловился.

– Ладно, можешь взглянуть, – сказал он. – Но смотри мне, никому не мешай, понял?

Фу почувствовал, как внутри Его раздувается пузырь гнева. Тон голоса, дерзость приказа. Он вдохнул спокойствия вместе со спертым воздухом коридора.

– А что здесь? – спросил Он.

– Зал рукопашной борьбы. Ну иди, ты же хотел посмотреть. Только постарайся, чтобы тебя не спутали с боксерской грушей!

И с этими словами чернокожий спортсмен ушел, довольный своими жалкими потугами на остроумие. Фу ждал, пока тот скроется за дверью. Его одолевал соблазн пойти за наглецом и показать ему, с кем он только что говорил. Желание мгновенно переросло в голод, но Он отказался подчиниться. Вместо этого Он прошел к ярко освещенному проему и, держась в темноте, оглядел зал, откуда доносились хрипы и удары.

Боксерские мешки, пневматические груши, два ринга. Гантели и штанги. Беговая дорожка. Скакалки. Две видеокамеры. Инвентарь повсюду. И повсюду мужчины, использующие этот инвентарь. В основном чернокожие, но были среди них и несколько белых парней. И мужчина, выкрикивающий команды, тоже белый, при этом лысый как младенец и с серым полотенцем, накинутым на плечи. Он тренировал двух боксеров на ринге. Они были чернокожими, потными и пытели, как загнанные собаки.

Фу взглядом отыскал мальчика. Тот уже успел переодеться в спортивный костюм и колотил в углу боксерский мешок. На спине выступили пятна пота.

Фу наблюдал за тем, как подросток молотит по мешку – без стиля и техники. Он просто бросался на цель и яростно осыпал ее ударами, не замечая ничего вокруг себя.

Ага, думал Фу. Путешествие через весь Лондон все-таки оправдало сопряженный с этим риск. То, чему Он сейчас был свидетелем, стоило даже унижительной интерлюдии с громилой в коридоре. Потому что впервые за все время слежки за избранником тот обнажил свою суть. Только сейчас.

В нем жил гнев, равный гневу самого Фу. Он действительно нуждается в искуплении.

Уинстон Нката снова не поехал домой сразу же после работы. Вместо этого он проследовал вдоль реки до моста Воксхолл, где перебрался на другой берег и вновь обогнул площадь

Овал. Он ехал не думая, лишь сказав себе, что настало время. Пресс-конференция многое упростила. К этому времени Ясмин Эдвардс уже слышала или читала про убийства, а значит, цель его визита – сделать акцент на тех деталях, значение которых, возможно, ускользнуло от Ясмин.

Только припарковавшись напротив Доддингтон-гроув, Нката более или менее пришел в себя. И встреча с реальностью оказалась не самой приятной, потому что помимо способности рассуждать к нему вернулась и способность чувствовать, а чувствовал он, барабани пальцами по кожаному рулю, не что иное, как трусость. Все ту же трусость.

С одной стороны, у него есть повод, который ему так нужен, повод зайти. Более того, у него есть долг, который он поклялся исполнять. Не такое уж это и сложное дело – передать ей необходимую информацию. Это его работа. Но отчего же он так взвинчен? Эту загадку ему ни за что решить.

И все же Нката знал, что лжет себе, и даже специально отвел на это дело тридцать секунд. У него было полдюжины оснований испытывать тревогу перед тем, как подняться на лифте в квартиру на четвертом этаже, и не последним из них было то, что он когда-то сделал намеренно по отношению к женщине, которая жила в этой квартире.

Он еще не совсем разобрался с тем, что побудило его взять на себя ответственность и поведать Ясмин Эдвардс о том, что ее любовница ей неверна. Одно дело – честно вести охоту за убийцей, и совсем другое – желать, чтобы убийцей оказался тот, кто стоит на пути Нкаты к... к чему? Он не хотел задумываться над ответом.

Он сказал себе: «Смелее, чувак» – и распахнул дверцу машины. Может, Ясмин Эдвардс и зарезала мужа, в результате чего отсидела срок за решеткой, но уж если дело меж ними дойдет до ножей, то Нката (и он был уверен в этом как ни в чем другом) имеет куда больше опыта в обращении с оружием, чем она.

В другое время он, чтобы проникнуть в лифт здания, позвонил бы в любую другую квартиру и состряпал бы для ответившего жильца историю – зачем полиции требуется попасть в подъезд. Тогда он поднялся бы на лифте и постучал в дверь Ясмин Эдвардс, которая и не догадалась бы, кто же стоит на пороге ее жилища. Но сейчас Нката не разрешил себе так поступить. Он набрал на домофоне номер ее квартиры и услышал ее голос, спрашивающий, кто там.

– Полиция, миссис Эдвардс. Мне нужно поговорить с вами, – сказал он.

Возникшая пауза заставила предположить, что хозяйка квартиры не узнала его голос. Однако секундой позже она открыла замок. Дверцы кабины разъехались в стороны, и Нката шагнул в лифт.

Он думал, что Ясмин встретит его в крытом переходе, у входа в квартиру, но дверь была плотно закрыта, как всегда, и окно гостиной задернуто, как положено на ночь, занавесками. Когда же он постучал, дверь сразу распахнулась. Это означает, заключил Нката, что она стояла в прихожей и ждала его прихода.

Она без выражения смотрела на него, и ей не приходилось поднимать голову. Потому что Ясмин Эдвардс была ростом в шесть элегантных футов, и выглядела она столь же впечатляюще, как и в первый раз, когда Нката увидел ее. Она уже сменила рабочую одежду, и сейчас на ней была только полосатая пижама. Больше на ней ничего не было, и он знал ее достаточно хорошо, чтобы догадаться: она сознательно не набросила халат, узнав, кто звонит в дверь. Так она показывала полиции, что ее уже ничем не напугаешь; она уже испытала в их руках самое плохое, что только возможно.

Яс, Яс, думал он. Он хотел остановить несказанные ею слова. Между нами все должно быть совсем не так. Но вслух он произнес лишь: «Миссис Эдвардс» – и потянулся за своим удостоверением, словно поверил, что она не узнала его.

– Чего тебе, парень? – спросила она. – Пришел высматривать еще одного убийцу? В этом доме только я одна способна на убийство, так на какой день мне нужно алиби?

Нката сунул удостоверение обратно в карман. Он не вздохнул, хотя очень хотелось.

– Можно поговорить с вами, миссис Эдвардс? – спросил он. – Если честно, это касается Дэна.

Невзирая на все усилия Ямин, тревога отразилась на ее лице. Но она подозревала, что слова Нкаты могут быть какой-то уловкой, поэтому осталась стоять где стояла, загораживая проход в квартиру.

– Моего Дэна? – переспросила она. – Сначала выкладывай все мне, констебль.

– Теперь уже сержант, – заметил Нката. – Или это только портит дело?

Ямин склонила голову набок. Нката вдруг понял, что ему недостает перезвона бусинок в сотне ее косичек, хотя и короткая стрижка была ей очень к лицу.

– Значит, сержант? Так ты об этом хотел рассказать Дэниелу?

– Я пришел поговорить не с ним, – терпеливо пояснил Нката, – а с вами. О Дэниеле. Могу сделать это в коридоре, если вам так удобнее, миссис Эдвардс, но вы замерзнете, если останетесь здесь.

И тут же лицо Нкаты вспыхнуло жаром: в этих словах отозвалась только что замеченная им подробность: кончики ее грудей затвердели под тонкой тканью пижамы, а кожа цвета грецкого ореха в глубоком вырезе пошла мурашками. Из всех сил Нката старался не смотреть на незащищенное от зимнего холода тело Ямин, но все равно в поле его зрения оставался нежный и гордый изгиб шеи, а под правым ухом была родинка, которой он раньше не замечал.

Ямин бросила на него полный презрения взгляд и протянула руку за дверь, где, как было известно Нкате, находилась вешалка для верхней одежды. Она достала тяжелый кардиган и надела его, затем тщательно, не торопясь, застегнулась. Только когда все пуговицы были застегнуты, а воротник расправлен, она вновь обратила внимание на Нкату.

– Так лучше? – спросила она.

– Вам судить, не мне.

– Мам? – Это раздался голос ее сына, доносящийся из-за двери спальни, которая, как помнил Нката, располагалась слева от прихожей. – Ты уходишь куда-то? Кто...

За спиной Ямин возникла фигурка Дэниела Эдвардса. Он взмахнул ресницами, когда увидел, кто к ним пришел, и расплылся в заразной улыбке, обнажая идеальные белые зубы, такие крупные на лице двенадцатилетнего мальчика.

– Привет, Дэн, – сказал Нката. – Как дела?

– Привет! – ответил Дэниел. – Ты запомнил, как меня зовут.

– У них все записано, – сказала сыну Ямин Эдвардс. – У копов такая работа. Ты уже готов пить какао? Если хочешь, пей, я все приготовила. Уроки сделал?

– Ты зайдешь к нам? – спросил Дэниел у Нкаты. – У нас есть какао. Мама сама варит. Я поделюсь с тобой.

– Дэн! У тебя с ушами все в порядке?

– Извини, мама, – торопливо пробормотал Дэн и снова блеснул улыбкой.

Дэниел исчез в кухне. Сразу же застучали открываемые и закрываемые дверцы шкафчиков.

– Можно? – спросил Нката у матери мальчика, кивая головой в сторону гостиной. – На это уйдет не больше пяти минут. Обещаю вам, мне и самому пора домой.

– Я не хочу, чтобы ты пытался подобраться к Дэну...

Нката поднял руки в знак покорности.

– Миссис Эдвардс, я хоть раз беспокоил вас после того, что случилось? Нет, верно? Думаю, вы можете доверять мне.

Она как будто углубилась в размышления над тем, что сказал чернокожий полицейский, а тем временем из кухни продолжал доноситься веселый стук и звон посуды. Наконец она

отошла от дверного проема, широко раскрыв дверь. Нката тут же шагнул в квартиру и закрыл за собой дверь, не давая ей возможности передумать.

Он быстро огляделся. Еще загодя он решил проявлять безразличие ко всему, что бы он ни нашел в квартире Ясмин; но любопытство взяло верх. Когда он впервые встретил Ясмин Эдвардс, она жила с любовницей-немкой – тоже бывшей заключенной, как и она сама, тоже отсидевшей срок за убийство, как и она. Теперь Нката не мог не задаться вопросом: кто пришел на смену немке?

Но ничто не говорило о том, что в жизни Ясмин появился кто-то другой; в доме все было по-прежнему. Он обернулся и увидел, что Ясмин наблюдает за ним, сложив руки на груди, а на лице ее читалось: «Удовлетворен?»

Нката ненавидел себя за то, что испытывает в ее присутствии робость. В общении с женщинами он не привык чувствовать себя так. Поэтому взял быка за рога:

– Миссис Эдвардс, недавно в городе был убит мальчик. Его тело нашли в парке Сент-Джордж-гарденс рядом с Расселл-сквер.

– Северный берег, – ответила она, пожимая плечами, словно хотела этим сказать, что к южному берегу это происшествие не может иметь никакого отношения.

– Это еще не все, – продолжал Нката. – Тот мальчик – лишь один из тех, кого находят по всему Лондону. Ганнерсбери-парк, Тауэр-Хамлетс, автостоянка в Бейсуотере, а теперь вот в Сент-Джордж-гарденс. Тот, кого нашли в парке, белый, а все остальные – смешанной расы. И юные, миссис Эдвардс. Совсем еще дети.

Она кинула быстрый взгляд в сторону кухни. Нката знал, о чем она думает, ведь ее Дэниел подпадал под это описание. Он юный, он смешанной расы. Но все-таки, нетерпеливо переступив с ноги на ногу, она сказала Нкате:

– Это все к северу от реки. Нас это не касается. И вообще, хотела бы я знать, зачем ты сюда явился?

Резкостью тона и торопливыми фразами она словно хотела защититься от страха за своего мальчика.

Прежде чем Нката успел ответить, в прихожую снова вышел Дэниел с чашкой дымящегося какао в руках. Старательно избегая материнского взгляда, он пошел прямо к Нкате:

– Я принес тебе на всякий случай, вдруг ты захочешь. Попробуй, может, сахару надо добавить, я не знаю, как ты любишь.

– Спасибо, Дэн.

Нката взял у мальчика кружку и похлопал его по плечу. Дэниел заулыбался, переминаясь с ноги на ногу.

– Да ты, похоже, вырос с тех пор, как мы виделись в прошлый раз.

– Угу, – кивнул Дэниел. – Мы измеряли. У нас отметки на стене в кухне. Хочешь, пойдем покажу. Мама замеряет меня первого числа каждого месяца. В этот раз я на два дюйма вырос.

– Надо же, так вымахать, – сказал Нката. – Кости-то болят?

– Ага! А ты откуда знаешь? А-а, потому что ты тоже быстро рос.

– В точку, – признал Нката. – Однажды за лето вытянулся на пять дюймов.

Дэн засмеялся. Он, по-видимому, настроился поболтать с Нкатой по душам, но мать положила конец этому намерению, резко окликнув сына. Дэниел взглянул на нее, однако снова повернулся к полицейскому.

– Иди пей свое какао, – подмигнул ему Нката. – Поговорим в другой раз.

– Да?

Всем своим видом мальчик будто умолял, чтобы ему пообещали встречу.

Ясмин Эдвардс не позволила этому произойти.

– Дэниел, этот человек пришел сюда по делу, только и всего, – отрезала она.

Этого хватило, чтобы мальчуган поплелся на кухню, напоследок успев лишь оглянуться на Нкату. Ясмин подождала, пока он не скроется из виду.

– Что-нибудь еще? – спросила она у Нкаты.

Он сделал плоток горячего какао и поставил кружку на кофейный столик с железными ножками, где стояла старая знакомая Нкаты – пепельница в форме красного каблука. Теперь, после ухода из жизни Ясмин Эдвардс любовницы-немки, пепельницей никто не пользовался.

– Сейчас вы должны проявлять особую внимательность, – произнес Нката. – К Дэну.

Ее губы сжались в полосу.

– Уж не хочешь ли ты сказать...

– Нет, – сказал Нката. – Вы – лучшая мать в мире, я не сомневаюсь в этом, Ясмин. – Он сам напугался из-за того, что назвал ее по имени, но она притворилась, будто ничего не заметила, и он был страшно благодарен Ясмин за это. – Я знаю, что у вас дел выше головы: и ваш бизнес с париками, и дела по дому, и все остальное. Дэн много времени проводит один, без вас, но не потому, что вы так хотите, а потому, что так получается. Мне нужно только сказать, что этот тип выбирает мальчишек такого возраста, как Дэн, и убивает их, а я не хочу, чтобы это случилось с Дэном.

– Он не идиот, – ядовито заметила Ясмин.

Однако Нката видел, что это всего лишь бравада. Она ведь тоже не была идиоткой.

– Я знаю, Яс. Но он... – Нката с трудом находил нужные слова. – Вы сами понимаете, что мальчик нуждается в общении с мужчиной. Это же очевидно. И, судя по тому, что мы знаем о тех мальчиках... Они сами шли с ним. Они не сопротивлялись. Никто ничего не видел, потому что видеть нечего – они доверяли ему, понятно?

– Дэниел никогда не пойдет за каким-то...

– Мы думаем, что у него микроавтобус, – перебил Нката, несмотря на явное ее нежелание слушать. – Вероятно, микроавтобус красного цвета.

– А я говорю, что Дэниел не ездит с кем попало. Не разговаривает с теми, кого не знает. – Она глянула в сторону кухни и понизила голос: – И что ты хочешь этим сказать? Что я не научила его самым простым вещам?

– Я знаю, что вы научили его всему, чему нужно. Как я уже говорил, мне кажется, что вы замечательная мать. Но это никак не меняет того, что уже есть внутри мальчика, Яс. А у него внутри – потребность общения с мужчиной.

– Думаешь, ты сможешь стать таким мужчиной, или что?

– Яс... – Произнеся ее имя один раз, Нката уже не мог остановиться – так нравилось ему, как оно звучит. Звучание ее имени становилось для него зависимостью, от которой нужно было избавиться как можно скорее, а не то он окажется за дверью – и глазом не успеет моргнуть. Поэтому он начал снова: – Миссис Эдвардс, я знаю, что Дэн много времени проводит один, потому что вы заняты. Это и не хорошо, и не плохо. Такова жизнь. Просто я хочу, чтобы вы понимали, что творится в нашем городе, слышите?

– Хорошо, – сказала она. – Я поняла. – Она прошла к выходу и взялась за ручку двери со словами: – Ты сделал то, ради чего сюда пришел, и теперь можешь...

– Яс! – Нката не сдавался. Он пришел, чтобы оказать этой женщине услугу, хочет она этого или нет, и услуга эта – разъяснить всю серьезность и опасность ситуации, чего Яс, по всей видимости, понимать не желала. – По улицам ходит негодяй, охотится за мальчишками вроде Дэниела, – выпалил Нката куда с большим жаром, чем намеревался. – Он сажает их в микроавтобус и обжигает им ладони до черноты. Потом он душит их и разрезает трупы. – Вот теперь Ясмин слушала его, это вдохновляло Нкату, и он продолжал что-то доказывать, хотя сам он не до конца понимал, что именно ему так хочется доказать. – А потом ставит на них метку кровью, их кровью. И после этого выставляет тела напоказ. А мальчишки идут с ним, и мы не знаем почему, и до тех пор, пока не узнаем...

Он увидел, что выражение лица ее изменилось. Гнев, ужас и страх превратились в... Во что?

Она смотрела мимо него, она не отрывала взгляда от кухни. И он понял. Миг – и он понял, как будто перед ним щелкнули пальцами и он внезапно пришел в сознание. Нужды оборачиваться не было. Ему оставалось лишь догадываться, давно ли Дэниел стоит в дверях кухни и многое ли он услышал.

Кроме того, что он вылил на Ясмин Эдвардс ушат информации, в которой она не нуждалась и которую он в принципе не имел права разглашать, он еще и напугал ее сына, и Нката знал это, не оглядываясь, – точно так же, как знал, что визит слишком затянулся. В Доддингтон-гроув еще не скоро будут рады его видеть.

– Ну что, доволен? – яростно прошипела Ясмин Эдвардс, переводя взгляд с сына на Уинстона Нкату. – Увидел, что хотел? Услышал?

Нката оторвал от нее глаза и посмотрел на Дэниела. Тот стоял в дверях кухни с надкушенным тостом в руках, скрестив ноги так, будто ему срочно нужно в туалет. При виде огромных детских глаз Нката проникся жалостью к мальчику, которому пришлось услышать, как его мать пререкается с мужчиной.

– Я не хотел, чтобы ты слышал это, чувак, – сказал он Дэниелу. – В этом нет нужды, и мне очень жаль. Но на улице будь внимателен. Там убийца ищет мальчиков твоего возраста. Я не хочу, чтобы ты оказался на его пути.

Дэниел кивнул с мрачным видом и сказал:

– Ладно. – И когда Нката повернулся, чтобы выйти из квартиры, вслед ему раздалось: – Когда ты снова к нам зайдешь?

Нката не ответил на этот вопрос. Он сказал лишь:

– Главное – будь осторожен, хорошо?

Уже покидая квартиру, он рискнул в последний раз оглянуться на мать Дэниела Эдвардса. В его взгляде светилось послание: «Ну, что я тебе говорил, Ясмин? Дэниелу нужен мужчина».

Она ответила ему столь же красноречивым взглядом: «Что бы ты о себе ни думал, этот мужчина – не ты».

Глава 6

Прошло еще пять дней. Они были отданы той работе, из которой состоит всякое следствие по факту убийства, только в данном случае все усилия были возведены в куб, потому что команде приходилось вкалывать над серией убийств. И так, часы складывались с часами, обрачивались долгими днями и еще более долгими вечерами, когда некогда было даже нормально поесть, – вот сколько времени отнимала рутинная тяжелая работа. На восемьдесят процентов эта работа состояла из бесконечных телефонных звонков, сличения фактов, сбора информации, опроса свидетелей и составления отчетов. Еще пятнадцать процентов труда уходило на то, чтобы собрать все данные воедино и попытаться в них разобраться. Три процента тратилось на пересмотр каждого факта дюжину раз: надо убедиться, что ничего не упущено, не забыто и не истолковано неверно. И только в оставшиеся два процента времени полицейские чувствовали, что дело продвигается. Для первых восьмидесяти процентов требовалось упорство и трудолюбие. В остальном отлично помогал кофеин.

На протяжении всего этого времени пресс-бюро выполняло свое обещание держать средства массовой информации в курсе событий, и помощник комиссара Хильер продолжал вызывать для участия в брифингах сержанта Уинстона Нкату – а зачастую и Линли тоже, – чтобы они служили для столичной полиции экспонатами в выставочной витрине «Ваши налоги в действии». Несмотря на отвращение к сути пресс-конференций и их целям, Линли не мог не признавать, что выступления Хильера перед журналистами возымели желаемый эффект: средства массовой информации пока еще не спускали на Скотленд-Ярд всех собак. Но это не делало его присутствие на конференциях менее тягостным.

– Мое время могло быть потрачено с большей пользой – в других направлениях, сэр, – со всей возможной дипломатичностью высказался он помощнику комиссара после третьего восхождения на трибуну.

– Это часть вашей работы, – последовал сухой ответ Хильера. – Умейте справляться.

Докладывать журналистам было почти не о чем. После того как инспектор Джон Стюарт разделил подчиненных сотрудников на рабочие группы, они работали с армейской точностью, что, разумеется, не могло не радовать инспектора. Группа номер один завершила изучение алиби, предоставленных всеми возможными подозреваемыми, которых они выкопали из числа недавних пациентов психиатрических лечебниц и бывших тюремных заключенных. То же самое было проделано ими в отношении тех, кто совершил преступления сексуального характера и был освобожден в последние шесть месяцев. Они добавили к своему списку всех, кто был осужден условно, а также бездомных – из числа тех, кто, по информации из ночлежек, вел себя подозрительно в дни совершения убийств. Но усилия полиции пока ни к чему не привели.

Тем временем группа номер два прошерстила все в окрестностях тех точек, где были найдены четыре мертвых подростка, в поисках свидетелей... в поисках хоть чего-нибудь. Ганнерсбери-парк по-прежнему выглядел самым многообещающим в этом смысле, и инспектор Стюарт намерен был, хоть «кровь из носу», как сам он выразился, найти тех, кто что-то видел. Не может быть такого, поучал он группу номер два, чтобы никто не заметил автомобиля, припаркованного ранним утром на Ганнерсбери-роуд, когда жертва номер один была доставлена в парк, потому что, как было точно установлено, в закрытый на ночь парк можно было попасть только двумя способами: через забор (что для человека, который несет на себе труп, было практически невозможно, если учитывать высоту забора – восемь футов) или через две заколоченные калитки на Ганнерсбери-роуд. Но пока опрос жителей домов, расположенных на этой улице, не принес группе номер два успеха. Опросили и водителей грузовиков – практически каждого, кто мог проехать мимо парка тем утром, событиями которого так интересовалось

следствие, но результат также был нулевой. Аналогичные запросы в службы такси и курьерские фирмы тоже были безуспешны – пока, поскольку работа в этом направлении еще не была завершена.

Отправной точкой оставался красный фургон, замеченный в районе парка Сент-Джордж-гарденс. Но когда Агентство регистрации транспорта выдало Скотленд-Ярду список подобных автомобилей, находящихся в собственности жителей Большого Лондона, команда испытала глубокое разочарование: таковых было семьдесят девять тысяч триста восемьдесят семь штук. Даже составленный Хеймишем Робсоном портрет убийцы, позволяющий сузить круг автоладельцев до одиноких мужчин в возрасте двадцати пяти – тридцати пяти лет, не сократил это невозможное число до разумных пределов.

И в этой ситуации Линли тосковал по кинематографической версии жизни полицейского: краткий этап рутинной работы, чуть более долгий период размышлений, а потом – яркие сцены действия, в которых герой преследует злодея на суше, в воде и в воздухе, в темных аллеях, под виадуками и наконец загоняет его в угол и выбивает признание у изнемогшего противника. Однако в жизни все было совсем не так.

Но однажды после очередного появления перед журналистами в распоряжение следственной команды поступили три обнадеживающие новости, одна за другой.

Линли вернулся в свой кабинет как раз вовремя, чтобы ответить на звонок из седьмого спецотдела. Анализ черного вещества на всех телах и велосипеде позволил сделать ценное заключение: микроавтобус, который разыскивают полицейские, скорее всего, будет «фордом» модели «транзит». Анализируемое вещество образовалось при разложении определенного типа резиновой обивки, которая использовалась на полу микроавтобусов такого типа десять – пятнадцать лет назад. Уточнение марки и модели автомобиля сослужит добрую службу, сократив список, полученный от Агентства регистрации транспорта, хотя конкретные цифры станут известны только после того, как новые данные заведут в компьютер.

Когда Линли вошел в оперативный штаб, чтобы поделиться этой новостью, его встретили еще одним сообщением. Тело, оставленное на автостоянке в Бейсуотере, опознали. Уинстон Нката прокатился в Пентонвилльскую тюрьму, чтобы показать фотографию второй жертвы убийцы Фелипе Сальваторе (тот сидел срок за вооруженное ограбление и нападение), и Сальваторе рыдал взахлеб, как пятилетний ребенок, узнав на фотографии своего младшего брата Джареда; о его исчезновении он заявил еще в тот день, когда парнишка впервые пропустил свидание со старшим братом. Что касается остальных членов семьи Джареда... Найти их оказалось не так-то просто по той причине, что мать убитого мальчика была в кокаиновой зависимости и любила перемену мест.

Третью новость тоже принес Уинстон Нката, который провел два утра в квартале Киплинг-истейт, пытаясь разыскать человека, о ком полиция не знала ничего, кроме его клички – Блинкер. Упорство сержанта вкупе с его хорошими манерами в конце концов было вознаграждено: некий Чарли Буров, более известный как Блинкер, проживающий у старшей сестры, был найден и даже выразил согласие рассказать о своих отношениях с Киммо Торном, жертвой из Сент-Джордж-гарденс. Встречаться в родном квартале он, однако, не пожелал, потому назначил встречу с полицейскими («только без формы», несколько раз подчеркнул он) в соборе Саутворк, в пятом ряду с конца, слева от прохода, ровно в двадцать минут четвертого.

Линли ухватился за эту возможность – выбраться на несколько часов из душных помещений. Он позвонил помощнику комиссара рассказать последние известия, чтобы дать Хильеру материал для скармливания журналистам на следующей пресс-конференции, и велел сержанту Нкате проверить в отделе нравов, не состоял ли у них на учете Джаред Сальваторе, а затем съездить и поговорить с семьей мальчика. С собой Линли взял констебля Хейверс и отправился вместе с ней в направлении Вестминстерского моста.

Когда типичная для Тенисон-уэй неразбериха на дороге осталась позади, дальнейший путь к собору Саутуорк был прост и прямолинеен. Через пятнадцать минут после поворота с Виктория-стрит Линли и его спутница вошли в собор.

Со стороны алтаря доносились голоса – там стояла, похоже, группа студентов, внимающих разъяснениям какого-то человека, который указывал на детали убранства над амвоном. Три туриста, решившие посетить Лондон в межсезонье, перебирали открытки в книжном киоске напротив входа. Однако в церкви не было никого, кто был бы похож на человека, ожидающего встречи. Ситуация усложнялась и тем, что, подобно большинству средневековых соборов, Саутуорк был построен без скамей, поэтому не представлялось возможным определить «пятый ряд с конца слева от прохода», где мог бы притулиться Чарли Буров, он же Блинкер, в ожидании полицейских.

– Могу предположить, что раньше он не бывал здесь, – проговорил негромко Линли.

Хейверс, оглянувшись, вздохнула и шепотом выругалась, и он добавил:

– Следите за речью, констебль. Молния – не такая уж редкая штука, когда дело касается Бога.

– Он мог бы, по крайней мере, зайти сюда на разведку, – ворчала Хейверс.

– В лучшем из миров. – Наконец Линли разглядел у купели тщедушного юношу в черном, который украдкой поглядывал в их сторону. – Ага. Смотрите-ка, Хейверс. Это, должно быть, наш человек.

Он не убежал, когда они приблизились к нему, хотя и бросил нервный взгляд сначала на группу студентов перед амвоном, потом на туристов у книжного киоска. В ответ на вежливый вопрос Линли, не он ли является мистером Буровом, юнец буркнул:

– Да не, я Блинкер. А вы, значит, легавые?

При этом говорил он, почти не размыкая губ, как персонаж из плохого фильма ужасов.

Линли назвал себя и представил Хейверс, одновременно оглядывая собеседника. На вид Блинкеру можно было дать лет двадцать, а его лицо было бы абсолютно неприметным, если бы не обритая налысо голова и большое количество пирсинга, как раз достигшего пика моды. Колечки и гвоздики прорезывались сквозь кожу лица как серебряное проявление оспы, а когда он говорил – что было для него непросто, – то можно было заметить еще дюжину гвоздиков, пронзивших край языка. Линли не хотел даже думать, какую помеху они представляют собой во время еды. Ему с лихвой хватало слышать, какое препятствие они представляют собой при разговоре.

– По-моему, собор не лучшее место для нашей беседы, – сказал Линли. – Может, ты знаешь здесь неподалеку какое-нибудь место...

Блинкер согласился на кофе. Им удалось отыскать подходящее кафе поблизости, и Блинкер уселся за один из неопрятных пластиковых столов.

– Так я возьму спагетти, идет? – спросил он, изучив меню.

Линли передвинул источающую зловоние пепельницу в сторону Хейверс и сказал пареньку:

– С удовольствием угощу тебя.

Однако он содрогнулся при мысли о поглощении любой пищи (а тем более спагетти) в заведении, где ботинки прилипают к линолеуму, а книжечки меню выглядят так, будто нуждаются в дезинфекции.

Блинкер, очевидно, воспринял слова Линли как приглашение к пиру, потому что, когда к ним подошла официантка принять заказ, он добавил к спагетти с мясным соусом еще и бифштекс, два яйца, жареный картофель, грибы и сэндвич с тунцом и кукурузой. Хейверс заказала апельсиновый сок, Линли – кофе.

В ожидании заказа Блинкер схватил солонку и принялся катать ее между ладоней. Он не хочет разговаривать, пока «не пожрет», заявил он полицейским. Поэтому все трое молча

сидели до тех пор, пока не прибыли первые тарелки с едой. Хейверс воспользовалась паузой, чтобы выкурить сигарету, а Линли смотрел на кофе и мысленно готовился к ужасному спектаклю – когда Блинкер начнет изуродованным языком заталкивать еду в рот.

К счастью, оказалось, что Блинкер вполне освоил этот трюк. Когда перед ним поставили блюдо с бифштексом и гарниром, он расправился с пищей быстро, беззвучно и – слава богу! – не демонстрируя окружающим внутренность рта. Собрав куском хлеба растекшийся по тарелке яичный желток и жир от бифштекса, он констатировал, что «так-то лучше», и изобразил на лице готовность перейти к разговору и сигарете, которую стрельнул у Хейверс. Официантка пообещала, что спагетти скоро будут готовы.

Он был «в полном отпаде от Киммо», сказал он. Но он предупреждал приятеля – предупреждал миллион раз – о том, чтобы тот не подставлялся незнакомым мужикам. Да только Киммо всегда утверждал, что риск того стоит. И что он всегда заставляет мужиков надевать презики... хотя, конечно, не каждый же раз он оборачивался в ключевой момент и смотрел, натянута резинка или нет.

– Говорил же ему: не в том дело, что какой-нибудь мужик заразит его, – бубнил Блинкер. – А в том, что с ним как раз и случилось. Никогда я не хотел отпускать его одного, никогда. Когда Киммо шел на улицу, я шел на улицу вместе с ним. Так все и должно было быть.

– А! – качнул головой Линли. – Понемногу начинаю понимать. Ты был сутенером Киммо Торна, верно?

– Эй, ничего подобного!

Блинкер явно обиделся на такое предположение.

– Значит, ты не был его сутенером? – вступила Барбара Хейверс. – А кем же ты тогда ему приходился, скажи на милость?

– Я был его приятелем, – ответил Блинкер. – Присматривал за ним, чтобы никакого дерьма не случилось, если, например, какой-нибудь тип задумал бы что, помимо перепиха с Киммо. Мы работали вместе, одной командой. Я-то тут при чем, в самом деле, если им нравился Киммо, а не я?

Линли хотел сказать, что, вероятно, проститутка может понравиться клиентам или не понравиться из-за своей внешности, но решил не заострять внимание на этом моменте.

– В ту ночь, – спросил он, – когда Киммо пропал, он вышел на улицу без тебя?

– Да вы чего, я даже не знал, что он собирается на дело. За день до того мы пробили Лестер-сквер и нашли там компашку, которой хотелось поразвлечься, так что бабла мы срубили прилично, и нам пока не нужно было никого искать, да и Киммо сказал, что бабуля за чем-то просила его остаться дома в тот вечер.

– Такое случалось и раньше? – спросил Линли.

– Не-а. То есть я сразу должен был просечь, что дело нечисто, когда он так сказал, но я не врубился, потому что мне-то что, мне и так по кайфу. Я мог телик посмотреть... и вообще у меня тоже дела были.

– А поточнее? – спросила Хейверс. Так как Блинкер не ответил, а молча уставился в направлении кухни, откуда должны были появиться его спагетти под мясным соусом, она сформулировала вопрос по-иному: – Чем еще занимались вы двое, Чарли, помимо проституции?

– Эй! Я же говорил: мы никогда не...

– Давай не будем тут в игры играть, – перебила его возражения Хейверс. – Можешь навредить какую угодно тень на плетень, но истина в том, что если тебе платят деньги, Чарли, то это не настоящая любовь. А вам платили деньги, правильно я понимаю? Ведь ты именно это нам сказал? И не потому ли вам не нужно было снова искать клиентов на следующий вечер? Потому что, развлекая «компашку» на Лестер-сквер, Киммо заработал достаточно денег, чтобы тебе хватило на неделю, а то и больше, так ведь? Но вот какой вопрос меня мучает, Чарли: а что ты сделал со своей долей? Выкурил? Выколол? Вынюхал? Что?

– Да я вообще не обязан с вами тут разговаривать! – запальчиво произнес Блинкер. – Могу вообще вот встать и уйти, и черта с два вы меня поймаете...

– И даже не попробуешь свои спагетти? Под мясным соусом? – спросила Хейверс. – Только не это, черт возьми.

– Хейверс! – произнес Линли тем тоном, который обычно использовал (с переменным успехом), чтобы обуздать ее. Он спросил Блинкера: – Часто ли такое случалось, чтобы Киммо уходил один?

– Иногда бывало, ну да. Я же говорил. Я предупреждал его, но он все равно делал, как хотел. Я говорил, что это небезопасно. Он же мелкий такой был, Киммо, и если он ошибется с тем, кому дает... – Блинкер смял сигарету и отвернулся. Его глаза наполнились влагой. – Кретин несчастный, – проговорил он.

Наконец прибыли его спагетти вместе с банкой тертого сыра, который выглядел как опилки, страдающие недостатком железа. Тщательно посыпав сыром пасту, Блинкер снова принялся за еду. Очевидно, аппетит его взял верх над эмоциями. Дверь кафе открылась, и в зал вошли двое рабочих в джинсах, побелевших от штукатурки, и в заляпанных цементом ботинках на толстой подошве. Они по-приятельски поздоровались с поваром, который маячил в окошке для подачи блюд, и выбрали столик в углу, где официантка приняла у них заказ, не сильно отличающийся от того, что сделал Блинкер двадцатью минутами ранее.

– Сколько раз говорил я ему, что это случится, если он будет ходить один, – сказал Блинкер, покончив со спагетти. Теперь он ждал сэндвич с тунцом и кукурузой. – Говорил ему снова и снова, но он разве слушал? Он считал, что разбирается в мужиках. От плохих, сказал он, так и пахнет – плохо. Как будто они слишком долго думали о том, что хотелось бы им сделать с тобой, отчего, мол, кожа у них жирная становится. Я ему говорю, ерунда это все и что он должен всегда брать меня с собой, всегда, но ему хоть кол на голове теши, и вот видите, как все вышло.

– Так ты думаешь, это сделал один из его клиентов? – спросил Линли. – Киммо был один и ошибся в своем выборе?

– Ну да, что же еще?

– Бабушка Киммо утверждает, что это ты втравил его в неприятности, – сказала Хейверс. – По ее словам, он сбывал краденые вещи, которые ему передавал ты. Что скажешь на это?

Блинкер встал со стула, будто смертельно обиженный.

– Никогда! – выпалил он. – Лживая ведьма, вот кто она такая. Корова старая. Она с самого начала точила на меня зуб, а теперь пытается засадить за решетку, да? Ну так вот, если и были у Киммо неприятности, то я к этому никаким боком. Да вы сами спрашивайте в Бермондси, кто знает Блинкера и кто знает Киммо, – тогда узнаете. Так и сделайте.

– Бермондси? – переспросил Линли.

Но Блинкер больше не желал говорить. Он весь кипел при мысли, что на него указали как на вора, а на самом-то деле он вовсе не вор, нет, он просто обычный сводник, предлагающий почтенной публике услуги пятнадцатилетнего мальчика.

Линли спросил:

– Вы, случайно, не были любовниками, ты и Киммо?

Блинкер пожал плечами, словно счел вопрос несущественным.

Он оглянулся в ожидании сэндвича, увидел, что тот готов и стоит в окошке выдачи, и пошел за ним сам.

– Не спеши, приятель, – окликнула его официантка. – Сейчас я сама тебе все принесу.

Блинкер ее проигнорировал и пришел с сэндвичем к столу.

Но садиться он больше не стал. И есть не стал. Вместо этого он завернул сэндвич в использованную салфетку и сунул сверток в карман поношенной кожаной куртки.

Линли, наблюдавший за Блинкером, заметил, что юноша не столько возмущен последним вопросом, сколько расстроен, и это чувство, по-видимому, стало неожиданным для него самого. Мышцы его рта подрагивали, и Линли получил ответ на интересующий его вопрос. Да, Блинкер и убитый подросток были любовниками, если и не в последнее время, то раньше – вероятно, до того, как они встали на путь добывания денег с помощью тела Киммо.

Блинкер бросил на полицейских угрюмый взгляд, когда застегивал молнию на куртке.

– Как я уже говорил, у Киммо не было бы проблем, если бы он держался со мной, – сказал он. – Но Киммо все делал по-своему, хотя я предупреждал его. Он думал, что все уже знает. И вот что вышло из этого знания.

С этими словами он развернулся и направился к двери, оставив Линли и Хейверс изучать остатки его спагетти под мясным соусом.

– Даже спасибо не сказал за обед, – заметила Хейверс. Она взяла вилку Блинкера, намотала на нее две длинные макароны и поднесла вилку к лицу, словно хотела изучить творение здешнего повара в деталях. – Но вот его тело... Тело Киммо. Ни в одном из отчетов не сказано, что перед смертью имело место сексуальное сношение, а?

– Верно, – согласился Линли.

– А это означает...

– А это означает, что его смерть не связана с работой на улице. Если, конечно, они просто не успели заняться сексом до того, что случилось той ночью.

Линли переставил почти нетронутую чашку кофе на центр стола.

– Но если мы исключим секс как часть... – продолжила свою мысль Хейверс.

– Тогда встает такой вопрос: как вы относитесь к подъему до рассвета?

Она посмотрела на него:

– Бермондси?

– Да, мне кажется, это наша следующая остановка.

Линли с легким удивлением смотрел, как она размышляет над этими словами, по-прежнему держа вилку со спагетти у себя перед носом.

Наконец она кивнула, но выглядела при этом не очень довольной.

– Надеюсь, вы планируете присоединиться к этому раннему походу.

– Вряд ли я смогу допустить, чтобы дама бродила по предрассветному Южному Лондону в одиночку, – ответил Линли.

– А вот это хорошая новость.

– Рад слышать. Хейверс, зачем вы взяли вилку? Что вас так интересует в этих спагетти?

Она глянула на него, затем снова перевела взгляд на вилку, застывшую в пяти дюймах от ее лица.

– Как что? – спросила она, сунула спагетти в рот, с задумчивым видом разжевала и вынесла вердикт: – Над соусом им нужно еще поработать.

Джаред Сальваторе, вторая жертва убийцы (которого в следственной команде стали называть «Красный фургон», за неимением лучшего определения), жил в Пекеме, в восьми милях от того места, где было найдено его тело. Поскольку Фелипе Сальваторе, находясь в Пентон-вилльской тюрьме, не мог указать точного местопребывания его семьи, Нката сначала отправился по последнему известному адресу, то есть в квартиру в дебрях квартала Северный Пекем. Это была местность, где с наступлением темноты никто не выходил на улицу без оружия, где копов не жаловали, а территория была поделена между бандами. Здесь совместное проживание являло свои худшие стороны: унылые ряды сохнувшего белья на веревках, натянутых между балконами и водосточными трубами, поломанные, лишенные шин велосипеды, тележки из супермаркетов, брошенные ржаветь, и мусор во всех своих ипостасях. По сравнению с Северным Пекемом родной квартал Нкаты выглядел как Утопия в день открытия.

По адресу, который числился за семейством Сальваторе, Нката никого не нашел. Он обошел всех соседей, но те либо ничего не знали, либо не хотели ничего говорить. Наконец сержант отыскал человека, заявившего, что «придурковатая корова со своими сопляками» была изгнана из дома после монументальной битвы с Навиной Крайер и ее командой, все члены которой происходили из квартала Клифтон. Дальнейшая судьба семьи Сальваторе была неизвестна. Но, получив новое имя – то бишь имя Навины Крайер, – Нката смог продолжить поиски в Клифтоне, куда он и отправился в надежде раздобыть хоть какие-то сведения о Джаред Сальваторе.

Навина оказалась шестнадцатилетней девушкой на поздней стадии беременности. Проживала она вместе с матерью, двумя своими младшими сестрами и парой карапузов в подгузниках; чьи это карапузы, за все время разговора Нкаты с девушкой так и не стало ясно. В отличие от обитателей Северного Пекема Навина горела желанием поговорить с полицией. Однако она долго всматривалась в удостоверение Нкаты, еще дольше разглядывала самого Нкату и только после этого впустила его в квартиру. Ее мать на работе, сообщила она сержанту, а остальные – очевидно, она имела в виду сестер – пусть сами за себя отвечают. Она провела Нкату на кухню. На обеденном столе высилась гора грязного белья, а воздух казался густым от запахов детских подгузников, использованных по назначению.

Навина прикурила сигарету от горелки на закопченной газовой плите. Ее живот выпирал так далеко, что было удивительно, как девушка умудряется стоять прямо. Под тонкой тканью ее леггинсов просматривались толстые, как черви после дождя, вены.

– М-да, почти вовремя, – заявила она неожиданно. – И что это вдруг у вас загорелось? Я почему спрашиваю: в следующий раз хочу знать, с какого края за вас браться, чтобы толку добиться.

Нката попытался разобраться в услышанном. Судя по всему, она ожидала визита из полиции. Если учесть информацию, полученную от единственной жительницы Северного Пекема, способной к диалогу, то можно сделать вывод, что Навина сейчас говорит о последствиях (каких именно, еще предстояло разобраться) ее столкновения с миссис Сальваторе.

– Одна женщина в Северном Пекеме... – проговорил он. – Она говорит, что вы, может быть, знаете, где сейчас находится мать Джареда Сальваторе. Это правда?

Навина сузила глаза. Она сделала глубокую затяжку (настолько глубокую, что Нката поморщился от боли за ее нерожденного ребенка) и выдула через ноздри дым. Посмотрев на Нкату, она углубилась в изучение своих ногтей на руках – покрашенных ярко-розовым лаком, как и ногти на ногах. Наконец она медленно произнесла:

– Что насчет Джареда? От него слышно что-нибудь?

– Надо кое-что передать его матери, так что скажите, где мне ее искать, – как можно туманнее ответил Нката.

– Как будто ей не все равно. – Голос Навины звенел от презрительной насмешки. – Как будто Джаред значит для нее больше, чем доза. Эта сука даже не знала, что он пропал, пока я ей об этом не сказала, мистер, и если вы найдете ее под какой-нибудь машиной – потому что где же ей еще приткнуться, из Северного Пекема-то ее вытурили, – то передайте ей, что я желаю ей сдохнуть. Я с радостью приду на ее похороны, чтобы только плюнуть в гроб.

Она сделала еще одну затяжку. Нката заметил, что пальцы у нее дрожат.

– Навина, а вы не могли бы рассказать немного подробней? – попросил он. – Я ничего не понимаю.

– Как это? Что еще я должна вам сказать? Его нет уже бог знает сколько, а это совсем на него не похоже, вот о чем я твержу вам снова и снова. Да только никто и слушать меня не желает, и я уже готова...

– Погодите-ка, – перебил поток эмоций Нката. – Вы не присядете вот сюда, пожалуйста? Я стараюсь разобраться, а вы слишком торопитесь.

Он вытащил стул из-под стола и кивнул ей, чтобы она садилась. В этот момент в кухню приковылял один из безродных карапузов. Его неуверенные шажки затруднялись подгузником, висящим почти до колен. Навина отвлеклась от беседы с полицейским, чтобы переодеть малыша. Вот каков был процесс переодевания: полный подгузник сорвали и швырнули в мусорное ведро (к счастью, содержимое подгузника при этом не разлетелось во все стороны), а новый памперс бесцеремонно натянули на ребенка. Прилипшие к телу малыша фекалии остались без внимания. Покончив с гигиеной, Навина сняла с полки коробочку сока и вручила ребенку, предоставив ему самостоятельно разбираться, как отсоединить упакованную в пластик трубочку и вставить ее в запечатанное фольгой отверстие. Потом она с трудом опустилась на стул. Все это время сигарета висела у нее между губ, но теперь она затушила ее в пепельнице, которую выудила из-под завалов грязного белья.

– Вы хотите сказать, что сообщили в полицию об исчезновении Джареда? – спросил Нката.

– Я сказала об этом копам, как только он в первый раз не пришел на мои занятия для беременных. Я сразу поняла, что с ним что-то не так, ведь раньше он всегда приходил. Он заботится о своем ребенке.

– Так он отец ребенка? – не сдержал удивления Нката. – Джаред Сальваторе – отец вашего ребенка?

– И гордится этим. Гордится с самого начала. Всего-то тринадцать лет, не многие парни начинают так быстро, и ему нравилось это, моему Джареду. В тот день, когда я ему сказала, у него так встал, вы и не поверите.

Нката хотел было спросить у Навины, о чем она думала, когда путалась с мальчишкой, которому надо ходить в школу и думать о своем будущем, а не болтаться без дела и детей плодить, но он не спросил. Навина, если уж на то пошло, сама еще не вышла из школьного возраста, во всяком случае, ей следовало бы заняться чем-то более полезным, а не отдаваться похотливому подростку тремя годами младше ее. Должно быть, они занимались этим еще тогда, когда Джареду было двенадцать. У Нкаты закружилась голова при одной мысли об этом. Страшно представить, ведь в двенадцать лет он и сам бы, при наличии согласной девицы, мог радостно выбросить свою жизнь на помойку, дорвавшись до плотских утех и потеряв способность думать о чем-либо еще.

– Мы получили информацию от Фелипе Сальваторе, в настоящее время отбывающего срок в Пентонвилле, – сказал он Навине. – Джаред не пришел на свидание с ним, хотя и обещал, и Фелипе заявил о его исчезновении. Было это недель пять или шесть назад.

– Да я же через два дня сказала этим олухам! – воскликнула Навина. – Через два дня после того, как он не пришел на занятия, а он всегда раньше приходил. Я говорила легавым, но они меня не слушали. Они ни одному моему слову не поверили.

– Когда это было?

– Уже больше месяца назад, – сказала она. – Иду я в участок и говорю парню в приемной, что хочу заявить: пропал человек. Он спрашивает: «Кто?» – и я говорю: «Джаред». Я говорю ему, что он не пришел на занятия для беременных и что даже не звякнул мне, что совсем на него не похоже. А они тут же решают, что он сбежал от меня, понимаете, из-за ребенка. Они говорят, что надо подождать еще день или два, и, когда я снова прихожу, велят еще подождать. И я все хожу к ним и говорю, а они запишут мое имя да Джареда, и все. И никто больше ничего не делает!

Она начала плакать.

Нката поднялся со стула и подошел к ней. Он положил руку ей на затылок. Подушечками пальцев он чувствовал, какая она худенькая и какая теплая плоть в том месте, где он касался ее. И тогда он догадался, сколь привлекательна она была до того, как безобразно распухла от бремени, вынашивая дитя тринадцатилетнего подростка.

– Мне очень жаль, – проговорил Нката. – В местном участке должны были вам поверить. Я не оттуда.

Она подняла к нему мокрое лицо.

– Но вы же сказали, что вы коп... А откуда вы тогда?

Он сказал ей. Потом со всей возможной деликатностью сообщил остальное: отец ее ребенка погиб от рук серийного убийцы; погиб он, скорее всего, в тот самый день, когда не явился на занятие для беременных, и он был одной из четырех жертв, которые, подобно ему, были подростками. Их тела были найдены слишком далеко от родных домов, чтобы их кто-нибудь сразу опознал.

Навина слушала, и ее темная кожа блестела от слез, которые продолжали бежать по щекам. Нката разрывался от желания утешить ее и втолковать ей хоть каплю здравого смысла. На что она вообще рассчитывала, недоумевал он про себя. Он хотел спросить у Навины: неужели она думала, что тринадцатилетний мальчишка останется с ней навсегда? Дело, конечно, не в том, что он может умереть, хотя, бог свидетель, не так уж редко юноши с темным цветом кожи не доживают и до тридцати. А дело в том, что рано или поздно он одумался бы и понял, что жизнь – это гораздо большее, чем бессмысленное размножение, и тогда он захотел бы лучшего, чем бы оно ни обернулось для него.

Победила жалость. Нката выудил из кармана куртки платок и вложил ей в руку.

– Вас должны были выслушать в участке, но почему-то этого не сделали, – сказал он. – Я не могу объяснить вам почему. Мне очень жаль, Навина.

– Вы не можете объяснить? – горько повторила она. – Да что я для них такое? Беременная девица, залетевшая от мальчишки, которого застукали с двумя ворованными кредитками, – и это все, что они помнят о нем. Да еще то, что он пару раз выхватывал сумочки у прохожих. Однажды с приятелями пытался взломать «мерседес». Тот еще хулиган, мы и не почешемся искать его, еще чего! Так что катись отсюда, девка, хватит дышать нашим драгоценным воздухом, большое спасибо. Ну и что, а я любила его, любила, и мы хотели жить вместе, и он уже начал строить эту жизнь. Он учился готовить, собирался стать настоящим шеф-поваром. Вот спросите у кого угодно. Послушайте, что вам скажут.

Готовить? Шеф-повар? Нката вынул элегантную книгу для записей в кожаном переплете, которую использовал как рабочий блокнот, и карандашом записал услышанное. Расспрашивать Навину подробнее ему не хватило духу. Да с ее слов уже было понятно, что в Пекемском полицейском участке про Джареда Сальваторе могли много чего порассказать.

– Как вы себя чувствуете, Навина? – спросил он. – Может, мне позвонить кому-нибудь, чтобы вам помогли?

– Да, маме, – ответила она, всхлипывая.

Впервые за все время общения она стала похожа на шестнадцатилетнюю девушку и позволила своим чувствам отразиться на лице. Нката увидел, что она испугана. Испугана, как и многие девушки, которые воспитывались в обстановке, где никто не был в безопасности и все находилось под подозрением.

Ее мать работала в столовой при местной больнице, и, когда Нката дозвонился до нее, она сказала, что приедет немедленно.

– Надеюсь, это не роды? – с тревогой спросила женщина и, услышав, что ситуация совсем иного рода и что ее присутствие просто послужит для дочери большим утешением, выдохнула: – Ну ладно, спасибо и на этом.

Он оставил Навину дожидаться прихода матери, а сам поехал из Клифтона в полицейский участок Пекема, который располагался недалеко от Хай-стрит. В приемной белый констебль писал что-то за столом, и, чтобы оторваться от своих дел и поднять глаза на подошедшего Нкату, ему потребовалось времени на секунду больше, чем было необходимо. После этого он произнес с удивительно безразличным выражением лица:

– Чем могу?

Представляясь сержантом полиции и показывая удостоверение, Нката испытал особое удовольствие. Он пояснил, по какому делу пришел сюда. Стоило ему упомянуть фамилию Сальваторе, как оказалось, что никаких дальнейших объяснений не требуется. В участке сложнее было бы найти человека, который ничего не знает о славной семейке Сальваторе, чем того, кто не сталкивался с ними в связи с тем или иным нарушением закона. Помимо Фелипе, сидящего в Пентонвилле, был еще один – его брат, пребывающий в предварительном заключении по обвинению в нападении. Мать имела неприятности с полицией начиная со школьной скамьи, а сыновья, казалось, из кожи вон лезли, чтобы превзойти ее. Поэтому нужно было не искать того, кто мог бы поговорить с сержантом Нкатой о Джареде, а, скорее, выбирать, с кем именно Нката хотел бы побеседовать, потому что практически все здешние сотрудники могли рассказывать о Сальваторе часами.

Нката сказал, что предпочел бы встретиться с человеком, который принял заявление о пропаже Джареда Сальваторе от Навины Крайер. Тут выяснилось, что никаких записей о приходе Навины в участок нет, и тогда возник деликатный вопрос – почему ее заявление не было зарегистрировано. Однако Нката не желал отвлекаться на это. Он выразил надежду, что, даже если в участке и не регистрировали заявление девушки, то хотя бы выслушали ее. Вот с человеком, который общался с Навиной, он бы и поговорил.

Оказалось, что с Навиной общался констебль Джошуа Сильвер. После звонка от дежурного он вышел в приемную и отвел сержанта в кабинет, который с ним делили еще семеро полицейских. Места в кабинете было мало, а шума – много. Констебль Сильвер имел в своем распоряжении выгороженный закуток между созвездием постоянно трезвонящих телефонов и шкафом для хранения документов; туда-то он и привел Нкату. Да, признался констебль, это он – тот самый сотрудник, который принял Навину в участке. Не во время первого ее прихода, когда ей даже не удалось пройти дальше стола дежурного, а во второй и третий раз. Да, он записал информацию, полученную от Навины, но, по правде говоря, не воспринял ее слова всерьез. Младшему Сальваторе было тринадцать лет. Сильвер решил, что парнишка сделал ноги, чего и следовало ожидать, стоило только взглянуть на живот подружки. Ничто в прошлом Джареда не предполагало, что он будет ждать такого благословенного события где-то поблизости.

– Мальчонка с восьми лет не в ладах с законом, – поведал констебль. – Впервые он предстал перед магистратом, когда ему было девять, – за то, что украл сумочку у старой леди. А в последний раз его приволокли в участок за взлом и кражу на одной из здешних заправок. Планировал сбыть награбленное добро на барахолке, вот какой он, наш Джаред.

– Вы знали его лично?

– Ну да, как и все в участке.

Нката протянул ему фотографию тела, которое Фелипе Сальваторе опознал как тело своего брата. Констебль Сильвер бросил взгляд на снимок и кивнул, подтверждая слова Фелипе. Да, это действительно Джаред. Миндалевидный разрез глаз, приплюснутый кончик носа. Все младшее поколение Сальваторе унаследовало дар смещения рас их родителей.

– Отец филиппинец. Мать негритянка. Совсем дурная на голову.

Сильвер вдруг понял, что его слова могут быть восприняты как оскорбление, и поднял обеспокоенный взгляд на Нкату.

– Это мне известно.

Нката забрал снимок. Его интересовали кулинарные курсы, которые, вероятно, посещал Джаред.

О курсах Сильвер ничего не знал и объявил, что эта информация – либо фантазии Навины Крайер, либо вранье Джареда Сальваторе. Зато он точно знал, что дело Джареда было направлено в отдел малолетних правонарушителей, где социальный работник пытался перевоспитать подростка – и не преуспел, судя по всему.

– А местный отдел малолетних правонарушителей не мог направить Сальваторе на такие курсы? – спросил Нката. – Там ребятам не помогают найти работу?

– Наш Джаред жарит рыбу в ресторане за углом? Да скорее свиньи научатся летать, – заявил Сильвер. – Лично я бы лучше с голоду умер, чем съел то, что приготовит этот парень. – Сильвер достал из ящика стола скрепку и стал чистить грязь под ногтем большого пальца. – Хотите знать правду о подонках вроде братьев Сальваторе? Большинство из них заканчивают там, куда всю жизнь стремятся, и Джаред точно такой же, как и все они. Навина Крайер не захотела этого понять. Фелипе уже за решеткой; Маттео под следствием. Джаред – третий по старшинству, так что он был бы следующим. Благотетели в отделе малолетних правонарушителей могли бы попытаться уберечь его от тюрьмы, но с самого начала все было против них.

– Что «все»? – поинтересовался Нката.

Сильвер стряхнул со скрепки грязь, вытащенную из-под ногтя, на пол и посмотрел на Нкату.

– Не хочу вас обижать, приятель, – сказал он осторожно, – но вы исключение. Вы не правило. И наверное, у вас были кое-какие преимущества. Но бывают времена, когда людям выше головы не подпрыгнуть, и сейчас как раз такое время. Если ты начал плохо, то закончишь еще хуже. Просто такова жизнь.

«Жизнь мы строим сами, только иногда нам нужна чья-то помощь, – хотел ответить Нката. – Судьбы не высекаются в камне при рождении».

Но он промолчал. Он получил то, зачем пришел. Для него не стало яснее, почему исчезновение Джареда Сальваторе прошло незамеченным для полиции, но ясности в этом вопросе он и не искал. Просто такова жизнь, как сказал констебль Сильвер.

Глава 7

Направляясь в тот вечер домой, Барбара Хейверс чувствовала себя чуть ли не счастливой. Во-первых, беседа с Чарли Буровом, также известным как Блинкер, давала надежду на то, что следствие сдвинется наконец с мертвой точки. А во-вторых, день, который она провела вне стен оперативного штаба и посвятила конкретной сыскной работе, да еще в компании с Линли, заставил ее призадуматься: а так ли уж ей необходимо восстановление в звании? Рассуждая в таком ключе, она нашла местечко, чтобы приткнуться «мини», и даже припустивший дождь и ветер, бросавший ледяные капли ей в лицо, не испортили ей настроения. Она просто прибавила шагу и, в такт песенке, которую она неожиданно для себя вдруг стала напевать, заспешила к Итон-Виллас.

Свернув на подъездную дорожку, она кинула взгляд на окна квартиры на первом этаже. В жилище Ажара горел свет; в одном окошке Барбара разглядела Хадию, сидящую над раскрытой тетрадью за столом.

Уроки, подумала Барбара. Хадия была прилежной ученицей. Хейверс невольно остановилась под окном, наблюдая за девочкой, сидящей в свете лампы. В этот момент в комнату вошел Ажар, прошел мимо дочери. Хадия проводила его тоскливым взглядом, но он даже не подал виду, что заметил дочку, и она промолчала, снова уткнувшись носом в тетрадку.

У Барбары от этой сцены защемило сердце. А еще пронзил острый приступ гнева, и она не стала искать, откуда взялось в ней это чувство. Она зашагала по тропинке к своему коттеджу. Оказавшись дома, она щелкнула выключателем, бросила сумку на стол и вытащила из буфета готовый ужин – банку, содержимое которой немедленно вывалила на сковороду. После Барбара сунула два куска хлеба в тостер, а из холодильника извлекла банку пива, пообещав себе, что в дальнейшем сократит потребление алкоголя: ведь это был уже второй вечер, когда она нарушила установленный ею же режим. Но повод был – как не отметить сегодняшнюю беседу с Блинкером.

Убедившись, что далее ужин будет готовиться без ее участия, Барбара направила усилия на поиски телевизионного пульта, который, по своему обыкновению, спрятался. В процессе поисков она очутилась у телефонного аппарата и только тогда заметила, что красный огонек автоответчика мигает. Она нажала несколько кнопок, чтобы включить записанное сообщение, а сама возобновила поиски пульта.

В комнате зазвучал голос Хадии, напряженный и тихий, как будто девочка пыталась утаить разговор от ушей другого человека.

«Я наказана, Барбара, – сказала она. – Мне не разрешается выходить на улицу, разве только в школу. Я раньше не могла тебе позвонить, потому что мне нельзя даже звонить. Папа сказал, что я наказана до тех пор, пока он не решит, что достаточно, и я считаю, что это несправедливо».

– Проклятье! – пробормотала Барбара, уставившись на серый аппарат, из которого доносился голос ее маленькой подружки.

«Папа сказал, что это из-за того, что я с ним спорила. Я-то не хотела отдавать диск Бадди Холли, понимаешь? Поэтому, когда он сказал, что я должна его вернуть, я спросила, нельзя ли просто оставить его у тебя на крыльце с запиской. А он говорит, что нет, что я должна сделать это сама. А я ответила ему тогда, что это несправедливо. И он сказал, что я буду делать то, что он мне скажет, а поскольку я совсем не хотела этого делать, то он хочет убедиться, что все сделано как надо, вот поэтому он и пошел тогда со мной. А потом я ему кричала, что он злой, злой, злой и что я ненавижу его. А он... – Девочка замолчала, должно быть, прислушиваясь к чему-то. Потом торопливо закончила: – В общем, я никогда не должна с ним спорить, вот что он сказал мне и наказал. Запретил говорить по телефону, смотреть телевизор, и мне

вообще ничего нельзя, только ходить в школу и возвращаться домой, и это несправедливо! – Она заплакала, пробормотала между всхлипами: – Пока!» – и сообщение на этом закончилось.

Барбара вздохнула. Такого от Таймуллы Ажара она не ожидала. Он ведь сам нарушил правила: бросил жену с двумя маленькими детьми и сошелся с английской девушкой, в которую влюбился. В результате его семья отказалась от него, и он навсегда стал парией для родственников. Уж кто-кто, а он-то мог бы проявлять побольше гибкости и способности прощать, думала Барбара.

Придется побеседовать с ним. Наказание, рассуждала Барбара, должно соответствовать совершенному преступлению. Только надо будет придумать такой подход, чтобы беседа с ним не выглядела как собственно беседа (а под этим словом, разумеется, она понимала высказывание своей точки зрения на случившееся). Нет, следует быть более деликатной и подвести к болезненной теме самый обычный добрососедский разговор. А это значит, что нужно придумать предлог для начала такого разговора, в ходе которого самым естественным образом можно было бы упомянуть Хадию, ложь, наказание и неразумных родителей. Правда, сейчас при одной только мысли о грядущих вербальных маневрах голова Барбары раздулась, как воздушный шар. Поэтому она пока только сделала мысленную пометку – необходимо найти правдоподобный повод и поговорить с Ажаром – и открыла банку пива.

Вечер складывался таким образом, что обойтись одной банкой пива будет невозможно.

Фу завершил необходимые приготовления. Много времени на это не потребовалось, так как всю предварительную работу Он выполнил отлично. После того как правильность Его выбора подтвердилась, Он наблюдал за избранным до тех пор, пока не выучил распорядок всей его жизни. Поэтому, когда момент настал, Он с легкостью определил сцену, на которой свершится действие. Этой сценой станет спортивный зал.

Сомнений Фу не испытывал. Он нашел место неподалеку от спортзала, где без лишних проблем можно было оставить машину; Он убедился в этом, приезжая туда несколько раз в разное время суток. Это была улица, по одной стороне которой шла кирпичная стена – граница школьного двора, а в другой стороне уходила вдаль площадка для крикета. От спортивного зала эту улицу отделяло несколько сотен ярдов, но Фу не видел в данном обстоятельстве реальной угрозы Своему плану, так как гораздо более важным, чем такое расстояние, был другой момент: то местечко, где Фу припарковал машину, лежит на пути мальчика домой.

Когда после занятий он вышел из зала, Фу уже ждал его, хотя сделал вид, будто эта встреча была случайным совпадением.

– Эй! – окликнул мальчика Фу, излучая всем Своим видом приятное удивление. – Это ты? Что ты здесь делаешь?

Мальчик шел в трех шагах перед Фу, как всегда, подняв плечи и опустив голову. Когда он обернулся, Фу помедлил, чтобы Его узнали. Это произошло достаточно быстро.

Мальчик посмотрел направо и налево, но, казалось, не столько хотел избежать продолжения встречи, сколько рассчитывал найти свидетелей столь странному обстоятельству: как это человек мог оказаться в таком месте, где ему, этому человеку, совсем не место. Но вокруг никого не оказалось, поскольку выход из спортивного зала находился на торцевой стороне здания, а не на фасадной, где пешеходы встречались чаще.

Мальчик дернул головой в качестве приветствия – жест, испокон веков принятый между подростками. Тугие кудряшки волос упруго подпрыгнули вокруг лица.

– Привет. А ты-то сам как здесь оказался?

Фу выдал заранее подготовленное объяснение:

– Сделал еще одну попытку наладить отношения с отцом, да ничего не вышло, как обычно.

В общем течении жизни подобный эпизод почти ничего не значил, но Фу знал, что для мальчика он значит все. В одной фразе нашла отражение их общая судьба, и тринадцатилетний подросток оказался способен воспринять этот рассказ и домыслить, что осталось недосказанным, то есть выстроить связь, существующую между собеседниками.

– Возвращаюсь домой, – продолжил Фу. – А ты? Живешь где-то неподалеку?

– Да, на углу Финчли-роуд и Фрогнал.

– Я как раз оставил машину в той стороне. Хочешь, подброшу тебя?

Он пошел рядом с мальчиком, выдерживая темп между прогулкой и скорой ходьбой, соответствующей холодному времени года. Как и подобает приятелю, Он закурил и предложил мальчику сигарету, а потом рассказал, что машину оставил довольно далеко от места встречи с отцом, потому что знал, что захочется проветриться после разговора.

– Мы с ним никогда не могли найти общий язык, – признался Фу. – Мать все хочет, чтобы мы хотя бы познакомились поближе, что ли, но я считаю, что невозможно подружиться с человеком, который бросил твою мать еще до того, как ты родился. – Он почувствовал, что мальчик смотрит на Него, и смотрит не с подозрением, а сочувственно.

– Однажды я встречался со своим отцом. Он на автозаводе работает, в Северном Кенсингтоне. Я ездил познакомиться с ним.

– Зря потратил время?

– Еще как зря.

Мальчик пнул мятую жестянку из-под лимонада, попавшуюся ему под ноги.

– Придурок?

– Козел.

– Дерьмово.

– Да пошел он!

Фу издал смешок.

– Моя тачка вон там, – сказал Он. – Уже недалеко.

Он перешел дорогу, сознательно воздерживаясь, чтобы не обернуться и не посмотреть, идет ли мальчик следом. Он вынул из кармана ключи от машины и подбросил их в руке, чтобы наглядно продемонстрировать близость машины – на тот случай, если Его спутник начнет испытывать беспокойство.

– Кстати, я слышал, что у тебя вроде все неплохо, – сказал Он.

Мальчик пожал плечами. Однако Фу видел, что тот доволен комплиментом.

– Чем сейчас занимаешься?

– Делаю оформление.

– Оформление чего?

Ответа не последовало. Фу глянул в сторону подростка, думая, что Он зашел слишком далеко, вторгся на территорию, которую мальчик по каким-то причинам считал закрытой для досужего любопытства. Тот действительно выглядел смущенным, но, когда, преодолевая нежелание говорить, все-таки ответил, Фу понял причину его колебаний: это была неловкость тинейджера, который боится выглядеть смешным в чужих глазах.

– Это для одной церковной группы, в помещении, где у них проходят собрания. На Финчли-роуд.

– Здорово, – сказал Фу.

Но на самом деле Он так не думал. Контакт мальчика с церковной группой нарушал логику действий Фу, потому что Его целью были отвергнутые обществом индивидуумы. В следующий момент, однако, мальчик уточнил уровень и своей добродетельности, и близости с другими членами общества.

– Меня взял к себе преподобный отец Сэвидж. Он теперь мой опекун.

– Преподо... В смысле, викарий? Той самой церковной группы?

– Ну да, он и его жена. Оуни. Она из Ганы.

– Из Ганы? Недавно приехала?

Мальчик в который раз пожал плечами. Наверное, это было привычкой.

– Не знаю. Он тоже оттуда родом. В смысле, отец Сэвидж. Оттуда его предков привезли на Ямайку на рабовладельческом корабле. А ее зовут Оуни. Жену преподобного Сэвиджа. Оуни.

Ага. Вот он во второй раз повторил ее имя и в третий. Значит, здесь есть что искать, сразу несколько самородков за один заход.

– Оуни, – произнес Фу. – Чудесное имя.

– Да. Она вообще супер.

– Так тебе нравится жить с ними? С отцом Сэвиджем и его женой?

Снова приподнялись и опустились плечи. Нарочито небрежный жест, под которым прячутся истинные чувства мальчика и его желания. В их силе и в их нечистоте Фу не сомневался.

– Нормально, – ответил тот. – Всяко лучше, чем с матерью. – И прежде чем Фу успел задать мальчику следующий вопрос, чтобы тот заговорил о матери и о том, что ныне она находится за решеткой, и с помощью этой темы установить между ними еще одну фальшивую связь, мальчик спросил: – Ну, где же твоя машина?

Беспокойство, явно различимое в его интонации, следовало интерпретировать как дурной знак.

К счастью, они уже почти подошли к фургону, стоящему в тени огромного платана.

– Да вот она, – сказал Фу и огляделся, чтобы удостовериться, что улица столь же пустынна, какой была во время всех Его разведывательных наездов.

Так оно и оказалось: вокруг ни души. Прекрасно. Фу бросил сигарету на асфальт и, когда мальчик сделал то же самое, открыл пассажирскую дверь.

– Залезай, – сказал Он. – Не голоден? Я заскакивал в кафе по дороге, и, по-моему, там еще оставалось что-то, посмотри в пакете на полу.

Жареная говядина, хотя молодая баранина была бы лучше. Ягненок в данном случае явил бы более богатые ассоциации.

Фу захлопнул за мальчиком дверь, убедившись, что тот нагнулся к пакету с едой, как и ожидалось. Он прямо набросился на содержимое коробок и поэтому не заметил, что с внутренней стороны его двери нет ручки, как нет и ремня безопасности. Фу залез в машину через водительскую дверь, опустился в кресло и вставил ключ в зажигание. Двигатель заработал, но Он не отпустил сцепление и даже не снялся с ручного тормоза. Вместо этого Он попросил мальчика:

– Слушай, ты не достанешь нам чего-нибудь попить? У меня тут есть холодильник, за моим сиденьем. Я бы не отказался от пивка. Там должна быть и кола, если хочешь. Или пива тоже возьми.

– Круто. – Мальчик повернулся на сиденье и посмотрел в глубь салона, где было темно, как у черта в заднице, благодаря звукоизоляционным панелям, которыми были обиты все внутренние поверхности микроавтобуса. И, по-прежнему действуя в полном соответствии со сценарием Фу, мальчик спросил: – А где холодильник-то? Ничего не видно.

– Погоди-ка, – сказал Фу. – У меня где-то должен быть фонарик. – Он изобразил суетливые поиски фонарика под сиденьем. В точно рассчитанный момент Его рука легла на фонарик, спрятанный в специально оборудованном тайнике. – Вот он. Сейчас посвечу тебе.

И Он помахал фонариком.

Сосредоточенный на холодильнике и обещанном пиве, мальчик не обратил внимания на необычные детали внутреннего интерьера в фургоне: широкую длинную доску, прочно установленную в скобы, фиксаторы рук и ног, свернувшиеся кольцами по обе стороны доски, электрическую плиту, оставшуюся от предыдущего собственника микроавтобуса, рулон скотча, веревку и нож. Мальчик не видит ничего этого, даже нож, потому что он точно такой же, как

и его предшественники: подросток мужского пола с аппетитом ко всему незаконному – аппетитом, свойственным всем подросткам мужского пола, – и в данный момент это незаконное воплощается в пиве. В другое время – это было чуть раньше – незаконное воплотилось для него в преступлении. Вот за что он осужден понести наказание.

Развернувшись в кресле и наклонившись в сторону салона, мальчик потянулся к холодильнику. Это движение раскрыло его торс. Это движение было спланировано – чтобы последовало то, что последовало.

Фу включил фонарик, который вовсе не был фонариком, и вжал его в тело мальчика. Две тысячи вольт нанесли удар по нервной системе.

Остальное было просто.

Линли стоял у кухонного стола, допивая чашку самого крепкого кофе, какой он только мог проглотить в половине пятого утра. Вдруг, к его удивлению, в дверях кухни появилась жена. Хелен хлопала ресницами, шурясь от яркого света и затягивая пояс халата на талии. Она казалась измученной.

– Плохо спала? – спросил он и добавил с улыбкой: – Все беспокоишься о крестильных нарядах?

– Не надо об этом, – простонала она. – Мне приснилось, что наш Джаспер Феликс крутит сальто-мортале у меня в животе.

Она подошла к мужу и обняла его, уткнула голову ему в плечо и зевнула.

– А ты зачем встал в такую рань? И уже одет. Или это ваше пресс-бюро додумалось устраивать предрассветные брифинги? Я даже догадываюсь, какой ход мысли был у них: вот смотрите, как усердно мы трудимся в столичной полиции – солнце еще не встало, а мы уже мчимся по следу преступника.

– Хильер обязательно бы это устроил, только пока не додумался, – ответил Линли. – Дай ему еще недельку, и эта светлая мысль придет ему в голову.

– Опять плохо себя ведет, да?

– Да нет, просто ведет себя как Хильер. Сейчас вот демонстрирует перед прессой Уинстона, как породистого жеребца.

Хелен подняла на него глаза.

– Ты сердишься на него, да? На тебя это не похоже; ты же умеешь смотреть на вещи философски. Или это из-за Барбары? Из-за того, что Уинстона повысили вместо нее?

– Со стороны Хильера это было подло, но мне следовало это предвидеть, – сказал Линли. – Он мечтает избавиться от нее.

– До сих пор?

– И конца этому не видно. Хелен, я ведь так и не понял пока, что нужно делать, чтобы ее защитить. Даже теперь, получив на время полномочия суперинтенданта, я в растерянности. Уэбберли умеет разбираться с такого рода ситуациями, мне до него так далеко.

Она освободилась из его объятий и подошла к шкафу, вытащила оттуда кружку, наполнила ее обезжиренным молоком и поставила в микроволновку.

– У Малькольма Уэбберли, дорогой, есть одно важное преимущество: он родственник сэра Дэвида. Это обстоятельство не может остаться без внимания в случаях разногласий между ними.

Линли буркнул в ответ что-то невнятное, то ли соглашаясь, то ли нет. Он наблюдал, как его жена достает из микроволновки теплое молоко и размешивает в нем ложку меда. Он сам тем временем допил кофе и ополаскивал чашку в раковине, когда в дверь позвонили.

Хелен отошла от стола со словами:

– Боже мой, кто в такую рань... – и перевела взгляд на настенные часы.

– Это Хейверс, должно быть.

– Так ты действительно идешь на работу? В половине пятого утра?

– Нам нужно съездить в Бермондси. – Линли вышел из кухни; Хелен, с чашкой молока в руке, последовала за ним. – На рынок.

– Неужто хочешь купить что-нибудь? Низкая цена – это хорошая цена, и ты же знаешь, я сама никогда не откажусь от выгодной покупки. Но все-таки должны же быть какие-то рамки. Подожди хотя бы, пока солнце встанет.

Линли против воли засмеялся.

– А ты с нами не хочешь прокатиться? Вдруг отыщешь бесценную фарфоровую вещицу за двадцать пять фунтов? Или Питера Пауля Рубенса, который притаился под слоем двухсотлетней грязи и под портретами любимых кошечек кисти шестилетнего мальчугана, датированными прошлым веком?

Он прошелся по мраморным плитам вестибюля и распахнул дверь, за которой стояла Барбара Хейверс – в вязаной шапке, натянутой до самых глаз, и застегнутой на все пуговицы куртке на коренастом теле.

– Если вы поднялись, чтобы проводить мужа, то медовый месяц явно затянулся, – заметила Хейверс, обращаясь к Хелен.

– Его провожают мои дурные сны, – ответила Хелен. – И общая тревога о будущем, как он считает.

– Вы еще не решили, что делать с крестильными шмотками?

Хелен посмотрела на Линли.

– Неужели ты про это рассказал ей, Томми?

– Это был секрет?

– Нет. Но это же так глупо. Сама ситуация, а не то, что ты про нее рассказал. – И Хелен снова обратилась к Барбаре: – Возможно, в детской скоро возникнет небольшой пожар. К огромному нашему сожалению, он повредит оба комплекта крестильных одежд до неузнаваемости. И они уже не будут подлежать восстановлению. Как вам такая идея?

– По мне, так отличный выход, – сказала Хейверс. – Зачем искать родственный компромисс, если можно устроить поджог?

– Вот-вот, и мы так подумали.

– Все лучше и лучше, – сказал Линли. Он обнял жену за плечи и поцеловал ее в висок. – Запрись на все замки, – заботливо велел он. – И возвращайся в постель.

– Больше не надо приходить в мои сны, молодой человек, – сказала Хелен своему животу. – Побереги мамочку. А вы, – обратилась она к Линли и Барбаре, – берегите себя. – И закрыла за ними дверь.

Линли подождал, пока все запоры и замки не щелкнут как положено. Рядом с ним Барбара Хейверс прикуривала сигарету. Он неодобрительно на нее посмотрел.

– Еще нет и пяти утра, Хейверс! – сказал он. – Даже в худшие свои дни я не опускался так низко.

– Вы в курсе, сэр, что нет на свете хуже лицемера, чем обращенный курильщик?

– Я в это не верю, – ответил он, направляя свой маленький отряд в сторону переуллка, где находился его гараж. – Пустая демагогия.

– Ничего подобного, – убеждала его Хейверс. – Проводились специальные исследования. Даже завзятые мариин магдалины, вдруг почувствовавшие тягу к монашеской жизни, и гроша ломаного не стоят по сравнению с вами, бывшими курильщиками.

– Я думаю, дело в том, что мы, как никто другой, осознаем весь вред, причиняемый курением.

– Скорее, дело в вашем желании распространить свое несчастье на всех остальных. Бросьте, сэр. Я знаю, вам хотелось бы вырвать у меня из рук сигарету и скуричь ее – до самого фильтра. Сколько вы уже протянули без единой затяжки?

– Так долго, что точный срок уже и не назову.

– Ага, как же, так я и поверила, – произнесла она, глядя в небо.

Они стартовали в благословенный для Лондона ранний час: на улицах почти не было машин. По этой причине они мигом пронеслись через Слоун-сквер по «зеленому коридору» и менее чем через пять минут уже увидели огни моста Челси и высокие кирпичные трубы электростанции в Баттерси, которые вздымались в угольное небо на другом берегу Темзы.

Вдоль набережной Линли выбрал такой маршрут, чтобы удержаться на этом берегу реки до последнего момента, – эти районы ему были лучше известны. И здесь было мало транспорта – пока, – лишь несколько такси промчались навстречу, спеша в центр города, да еще с десятков фургонов выехали – развозить товары по магазинам. И так, не пересекая реку, они добрались до массивной серой громады Тауэра, а там было уже совсем недалеко до рынка Бермондси, только проехать немного по Тауэр-Бридж-роуд.

В свете уличных ламп, ручных фонариков, гирлянд, развешанных на некоторых прилавках, и других источников иллюминации сомнительного происхождения и низкой мощности торговцы завершали подготовку к встрече покупателей. Их день вот-вот начнется – рынок открывается в пять часов утра, а к двум часам дня от базарного шума и суматохи не останется и следа, – поэтому они торопились поскорее завершить установку тентов и столов, которые создавали торговое пространство. В темноте вокруг них ждали своего часа коробки с несметными сокровищами, привезенные на тележках. А тележки, в свою очередь, были извлечены из фургонов и машин, заполонивших соседние улицы.

В торговой зоне уже собирались покупатели, желающие первыми пройти между прилавками. А на прилавках можно было найти все, от расчесок до сапог на высоком каблуке. Ранних покупателей вроде бы никто не удерживал от стремления броситься по торговым рядам, однако лица продавцов яснее ясного говорили, что клиентам не будут рады до тех пор, пока все товары не окажутся разложенными под предраассветным небом.

Как и на большинстве лондонских рынков, в Бермондси каждый продавец изо дня в день занимал примерно одно и то же место. Поэтому Линли и Хейверс начали с северного края и двигались к южному, пытаясь найти кого-нибудь, кто мог бы что-то рассказать про Киммо Торна. Тот факт, что они из полиции, не обеспечил им содействия со стороны торговцев, хотя в данных обстоятельствах на это содействие можно было бы рассчитывать, ведь был убит один из их братьев по роду деятельности. Сдержанность и немногословность обитателей рынка, вероятнее всего, можно было объяснить тем, что в Бермондси сбывают ворованные вещи. Это место, где слово «дело» часто обозначает не только бизнес, но и кражу со взломом.

Им пришлось потратить больше часа в бесплодных расспросах, прежде чем продавец поддельных викторианских туалетных столиков («Сто процентов гарантии, что это оригинальная мебель, сэр и мадам») узнал имя Киммо и, провозгласив носителя этого имени «странным пареньком, если хотите знать мое мнение», отправил Линли и Хейверс к пожилой паре в палатке с серебряными изделиями.

– Вам надо поговорить с Грабински. Их место вон там, – сказал он, указывая направление. – Они вам расскажут, что за тип был этот Киммо. Чертовски жаль, что с ним такое произошло. Читал про него в газете.

В курсе новостей была и чета Грабински, которые, как выяснилось, ранее потеряли сына примерно такого возраста, что и Киммо Торн. Они привязались к мальчику, объясняли супруги, не столько из-за его физического сходства с их Майком, сколько из-за деятельной натуры. Их горячо любимый Майк был таким же предприимчивым, поэтому супруги Грабински с радостью давали Киммо Торну место за своим прилавком, когда тот появлялся то с одним, то с другим товаром. За эту услугу он делился с ними прибылью.

– Только не подумайте, что мы просили его об этом, – торопливо добавила миссис Грабински, представившаяся как Элейн. Ее ноги были обуты в оливково-зеленые резиновые сапоги, а через край сапожков были завернуты красные носки.

Когда к ней подошли полицейские, она полировала внушительных размеров канделябр и, как только Линли произнес имя Киммо, спросила: «Киммо? Кто это пришел спросить про Киммо? Давно пора». И оставила свои дела, чтобы ответить на вопросы полицейских. Так же поступил и ее муж, который подвязывал шпагатом серебряные чайники к горизонтальной металлической штанге.

В первую их встречу мальчик подошел к их лавке, надеясь продать свой товар, сообщил мистер Грабински («Зовите меня Рей», – сказал он). Но он запросил цену, которую чета Грабински сочла чрезмерной, и, так как на рынке не нашлось никого, кто купил бы у Киммо его вещи, он вернулся к супругам с новым предложением: он сам продаст свой товар в их лавке, а потом поделится с ними частью полученных денег.

Мальчик им понравился («Такой он был нахальный», – призналась Элейн), поэтому они выделили ему четверть столика в углу прилавка, где он и разложил принесенный товар. В основном Киммо продавал серебряные изделия – столовые приборы, безделушки, но специализировался он на рамках для фотографий.

– По нашим сведениям, у него были неприятности с этим, – сказал Линли. – По-видимому, он продавал то, что для продажи не предназначалось.

– То есть продавал похищенное, – вставила Хейверс.

О, вот об этом им ничего не было известно, замахали руками оба Грабински. Лично им кажется, что кто-то строил козни против Киммо и потому рассказал эту басню местным легавым. И можно не сомневаться: этот кто-то – не кто иной, как их главный конкурент на рынке, некий Реджинальд Льюис, к которому Киммо тоже обращался, пытаясь пристроить свое серебро. А Редж Льюис ни за что не допустит, чтобы в Бермондси обосновался новенький, уж такой он завистливый человек. Двадцатью двумя годами ранее он так же противился появлению в рыночных рядах и четы Грабински, когда они только начинали бизнес. Так же он вел себя и по отношению к Морису Флетчеру и Джеки Хун.

– Так значит, вы считаете, что товары Киммо Торна не были ворованными? – спросила Хейверс, отрываясь от записей в блокноте. – Однако, если подумать, как мог паренек вроде Киммо получить в свое распоряжение ценные предметы из серебра?

Ну, они считали, что он продает семейные реликвии, сказала Элейн Грабински. Они ведь спрашивали об этом у Киммо, и вот что тот ответил: он помогает своей бабушке, распродавая ее старинные вещицы.

Линли охарактеризовал ситуацию как случай добровольной слепоты со стороны Грабински: они поверили в то, во что хотели верить, и дело тут не в исключительных способностях Киммо Торна навешивать лапшу на уши пожилой пары. Они не могли не догадываться в глубине души, что мальчик действует не совсем в рамках закона, но предпочитали закрывать на это глаза.

– Мы так и сказали полиции, что, если дело дойдет до суда, мы готовы заступиться за мальчика, – заявил мистер Грабински. – Но после того как бедного Киммо увезли отсюда, мы не слышали про него ни слова. Пока не увидели по телевизору новости.

– Лучше бы вы пошли да порасспрашивали об этом Реджа Льюиса, вот что я вам скажу, – провозгласила Элейн Грабински, возвращаясь к канделябру с удвоенным рвением. – Это человек, от которого всего можно ожидать, – произнесла она со значением, и муж похлопал ее по плечу, утихомиривая: «Ну-ну, милая, что ты».

Редж Льюис был немногим моложе своих древних товаров. Под жакетом у него виднелись подтяжки в яркую клетку, которые поддерживали на животе пару старинных широченных штанов. Стекла его очков были толстыми, как дно пивной кружки, из ушей торчал громоздкий

слуховой аппарат. На предполагаемого серийного убийцу он был похож не больше, чем овца – на гения математики.

Да он «ни на грош не удивился», когда на рынок прибыли копы в поисках Киммо, сказал Редж полицейским. Он-то сразу понял, что с этим парнем не все чисто, когда еще тот впервые попался ему на глаза. Одет наполовину как мужчина, наполовину как девица, в этих колготках или что там они еще носят, да бестолковые полусапожки... ну странное он создание, что и говорить. Так вот, когда копы пришли со списками ворованного имущества, для него, Реджа Льюиса, не стало сюрпризом, что имущество это нашлось у некоего Киммо Торна. Увезли его без долгих разговоров, да и ладно. Только портил репутацию рынка – тем, что сбывал здесь краденое. И до чего ж тупой-то: даже не заметил, что на серебряных рамках выгравированы надписи, по которым опознать их проще простого.

Что случилось с Киммо после того, Редж Льюис понятия не имел. И в голову не приходило поинтересоваться у кого-нибудь. Этот расфуфыренный полупацан-полудевица напоследок только одно хорошее дело успел сделать: не потащил за собой Грабински. А эти двое – тоже хороши. Слепы как кроты. Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы понять: от этого Киммо жди неприятностей. Это ж сразу было ясно, и после первого появления чудо-ребенка на рынке Редж предупредил Грабински, чтобы они держались от Торна подальше. Но разве станут они слушать того, кто всей душой беспокоится о них? Да никогда. И кто же оказался прав в конце концов, а? И кто так и не услышал простого: «Редж, извини, мы неправильно себя вели»?

Больше Реджу Льюису нечего было добавить. После того как Киммо забрали копы, мальчишка на рынке больше не появлялся. Возможно, проводит время в каком-нибудь исправительном учреждении. А может, в полицейском участке ему вправили мозги и он узрел истину. Все, что Редж Льюис мог сказать, так это то, что пацан больше не приносит в Бермондси ворованное серебро и что его, Реджа, это устраивает как нельзя лучше. Если кого-то интересуют подробности, пусть обращаются в местный полицейский участок. Там про Киммо знают все.

Редж Льюис ясно выразил свою точку зрения; из его слов оставалось непонятным только одно – известно ему об убийстве Киммо Торна или нет, во всяком случае, явным образом этого не прозвучало. Самого же мальчика он, очевидно, не жаловал, в основном из-за дурной славы, которую тот создавал рынку Бермондси. Что ж, остальное действительно можно будет выяснить в участке, это Льюис верно заметил.

Линли и Хейверс так и собрались поступить. Они уже пробирались к машине через торговые ряды, но их планы нарушил звонок на мобильный телефон Линли.

Содержание звонка было кратким и предельно ясным: исполняющему обязанности суперинтенданта требовалось немедленно прибыть на улицу Шанд-стрит, а именно в ту ее точку, где туннель под железнодорожными путями образует проулок, ведущий к Крусификс-лейн. У них новый труп.

Линли захлопнул крышку телефона и посмотрел на Хейверс.

– Крусификс-лейн, – сказал он. – Вы не знаете, где это?

На вопрос ответил стоящий неподалеку торговец. Это у Тауэр-Бридж-роуд, сообщил он с готовностью. Не больше мили от того места, где они сейчас находятся.

Северный периметр Крусификс-лейн образовывал железнодорожный виадук, исходящий от станции Лондон-Бридж. Сложен он был из кирпича, покрытого вековыми наслоениями саж и грязи, так что если кирпич изначально и обладал каким-то цветом, то сейчас это невозможно было определить – современному наблюдателю кладка представляла как невнятное смешение углеродистых отложений.

В арки, поддерживающие виадук, были встроены различные мелкие предприятия: аренда помещений для хранения, склады, винные погреба, автомастерские. Но одна из этих арок была сквозной и являла собой туннель, через который шла нужная Линли и Хейверс Шанд-стрит.

Северный конец улицы служил адресом для нескольких магазинчиков, закрытых в этот ранний час, а южная – более длинная – часть изгибалась под виадуком и исчезала во тьме. Туннель в этом месте достигал в ширину шестидесяти ярдов, давая место густым теням; почти невидимые во мраке своды были перебинтованы листами ржавого металла, сквозь которые пробивались и падали на землю капли воды – падали неслышно, потому что все звуки здесь заглушались непрерывным грохотом утренних поездов, идущих из Лондона и в Лондон. Вода текла и по стенам; ручейки лились из железных стоков, пробитых в стенах на высоте восьми футов. Вся эта влага собиралась в грязные лужи под ногами. Воздух под виадуком пропах кислой мочой. Немногочисленные фонари, пока избежавшие меткого броска камня, скудно освещали жутковатую картину запустения.

Когда Линли и Хейверс прибыли на место, они обнаружили, что туннель полностью перекрыт с обоих концов. Со стороны Крусификс-лейн был поставлен констебль, чтобы преградить проход, однако его авторитета и сил едва хватало для борьбы с натиском ранних представителей прессы – вечно голодных журналистов, охотящихся за горячими новостями при каждом полицейском участке. У заграждения собралось уже пятеро, и они выкрикивали свои вопросы в глубину туннеля. Их сопровождали три фотографа, которые пытались делать снимки через голову констебля; вспышки фотокамер создавали сюрреалистичное стробоскопическое освещение. Пока сотрудники Скотленд-Ярда предъявляли констеблю удостоверения, к газетчикам присоединился и какой-то телеканал: из подъехавшего фургона спешно выгружались камеры и звукооператоры. Здесь срочно требовалось присутствие представителя полиции по связям с прессой.

– Серийный убийца? – донеслось со стороны журналистов до Линли, когда тот миновал заграждение в сопровождении Хейверс. – Ребенок? Взрослый? Мужчина? Женщина?

– Подожди, приятель! Дай нам хоть что-нибудь!

Линли проигнорировал их, Хейверс пробормотала: «Шакалы», – и они двинулись в середину туннеля, в направлении брошенной спортивной машины. Именно там один таксист обнаружил тело. Рано утром он ехал из Бермондси в аэропорт Хитроу, где собирался целый день развозить пассажиров по адресам – за умопомрачительную цену, которую делали еще более умопомрачительной постоянные пробки в центре города. Этот водитель давно уже дал показания и уехал; на месте находки его сменила команда техников и экспертов, а возглавлял происходящее инспектор из местного полицейского участка Боро. Он представился Хогартом и сообщил, что его начальник не велел ничего предпринимать до тех пор, пока не появятся люди из Скотленд-Ярда. Хогарта такое положение дел отнюдь не радовало.

Линли не собирался тратить время на то, чтобы приглаживать перья, чьи бы то ни было. Если здесь действительно поработал их серийный убийца, то вскоре у всех появятся заботы поважнее, чем недовольство местного полицейского вторжением сотрудников Скотленд-Ярда на его территорию.

– Что тут у нас? – спросил Линли у Хогарта и, слушая ответ, натянул на руки латексные перчатки, которые принес один из криминалистов.

– Чернокожий пацан, – ответил Хогарт. – Мальчик, совсем юный. Лет двенадцати, от силы тринадцати. Точнее не скажу. Почерк на вашего серийного убийцу не похож, если кому-то интересно знать мое мнение. Не понимаю, зачем вас вызвали.

А Линли понимал. Убитый был чернокожим. То есть Хильер заранее позаботился о том, чтобы прикрыть свою спину в хорошо сшитом пиджаке, ведь ему скоро придется сидеть на следующей пресс-конференции.

– Пойдем взглянем на него, – скомандовал он и шагнул мимо Хогарта. Хейверс тенью следовала за ним.

Тело было бесцеремонно брошено в полуистлевшем автомобиле – на то место, где раньше находилось водительское сиденье, а теперь оставались лишь пружины и металлический каркас.

Труп с раскинутыми ногами и головой, свесившейся набок, соседствовал с жестяными банками из-под кока-колы, пластиковыми стаканчиками, пакетами с мусором, картонными упаковками из ресторанов быстрого обслуживания и одинокой резиновой перчаткой. Глаза мальчика были раскрыты, они невидяще уставились на то, что раньше было рулевой колонкой. Его лицо обрамляло множество тугих косичек. Гладкая кожа цвета грецкого ореха и идеально сформированные черты лица делали его настоящим красавцем. Он был полностью обнажен.

– Черт! – пробормотала Хейверс.

– Такой юный, – произнес Линли. – Он выглядит младше, чем последняя жертва. Господи, Барбара! Почему, бога ради...

Он не закончил, оборвал на полуслове вопрос, на который не было ответа.

Тем не менее Барбара, проработавшая с ним уже несколько лет, поняла его.

– Нет никаких гарантий. Неважно, чем ты занимаешься. Или какие принимаешь решения. Или что сделал. Или с кем.

– Вы правы, – признал Линли. – Гарантий нет. Но все равно он был чьим-то сыном. Все они – чьи-то дети. Нельзя забывать об этом.

– Думаете, это один из наших?

Линли присмотрелся к мальчику, и на первый взгляд он был склонен согласиться с Хогартом. Хотя юноша был обнажен, как и Киммо Торн, его тело бросили здесь без ритуалов и церемоний, а не уложили, как предыдущих жертв. Гениталии не прикрывал кусок кружевной ткани, на лбу не было кровавого символа, а ведь обе эти детали присутствовали на теле Торна. Живот, по-видимому, не был надрезан. Но самым главным отличием было, пожалуй, то, что сама поза тела подразумевала спешку и несоответствие плану, тогда как остальные убийства характеризовались именно тщательностью и продуманностью исполнения.

Когда группа экспертов, вооруженная инструментами и пакетами для сбора улик, передвинулась дальше, на прилегающую к автомобилю территорию, Линли получил возможность подойти к телу поближе. И увидеть более полную картину события.

– Подойдите-ка сюда, Барбара, – сказал он, аккуратно приподнимая руку мальчика.

Плоть ладони была обожжена, а на запястье остались глубокие следы от веревок.

В любом серийном убийстве многое остается известным только убийце, потому что полицейские скрывают полученную информацию – с двойной целью. Во-первых, так они пытаются защитить семью жертвы от излишних душераздирающих подробностей, а во-вторых, оставляют возможность отсеять ложные признания со стороны людей, испытывающих недостаток внимания (в полицейской практике такие люди нередко дают о себе знать). Вот и в данном случае полиция не раскрыла прессе и широкой публике всех деталей, среди которых были и обожженные ладони, и связывание конечностей.

Хейверс приподняла бровь:

– А ведь это весьма точный указатель, сомнений не остается.

– Согласен. – Линли выпрямился и оглянулся на Хогарта. – Это один из наших, – произнес он. – Где патологоанатом?

– Приезжал и уже уехал, – доложил Хогарт. – То же самое с фотографом. Мы только вас дожидались, чтобы убрать тело.

Вызов в словах инспектора был очевиден. Линли предпочел проигнорировать его. Он спросил, определено ли время смерти, имеются ли свидетели, сделана ли копия с показаний таксиста.

– Патологоанатом считает, что смерть наступила между десятью и двенадцатью часами вечера, – сказал Хогарт. – Свидетелей пока не выявлено, но это неудивительно. В таком месте после наступления темноты нормальные люди не ходят.

– А что сказал таксист?

Хогарт сверился с мятым конвертом, который он извлек из кармана куртки. Похоже, конверт служил в качестве блокнота. Инспектор зачитал фамилию таксиста, его адрес и номер мобильного телефона. Пассажира с ним не было, добавил Хогарт, и Шанд-стрит была частью его обычного маршрута на работу.

– Проезжает здесь каждое утро примерно в пять часов, в начале шестого, – продолжал инспектор. – Сказал, что вот это... – кивок в сторону брошенного автомобиля, – стоит здесь уже несколько месяцев. И он не раз сообщал об этом, жаловался. И мне все уши прожужжал про то, что всякий хлам мешает безопасности на дорогах и что дорожная полиция ничего не желает предпринимать... – Внимание Хогарта привлек шум в конце туннеля со стороны Крусификс-лейн. Он нахмурился: – Кто это? Вы ждете коллегу?

Линли обернулся. По туннелю к ним двигалась фигура, подсвеченная со спины прожекторами телевизионных камер. Было в ней что-то знакомое: крупный, тяжелый силуэт, слегка сутулые плечи.

Хейверс нерешительно предположила:

– Сэр, уж не...

Но Линли и сам уже догадался, кто это, и сделал резкий вдох – такой глубокий, что потемнело в глазах. На место преступления вторгся не кто иной, как навязанный Хильером психолог, Хеймиш Робсон. И существовал лишь один способ, с помощью которого он мог получить доступ в туннель.

Линли не колебался ни секунды. Он двинулся навстречу Робсону и без всякой преамбулы схватил его за рукав.

– Вы должны немедленно уйти отсюда, – выпалил он. – Не знаю, как вы умудрились пересечь ограждение, но здесь вам делать нечего, доктор Робсон.

Такое приветствие вызвало у Робсона удивление. Он глянул через плечо в сторону полицейского ограждения, сквозь которое только что успешно прошел.

– Мне позвонил помощник... – начал он.

– Не сомневаюсь в этом. Но помощник комиссара здесь не приказывает. Я хочу, чтобы вы ушли. Немедленно.

Сквозь очки на Линли взирали внимательные глаза психолога. Линли буквально чувствовал, как его оценивают. Он почти мог прочесть в глазах Робсона заключение: объект испытывает вполне объяснимый в данных обстоятельствах стресс. А как же иначе, думал Линли. С каждым новым шагом серийного убийцы планка будет подниматься на новую высоту. Робсон и не догадывается, что такое настоящий стресс. Это ему еще предстоит узнать, если убийца успеет лишить жизни следующую жертву, прежде чем до него доберется полиция.

– Не стану делать вид, будто понимаю, что происходит между вами и помощником комиссара, – сказал Робсон. – Но раз уж я здесь, думаю, вы могли бы воспользоваться моими знаниями. Дайте мне возможность хотя бы взглянуть на труп. Я буду держаться на безопасном расстоянии и никоим образом не помешаю сбору улик или другим вашим процедурам. Надену все, что нужно: перчатки, комбинезон, головной убор, что угодно. Я уже здесь, так используйте меня себе во благо. Позвольте мне помочь вам.

– Сэр? – произнесла Хейверс, привлекая внимание Линли.

Он увидел, что с противоположного конца туннеля констебли подкатывают колесные носилки с мешком для транспортировки трупа. Один из техников шел с бумажными пакетами, чтобы обернуть ими ладони жертвы. Все, что требовалось от Линли, – лишь один кивок, и тогда часть проблемы, вызванной присутствием Робсона, будет ликвидирована: ему просто нечего будет увидеть.

Хейверс снова негромко обратилась к Линли:

– Отправляем?

– Я уже пришел, – продолжал убеждать Робсон. – Забудьте почему и как. Забудьте Хильера. Ради бога, позвольте мне быть полезным.

Его голос был мягок и настойчив, и Линли понимал, что в словах психолога есть разумное зерно. Можно с упорством цепляться за договоренность, которую он вырвал у Хильера, а можно отбросить на время все соображения, несущественные на данный момент, и воспользоваться идущим в руки шансом узнать хоть что-то новое о том, как работает мозг серийного убийцы.

Линли крикнул группе техников, приступающих к упаковке трупа:

– Одну минуту! Подождите пока! – И Робсону: – Хорошо. Можете посмотреть.

Робсон кивнул.

– Разумно, – пробормотал он и двинулся к ржавому каркасу автомобиля.

Остановился он, однако, как минимум в четырех футах от него и, когда хотел оглядеть руки мальчика, не притронулся к ним сам, а попросил инспектора Хогарта повернуть их ладонями вверх. Хогарт выполнил просьбу, но не удержался от того, чтобы не состроить возмущенную гримасу. Мало того что приходится подчиняться людям из Скотленд-Ярда, так они еще и привели на место преступления гражданского. Немыслимо! Он поднял брови с таким выражением на лице, которое говорило, что весь свет сошел с ума.

Через несколько минут, потраченных на осмотр тела и размышления, Робсон вернулся к Линли. Прежде всего он сказал то, о чем говорили и Линли с Хейверс:

– Такой юный! Бог мой! Для вас это, должно быть, очень нелегко. При всем вашем опыте...

– Да, – подтвердил Линли.

К ним присоединилась Хейверс. Возле автомобиля приступили к приготовлениям к погрузке тела на носилки, чтобы отвезти его на вскрытие.

– Очевидны перемены, – продолжил Робсон. – Ситуация накаляется. Вы видите, что он обращается с телом совершенно иначе, чем раньше: нет больше ни прикрытых гениталий, ни ритуальных поз. В нем больше нет сожаления, нет психического замещения. Вместо этого он испытывает сильную потребность унижить мальчика: ноги раздвинуты, гениталии открыты взорам, тело брошено посреди мусора. Его взаимодействие с мальчиком до смерти также не похоже на его взаимодействие с предыдущими жертвами. Они чем-то вызывали его сочувствие. С этим мальчиком этого не случилось. А случилось нечто противоположное. Он больше не сочувствует, он испытывает удовольствие. И гордость от содеянного. Теперь он уверен в себе. Он считает, что его не поймают.

– С чего он взял? – спросила Хейверс. – Он же бросил парня прямо на улице, черт возьми.

– Вот именно. – Робсон махнул рукой в сторону дальнего конца туннеля, где Шанд-стрит выходила на небольшие заведения, которые разместились в современных кирпичных зданиях с декоративными решетками на окнах – скромный результат программы по обновлению Южного Лондона. – Он положил тело там, где его легко могли заметить.

– Разве то же самое не относится к предыдущим убийствам? – спросил Линли.

– Да, но есть разница. В предыдущих случаях риск быть замеченным был гораздо меньше. Тогда для перевозки и переноски тела он мог использовать такие орудия и средства, заметив которые ни один случайный свидетель ничего не заподозрил бы: например, садовую тачку, или большую сумку, или тележку дворника. Эти предметы самым естественным образом вписались бы в обстановку парка или стоянки. Ему нужно было всего лишь транспортировать тело от своего автомобиля к выбранному месту, и это вполне безопасно для него, если действовать под покровом темноты и с подходящими инструментами. Но здесь он весь на виду с того самого момента, как вытащил тело из машины. И он не просто кидает его как попало, обратите внимание, суперинтендант. Это только так кажется. Не допускайте этой ошибки. Он намеренно придал телу такую позу. И он был уверен, что никто не застанет его за этим занятием.

– Наглая сволочь, – буркнула Хейверс.

– Да. Он гордится тем, что способен совершить такое. Полагаю, сейчас он может даже находиться где-то поблизости, чтобы иметь возможность наблюдать за всей той суматохой, которую спровоцировал своими действиями. Если так, то он наслаждается каждым мигом.

– А что вы скажете по тому поводу, что на теле нет надреза на животе? Как нет и символа на лбу. Следует ли нам сделать вывод, что он сворачивает активность?

Робсон покачал головой.

– Мне кажется, что отсутствие надреза означает в данном случае лишь то, что для преступника это убийство отлично от предыдущих.

– Отлично чем?

– Суперинтендант Линли! – Это был Хогарт, который следил за переносом тела из останков спортивного автомобиля на носилки. Он прервал этот процесс, прежде чем на мешке с телом застегнули молнию. – Возможно, вам будет интересно взглянуть на это.

Сотрудники Скотленд-Ярда подошли к носилкам. Хогарт указал на тело мальчика. То, что раньше было скрыто из-за сидячей позы жертвы, сейчас, когда тело было вытянуто на носилках, стало доступно взгляду. Живот этой, самой последней, жертвы преступника действительно не был вспорот, однако сам пупок был удален. Их убийца завладел очередным сувениром.

О том, что он сделал это после смерти мальчика, свидетельствовало малое количество крови вокруг раны. О том, что сделал это в гневе – или в спешке, – свидетельствовал надрез поперек живота, из которого затем ножницами или щипцами был удален пупок.

– Сувенир, – проговорил Линли.

– Психопат, – добавил Робсон. – Суперинтендант, я бы посоветовал установить наблюдение за теми местами, где были обнаружены все остальные жертвы. Весьма вероятно, что он захочет туда вернуться.

Глава 8

Фу был очень осторожен с урной. Он нес ее перед Собой, как священник несет потир, и далее опустил ее на стол. Медленно приподнял крышку. Слабый запах тления поднялся в воздух, но теперь он не раздражал Фу так, как раздражал поначалу. Запах разложения скоро совсем исчезнет. Но содеянное останется с Ним навсегда.

Он удовлетворенно рассматривал Свои реликвии. Теперь их было две; они как раковины свернулись в тонком пепле, почти пыли. От легчайшего прикосновения пепел поднялся облаком и скрыл их. Как же здорово Он придумал поместить их в эту урну с прахом. Реликвии исчезли из виду, и все же они там, как нечто, сокрытое в алтаре церкви. Да и сам процесс трепетного перемещения урны с одного места на другое сходен с пребыванием в церкви, только без социальных ограничений, которые накладывает на членов конгрегации посещение церкви.

«Сядь прямо. Прекрати ерзать. Или тебе нужно преподать урок, как следует себя вести? Когда тебе сказали преклонить колени, так и делай, немедленно. Сложи ладони вместе. Проклятье! Молись!»

Фу сморгнул. Голос. Одновременно далекий и близкий, он был признаком того, что червь проник в голову. Пролез через ухо внутрь, в самый мозг. Он не проявил должной осторожности, и мысль о церкви дала червю долгожданный шанс. Сначала смешок. Потом откровенный хохот. Потом эхом: «Молись, молись, молись».

И: «Наконец-то начал искать работу? И что ты рассчитываешь найти, тупой бездельник? А ты уберись отсюда, не лезь под руку, Шарлин. Или тоже хочешь схлопотать?»

Бесконечная ругань. Бесконечный крик. Это могло продолжаться часами. Он-то думал, что уже избавился от червя, но мысль о церкви стала Его ошибкой.

«Я хочу, чтобы ты выметался из моего дома, слышишь? Спи где хочешь, хоть под дверью. Что, соломы нет подстелить?»

«Это ты довел ее, чтоб тебя! Ты прикончил ее!»

Фу зажмурил глаза. Слепо потянулся вперед. Его руки наткнулись на какой-то предмет, Его пальцы нащупали кнопки. Он стал беспорядочно жать на них, пока не взревел звук. Глаза раскрылись от неожиданности.

Его взгляду предстал телевизионный экран, на котором в этот миг проступало изображение. Голос червя угасал. Фу не сразу понял, на что смотрит. Оказалось, Его уши и глаза штурмуют утренние новости.

Фу сосредоточился на экране. Постепенно Ему становилось ясно, о чем идет речь. Журналистка с волосами, раздуваемыми ветром, стояла перед полицейским заграждением. У нее за спиной зияло воротами Гадеса черное чрево туннеля – Шанд-стрит. В глубине мрачного сырого зева ржавую «мазду» освещали прожекторы.

При виде этой машины Фу успокоился, Его охватило чувство довольства Собою. Конечно, думал Он, не очень удачно вышло, что заграждение выставили с южного конца туннеля. С этой точки тела не видно. А Он столько усилий приложил, чтобы сделать послание как можно красноречивее: «Мальчик сам обрек себя, разве не понятно? Не на возмездие, избежать которого в принципе невозможно (и не стоит на это даже надеяться), а на невозможность освобождения. До самого конца он сопротивлялся и отрицал».

Фу предполагал, что наутро встанет с ощущением беспокойства, которое должно появиться из-за того, что мальчик отказался признавать свои постыдные поступки. Правда, в момент его смерти Он не испытал ничего подобного. Тогда Он ощутил другое: ощутил, что тиски, сжимающие Его мозг все сильнее день от дня, ослабли. Но Он ожидал, что беспокойство придет позднее, когда ясность ума и честность перед самим Собой потребуют от Него оценки выбора объекта. Но, проснувшись, Фу не испытал никаких негативных эмоций. Вплоть

до появления червя Он наслаждался ощущением довольства, напоминающим чувство сытости после хорошего обеда.

– ...Никакой другой информацией на данный момент, – горячо тараторила журналистка. – Мы знаем, что найден труп, мы слышали – подчеркиваю, всего лишь слышали – о том, что это труп мальчика, и также нам сообщили, что сюда прибыли офицеры полиции из Скотленд-Ярда, занятые в расследовании недавнего убийства в Сент-Джордж-гарденс. Однако связано ли это убийство с предыдущим... Нам придется подождать более точных сведений.

Пока она говорила, из туннеля за ее спиной вышли несколько человек: одетые в гражданское легавые, судя по манерам. Коренастая женщина с мочалкой вместо волос выслушала какие-то указания от укутанного в пальто блондина, который выглядел как наследник большого и старинного состояния. Она один раз кивнула и вышла из кадра, а светловолосый офицер остался разговаривать с парнем в накидке горчичного цвета и сутулым типом в мятом плаще.

– Сейчас я попытаюсь узнать... – сказала журналистка и придвинулась к заграждению так близко, как смогла.

Но та же самая идея пришла в голову и всем остальным журналистам, так что в последовавшей суматохе и выкриках никто не получил ответов на вопросы. Копы игнорировали прессу, но телекамера тем не менее взяла крупный план занятых беседой полицейских. Фу получил возможность как следует рассмотреть Своих противников. Невзрачная тетка ушла, зато у Него было время изучить Пальто, Накидку и Плащ. Вывод таков: они для Него не самые серьезные соперники.

– Пятеро, и счет продолжается, – пробормотал Он экрану. – И даже не пытайтесь помешать мне.

У Него под боком стояла чашка чая, который Он заварил Себе сразу после пробуждения, и Фу поднял ее, салютуя телевизору, потом поставил чашку на стол. Вокруг Него негромко потрескивал дом – это трубы несли к радиаторам горячую воду. Но Фу услышал в треске оповещение о неминуемом появлении червя.

«Посмотри на это, – скажет Он, указывая на телевизионный экран, где Он и Его дела обсуждаются полицией. – Я оставляю для них послание, и они должны прочесть его. Каждый Мой шаг спланирован до мельчайших деталей».

Где-то за спиной раздалось надсадное сиплое дыхание. Этот извечный знак присутствия червя. Но уже не в Его голове, а прямо в комнате.

«Что делаешь, парень?»

Не было необходимости оборачиваться и смотреть. Рубашка окажется белой, как всегда, но с потертостями на воротнике и манжетах. Брюки будут темно-серые или коричневые, галстук идеально завязан, кардиган застегнут на все пуговицы. И он, как всегда, наполировал ботинки, наполировал стекла и оправу очков, даже наполировал лысину.

Снова этот вопрос: «Что делаешь, парень?» И в голосе скрытая угроза.

Фу не отвечал, поскольку ответ был очевиден: Он смотрит новости; перед Ним разворачивается Его личная история. Он оставил Свой след, и разве не это требовалось от Него?

«Отвечай, когда я с тобой разговариваю! Я спросил, что ты делаешь, и жду ответа».

И почти без паузы: «Где, черт возьми, тебя воспитывали? Немедленно сними свою чертову чашку с дерева. Или ты хочешь заняться полировкой мебели в свободное время, тем более что тебе его девать некуда? И о чем ты вообще думаешь? Или ты потерял даже способность думать?»

Фу сконцентрировал внимание на телевизоре. Он переждет. Он знал, что будет дальше, поскольку кое-что не менялось никогда: отруби в теплом молоке, превратившиеся в баланду, стакан клетчатки, растворенной в соке, молитвы, возносимые небесам в надежде на скорое опорожнение кишечника, дабы ему не пришлось мучиться в общественном месте, например в мужском туалете в школе. И если опорожнение произойдет, за ним последует триумфальная

пометка в календаре на внутренней стороне дверцы буфета. «Н» означало в календаре «нормальный», хотя червь был кем угодно, только не нормальным.

Но этим утром что-то нарушило установленный ход событий. Фу спиной почувствовал, как тот насакивает на Него – словно всадник Апокалипсиса.

«Где они? Что ты, черт возьми, сделал... Я же говорил, чтобы ты не смел прикасаться к ним своими грязными лапами. Разве нет? Разве не повторял сто раз человеческим языком? А ну выключи свой поганый телевизор и подними на меня глаза, когда я с тобой разговариваю!»

Он хотел получить пульт. Фу не собирался отдавать его.

«Ты возражаешь мне, Шарлин? Ты? Возражаешь? Мне?»

«А что, если Я возражу? – думал Фу. – А что, если она тоже возразит? Что, если мы оба возразим ему? А если бы все взяли и возразили ему?» Удивительно, но Он осознал вдруг, что не боится, что больше не напряжен, абсолютно спокоен, даже несколько весел. Власть червя была ничтожна по сравнению с Его собственной властью, которую Он взял наконец в Свои руки, и вся прелесть ситуации состояла в том, что червь понятия не имеет, с чем столкнулся. Фу ощущал небывалое присутствие духа, небывалые силы, небывалую уверенность и знание. Он поднялся со стула, позволив телу выпрямиться во весь рост, не прячась.

– Я захотел и взял, – произнес Он. – Вот и все.

В ответ ничего. Ничего. Как будто червь догадался о возросшей мощи Фу. Ага, он почуял перемену погоды.

– Тебе повезло, – сказал ему Фу.

Да, инстинкт самосохранения – великая вещь.

Но червь не мог просто уйти, ведь это глубоко въелось в самую его суть – быть постоянно и повсеместно. Поэтому он следил за каждым движением Фу и ждал знака, который показал бы ему, что говорить снова безопасно.

Фу прошел на кухню и поставил чайник на плиту. Ну и что, думал Он, может, Он действительно снова захотел чаю. И может, стоит выбрать заварку какую-нибудь необычную, с оттенком праздничности. Он изучил жестянки с чаем в буфете. «Имперский порох»? Нет, слишком слабый, хотя нельзя не признать, что название звучит привлекательно. Он остановился на том, что любила Его мать: «Леди Грей», с тонким фруктовым ароматом.

И тут же раздалось: «Что ты опять затеял? Еще нет и девяти утра. Это первый раз за... сколько времени? Когда ты займешься чем-нибудь толковым, вот что я хотел бы знать».

Фу оторвался от закладывания заварки в чайник.

– Никто не знает, – сказал Он. – Ни ты, ни кто-либо другой.

«Так вот как ты думаешь? Помочился в общественном месте, и никто не знает? Твое имя в списке провинившихся третий или четвертый раз, а тебя не волнует? Кому какое дело, да? И не смей прикасаться к Шарлин! Трогать ее буду я и только я!»

Ну наконец-то они снова оказались на привычной территории: удар раскрытой ладонью, чтобы не осталось следа, хватание за волосы, запрокинутая голова, толчок к стене и пинок в такое место, где синяков не будет.

Пробитое легкое, вспомнил Фу. Так ли это было? И он говорил тогда: «А ты смотри, парень. Смотри и учись».

Фу почувствовал, как в Нем вспыхнул импульс. В кончиках Его пальцев забились пульсация, мышцы во всем теле напряглись, готовые к удару. Но нет. Еще не время. Однако настанет день, когда Он с огромным удовольствием опустит эти пухлые, мягкие, никогда не знавшие труда ладони на сковороду, прижмет их к раскаленному дну. И тогда Его лицо будет нависать над червем, и Его губы будут изрыгать проклятия...

Он будет умолять о пощаде, как умоляли другие. Но Фу не смягчится. Он подведет его к краю, как остальных. И, как остальных, швырнет в бездну.

Познай Мою силу. Узнай Мое имя.

Констебль Барбара Хейверс держала путь в полицейский участок Боро. Он, как оказалось, располагался на улице Хай-стрит, которая в этой части города и в этот утренний час пропускала спешащих на работу граждан через узкий каньон проезжей части и тротуаров. Шум стоял невозможный, холодный воздух отяжелел от выхлопных газов; а бесконечный поток машин делал все возможное, чтобы изрыгнуть еще больше копоти на задымленные насквозь здания, прижавшиеся к узким тротуарам, где валялось все: от пивных банок до использованных презервативов. Такой это был район.

На Барбаре начинал сказываться стресс. Раньше ей никогда не доводилось работать над серийными убийствами, и, хотя она была отлично знакома с ощущением необходимости как можно скорее добраться до преступника и арестовать его, все же нынешние чувства стали для нее новыми. Теперь ей казалось, что она каким-то образом несет личную ответственность за последнее убийство. Погибло пять подростков, и еще никто не привлечен к ответу. Как минимум они работают недостаточно быстро.

Беспокоило и другое: ей все труднее было удерживать фокус на жертве номер четыре, Киммо Торне. Ведь номер пять уже мертв, а номер шесть где-то сейчас ходит по городу, занимается повседневными делами, ни о чем не догадывается. И в результате душевных сил Барбары хватило только на то, чтобы соблюдать спокойствие, когда она вошла в здание участка Боро и махнула удостоверением.

Ей нужно поговорить с человеком, который привез с рынка Бермондси воришку по имени Киммо Торн, заявила она дежурному констеблю. Вопрос срочный.

Она наблюдала за констеблем, который сделал три телефонных звонка. Он говорил тихо, не отрывая от нее взгляда и, несомненно, оценивая ее как представителя Скотленд-Ярда. Она явно не подходила под сложившийся у констебля образ – растрепанная, бестолково одетая, похожая на бездомную бродяжку. А этим утром, насколько понимала Барбара, ее внешний вид был особенно непригляден. Но ведь нельзя ожидать от человека, который встал в четыре утра и провел несколько часов в копоти Южного Лондона, что он сохранит при этом свежесть и безукоризненность туалетов гламурной модели во время показа мод. Натягивая спросонок высокие красные кроссовки, она рассчитывала, что они придадут нотку бодрости ее наряду. Но дежурный констебль был явно не согласен с ней, судя по неодобрительным взглядам, которые он то и дело бросал в направлении кроссовок.

Барбара решила, что лучше будет не раздражать констебля своим видом, и отошла к доске объявлений. Там она прочитала о заседаниях различных общественных комитетов и о программах по добровольному патрулированию района. Фотография двух печальных собак заставила задуматься о вероятности приютить их. Затем она выучила на память телефон человека, который обещал поделиться с ней секретом мгновенного похудения и при этом не требовал отказаться от привычной и любимой еды. Она уже наполовину ознакомилась с содержанием статьи о мерах предосторожности, которые следует принимать при поздних прогулках, когда открылась дверь и мужской голос произнес:

– Констебль Хейверс? Кажется, вы хотели поговорить со мной?

Барбара обернулась и увидела индуса средних лет в ослепительно белом тюрбане и с печальными глазами. Его зовут сержант Джилл, сообщил он. Не согласится ли она составить ему компанию в столовой? Он как раз завтракает и, если она не против, хотел бы закончить... Он взял сегодня тост с грибами, и печеная фасоль весьма недурна. Да, в нем теперь больше английского, чем в самих англичанах.

Она выбрала из ассортимента на прилавке кофе и шоколадный круассан, оставив без внимания более разумные и куда более полезные варианты. Потому что какой смысл давиться целомудренным грейпфрутом, если она вот-вот узнает секрет хорошей фигуры, позволяющий

ей продолжать питаться жирной и сладкой вкуснятиной? Она заплатила за свой завтрак и отнесла поднос на стол, где сержант Джилл возобновил прерванную трапезу.

По его словам, в участке Боро на Хай-стрит о Киммо Торне знали все, даже если не все с ним лично встречались. Киммо давно уже принадлежал к числу людей, чья деятельность то и дело заставляет полицию приглядеться к ним повнимательнее. Когда его тетя и бабуля заявили об исчезновении Торна, никто в участке не был удивлен; однако новость о том, что он стал жертвой убийства и что его тело было выброшено в Сент-Джордж-гарденс... Она потрясла до глубины души нескольких менее закаленных сотрудников участка и заставила их задуматься: а все ли было сделано для того, чтобы удержать Киммо на прямой дорожке.

– Видите ли, мальчик нам даже нравился, констебль Хейверс, – признался Джилл своим приятным восточным голосом. – Вот уж был интересный персонаж, Киммо Торн: всегда готов поболтать, пошутить, при любых обстоятельствах. Честно говоря, трудно было не проникнуться к нему симпатией, даже несмотря на его манеру одеваться и торговлю телом. Хотя, должен признаться, мы ни разу так и не поймали его на проституции, что бы мы ни делали. Этот мальчик обладал особым чутьем, он всегда распознавал переодетых полицейских... Если мне будет позволено выразить свою точку зрения – он был умен не по годам, а мы этого не учли и из-за этого не сделали все, что должны были. К нему следовало применять более продвинутые меры, которые, вероятно, могли бы спасти его. И за это я, – он прикоснулся к своей груди, – несую личную ответственность.

– Его товарищ – парень по прозвищу Блинкер, некий Чарли Буров – говорит, что они работали в паре, но не в этом районе, а на другом берегу реки, возле Лестер-сквер. Киммо делал дело, а Блинкер стоял на страже.

– А, это частично объясняет нашу неудачу, – заметил Джилл.

– Частично?

– Ну, видите ли, он был весьма неглуп. Мы несколько раз приводили его в участок, делали ему предупреждения. Пытались втолковать, что ему повезло и он пока не попал в серьезную беду, но никакое везение не вечно. Однако он нас не слушал.

– Дети, – сказала Барбара. Она изо всех сил старалась обращаться с круассаном как можно деликатнее, но он, рассыпаясь восхитительными хлопьями, противостоял усилиям Барбары вести себя за столом прилично. Она сосредоточилась на том, чтобы хотя бы не облизывать пальцы и тем более стол. – Что с ними поделаешь? Они думают, что они бессмертны. Вот вы не думали так?

– В том возрасте? – Джилл покачал головой. – Тогда я был слишком голоден, чтобы рассчитывать на уготованное мне бессмертие, констебль. – Он доел тост и фасоль и аккуратно сложил салфетку. Тарелку он отодвинул в сторону, а чашку с чаем придвинул к себе. – Для Киммо в данном случае большую роль играла уверенность в том, что никто не сможет причинить ему вред и что он не подвергнет себя опасности из-за неверного выбора. Должно быть, он считал, что может безошибочно судить, с кем ему идти, а кому отказать. У него была цель; проституция была средством ее достижения. Поэтому-то он и не хотел бросать это занятие.

– А что за цель?

Джилл вдруг смутился, как будто его принуждали открыть неприличный секрет в присутствии дамы.

– Гм... Киммо планировал изменить пол. И собирал на это деньги. Он рассказал нам об этом в свой первый же привод в участок.

– На рынке нам сказали, что в конце концов вы поймали его на сбыте краденого, – продолжала Барбара. – И я не могу понять: почему именно Киммо Торн? Ведь там дюжины воришек, торгующих тем, что удалось стащить.

– Это верно, – согласился Джилл. – Но, как нам с вами хорошо известно, людей, чтобы перетрясти все лондонские рынки и определить, какие товары легальны, а какие нет, не хватает.

Ну а в случае с Киммо дело было в том, что он, не зная того, продавал предметы, на которых были выгравированы едва заметные серийные номера. И чего уж он совсем не мог ожидать, так это того, что законные владельцы этих предметов будут искать их на рынке каждую пятницу. Когда они увидели свое имущество на его прилавке, то сразу обратились к нам. Меня тоже вызвали, и...

Он сделал пальцами жест, который говорил: что было дальше, вы сами знаете.

– И раньше вы никогда не догадывались, что он занимается грабежом?

– Он был хитер как лиса, – признал Джилл. – И никогда не нарушал закон там, где живет. Все его прегрешения совершались на территории других участков. На это ему хватало ума.

Вот так и вышло, объяснил Джилл, что арест Киммо за торговлю краденым был первым его серьезным столкновением с полицией. Магистрат на основании этого дал ему только условный срок. Сейчас об этом приходится лишь сожалеть. Если бы к Киммо Торну отнеслись серьезнее, если бы его не просто шлепнули по рукам и заставили отмечаться в отделе юных правонарушителей, то, может быть, он что-нибудь понял бы и все еще оставался в числе живых. Но, увы, этого не произошло. Вместо того чтобы провести с ним более серьезную работу, его просто направили в организацию, которая работает с подростками из групп риска.

Барбара наострила уши. Организация? Какая? Где?

– Благотворительная организация, называется «Колосс», – рассказал ей Джилл. – Замечательная идея, и располагаются они прямо здесь, к югу от реки. Они предлагают молодежи альтернативу уличной жизни, преступлениям и наркотикам. Проводят различные мероприятия, занятия по развитию навыков общения, ездят с подростками в походы... И туда приглашаются не только подростки, нарушившие закон, но и бездомные, и находящиеся под опекой, и просто трудные дети... Не могу не признать, что ослабил свое внимание к Киммо, как только узнал, что его записали в «Колосс». Я не сомневался, что кто-нибудь возьмет над ним шефство.

– Вы имеете в виду наставничество? – спросила Барбара. – Этим они занимаются в «Колоссе»?

– Это то, что было нужно Киммо, – сказал Джилл. – Чтобы кто-нибудь проявил к нему интерес. Чтобы кто-то помог ему увидеть, что его личность ценна и важна, ведь сам он в это не верил. Ему нужен был кто-то, к кому бы он мог прийти в трудную минуту. Кто-то, с кем...

Сержант внезапно оборвал горячую тираду, вероятно, осознав, что вместо передачи необходимой информации коллеге-полицейскому он незаметно перешел к агитации за социально активную позицию. И разжал пальцы, стиснувшие чайную кружку.

Теперь понятно, почему его так огорчила смерть мальчика, рассуждала Барбара. Просто удивительно, как он с таким мировоззрением умудряется работать в полиции, и, судя по всему, не первый год, ведь никаких душевных сил не хватит сталкиваться с тем, с чем ему приходится сталкиваться изо дня в день.

– Не вините себя, – сказала она. – Вы сделали все, что могли. Я бы сказала, вы сделали больше, чем сделали бы другие на вашем месте.

– Но как оказалось, этого недостаточно. И с этим мне придется как-то жить дальше. Мальчик мертв, потому что сержант Джилл не сумел его спасти.

– Но ведь таких ребят, как Киммо, миллионы, – возразила Барбара.

– И большинство из них сейчас живы и здоровы.

– Всем помочь невозможно. Всех не уберечь.

– Вот-вот, так мы и говорим себе.

– А что же нам говорить?

– Что от нас не требуется спасать их всех. От нас требуется помочь только тем, которые встречаются на нашем жизненном пути. И этого, констебль, я не сделал.

– Черт возьми, не судите себя слишком строго!

– Но если не я сам, то кто станет строго судить меня? – воскликнул Джилл. – То-то и оно. И есть одна вещь, в которой я глубоко убежден: чем больше людей будет строго себя судить, тем больше детей получат жизнь, какую и должны иметь дети.

В ответ на это Барбара могла лишь опустить взгляд. Она понимала, что с такими аргументами спорить невозможно. Но тот факт, что спорить ей хотелось, показывал, что она принимает свою работу слишком близко к сердцу. И это делало ее более похожей на Джилла, чем она могла допустить, – как член команды, расследующей убийства.

В этом состоял парадокс полицейской службы. Не принимай ее близко к сердцу – и погибнет еще больше людей. А прими ее слишком близко к сердцу – и не сможешь поймать убийцу.

– Мне нужно поговорить с вами, – сказал Линли. – Прямо сейчас.

Он не добавил «сэр» в конце фразы и не постарался умерить негодование в голосе. Если бы его сейчас видел психолог Хеймиш Робсон, то наверняка бы по интонациям голоса сделал вывод об агрессивности и желании свести счеты. Но Линли это не волновало. У них с Хильером была договоренность. И Хильер не выполнил ее условий.

Помощник комиссара только что закончил совещание со Стивенсоном Диконом. Глава пресс-бюро покинул кабинет Хильера с мрачайшим выражением лица, которое вполне могло бы поспорить с настроением самого Линли. Дела в их департаменте, по-видимому, шли не так гладко, и на мгновение Линли поддался злорадному чувству. Мысль о том, что в результате махинаций пресс-бюро Хильеру придется пережить несколько весьма неприятных минут перед толпой журналистов, в данный момент доставляла исключительное удовольствие.

Как будто Линли ничего и не говорил, Хильер воскликнул:

– Где этого Нкату черти носят? Скоро у нас встреча с журналистами, я хочу, чтобы он являлся сюда заранее.

Он собрал в стопку документы, рассыпанные по столу для совещаний, и сунул их одному из помощников, который все еще не успел закончить свои дела и оставался в кабинете после встречи с Диконом. Это был тощий, как спичка, юнец в круглых – а-ля Джон Леннон – очках. Он строчил что-то в блокноте, всеми силами стараясь не попасться Хильеру под горячую руку.

– Они пронюхали про цвет кожи, – раздраженно произнес помощник комиссара. – И кто же тот подлец, – он ткнул пальцем в направлении, которое Линли интерпретировал как южное, то есть южный берег реки, то есть туннель на Шанд-стрит, – что слил эту информацию газетчикам? Я хочу, чтобы это выяснили немедленно и принесли мне голову наглеца на блюде. Ты, Пауэрс!

Помощник вскочил, изгибаясь в полупоклоне.

– Сэр? Слушаю, сэр!

– Дозвонитесь до этого придурка Родни Аронсона. Он сейчас издает «Сорс», и расовый вопрос появился из его паршивой газетенки. Разузнайте, что возможно, с этого конца. Надавите на Аронсона. Надавите на любого, с кем будете разговаривать. Я хочу, чтобы к концу дня у нас не осталось щелей. Займитесь этим.

– Сэр. – Пауэрс выскочил из кабинета.

Хильер подошел к столу и снял трубку, нажал несколько цифр – либо не замечая присутствия Линли, либо не обращая на него внимания из-за разгорающегося скандала.

Линли не поверил своим ушам, когда услышал, что Хильер заказывает сеанс массажа. Чувствуя себя так, как будто по его венам течет кислота, Линли сделал три шага к столу Хильера и нажал на рычаг телефонного аппарата, прерывая звонок.

– Кем вы себя считаете... – вскипел Хильер.

– Я сказал, что мне нужно поговорить с вами, – перебил его Линли. – Между нами существует определенная договоренность, а вы нарушили ее.

– Вы вообще понимаете, с кем вы сейчас разговариваете?

– Отлично понимаю. Вы ввели в команду Робсона в качестве декорации, и я позволил вам это.

Лицо Хильера вспыхнуло алым цветом.

– Что значит «позволил»?

– Мы договорились, что я буду решать, что ему следует увидеть, а что нет. У него не было никакой нужды появляться на месте преступления, тем не менее он явился и был пропущен. Это могло случиться только в одном случае.

– Вот именно! – рявкнул Хильер. – Не забывайте об этом. Все, что здесь случается, происходит только в одном случае: если я – а не вы, учтите, – пожелаю это. Только я решаю, кто имеет допуск, куда и зачем. И если мне вдруг придет в голову, что следствию пойдет на пользу, если королева поздоровается с трупом за руку, то будьте готовы встретить «роллс-ройс» ее величества. Робсон – часть команды, суперинтендант. Свыкнитесь с этой мыслью.

Происходящее не укладывалось у Линли в голову. Только что помощник комиссара с пеной у рта требовал, чтобы все возможные каналы утечки информации по делу были перекрыты, и вот он уже приглашает в самую гущу событий потенциального «слухача». Но проблема не сводится лишь к тому, что Хеймиш Робсон может сознательно или невольно выложить журналистам.

– Вам не приходило в голову, что вы подставляете Робсона под удар? – спросил Линли. – Без особых на то причин вы заставляете его рисковать жизнью. Вы стараетесь лучше выглядеть – за его счет, – но если что-нибудь произойдет, вина ляжет на полицию Большого Лондона. Об этом вы не думали?

– Вы переходите всякие границы...

– Отвечайте на вопрос! – потребовал Линли. – По городу гуляет убийца, забравший уже пять жизней, и никто не может гарантировать, что сегодня утром он не стоял у полицейского заграждения в толпе зевак, изучая всех и каждого, кто работал на объекте.

– У вас истерика, – сказал Хильер. – Убирайтесь из моего кабинета. Я не собираюсь слушать ваши причитания. Если вы не можете справиться с нагрузкой, то подайте рапорт, чтобы вас отстранили от дела. Или я сам сделаю это за вас. А теперь мне, черт побери, нужен Нката! Где он? Он должен быть здесь, когда явится пресса.

– Вы слышите меня? Вы хотя бы представляете себе... – Линли хотел стукнуть кулаком по столу, нужно было найти выход охватившей его ярости. Потом он сумел взять себя в руки. Более спокойным тоном он продолжил: – Сэр, выслушайте меня. Если убийца возьмет на заметку кого-нибудь из нас, то это одно дело. Мы согласились на этот риск, когда пришли работать в полицию. Но выставять перед психопатом постороннего человека лишь ради того, чтобы прикрыть свою спину...

– Хватит! – Казалось, Хильера вот-вот хватит удар. – С меня хватит. Я годами закрывал глаза на вашу наглость, но на этот раз мое терпение лопнуло... – Он обошел стол и остановился в трех дюймах от Линли. – Выметайтесь отсюда! – прошипел он. – Возвращайтесь к работе. Пока мы сделаем вид, что этого разговора не было. Вы немедленно займетесь своим делом, вы будете выполнять все мои приказы, вы доведете следствие до конца и произведете скорый арест преступника. А вот после этого... – Палец Хильера уткнулся в грудь Линли, и в глазах у того потемнело от гнева, но он сумел сдержаться и промолчал. – Затем мы решим, что с вами будет дальше. Вам все понятно? Да? Хорошо. Тогда идите и работайте. Мне нужен результат.

Линли позволил, чтобы последнее слово осталось за помощником комиссара, хотя проглотить такую нотацию было так же нелегко, как проглотить порцию яда. Он развернулся на каблуках и оставил Хильера заниматься политическими интригами. Чтобы остыть немного, в оперативный штаб следствия он отправился по лестнице, а не на лифте. По пути он ругал себя – за то, что рассчитывал изменить стиль работы Хильера. Нужно сконцентрироваться на том,

что сейчас действительно важно, говорил он себе, а желание помощника комиссара использовать Хеймиша Робсона в этот список не входит.

Все члены его группы уже были в курсе, что на Шанд-стрит найдено еще одно тело, и когда Линли присоединился к ним, то застал в комнате подавленную тишину – как и ожидал. Их число в настоящий момент достигло тридцати трех человек, если считать всех – от констеблей, обходящих дом за домом, до секретарей, отслеживающих все отчеты и документацию по делу. За их спиной стояла вся мощь столичной полиции, в том числе сложные коммуникационные системы, камеры видеонаблюдения, научные лаборатории и огромные базы данных. Проиграв одному человеку, они не могли не прийти в уныние. Их удручало сознание, что они не сумели остановить убийцу.

Итак, в оперативном штабе Линли застал общую подавленность и тишину. Слышался лишь перестук клавиш и кликанье компьютерных мышек. Но и эти звуки смолкли, когда Линли спросил негромко:

– Ну, какие новости?

Инспектор Джон Стюарт оторвался от своей многоцветной диаграммы. Триангуляция точек, где были найдены тела, не дала никаких результатов, сообщил он. Убийца действовал по всему Лондону. Это говорило о хорошем знании города, что, в свою очередь, могло дать подсказку о месте его работы – что-то связанное с разъездами.

– На ум сразу приходит водитель такси, – сказал Стюарт. – Или водитель маршрутки. Или даже водитель автобуса, потому что тела были выброшены относительно недалеко от автобусных линий.

– Кстати, наш новый психолог считает, что преступник занимает позицию ниже своих способностей, – вспомнил Линли, хотя после стычки с Хильером ему было противно упоминать Хеймиша Робсона.

– Сюда подойдет и работа курьером, – предложил новый вариант один из констеблей. – Чтобы ездить по городу на мопеде, хочешь не хочешь, а карту придется вызубрить не хуже, чем таксисту.

– Или на велосипеде, – добавил кто-то еще.

– Но откуда тогда появляется фургон?

– А если это его личный транспорт? Которым он не пользуется для работы?

– А что у нас с фургоном? – спросил Линли. – Кто разговаривал со свидетельницей в Сент-Джордж-гарденс?

Откликнулся констебль из группы номер два. Тщательные расспросы свидетельницы ни к чему не привели, но вчера вечером она позвонила в участок, потому что вспомнила кое-что. Правда, она не уверена, реальное ли это воспоминание или сочетание воображения с желанием помочь полиции. В общем, ей кажется, вернее, она почти не сомневается в том, что это был полноразмерный фургон. На боку у него были полустертые белые буквы, так что возможно, что этот фургон используется или использовался в каком-то бизнесе.

– В общем и целом она подтвердила, что нам нужно искать «форд транзит», – подытожил Стюарт. – Мы работаем со списком Агентства регистрации транспорта, ищем красный фургон, который зарегистрирован на каком-нибудь предприятии.

– И? – спросил Линли.

– На это требуется время, Томми.

– У нас нет времени!

Линли услышал в своем голосе нервозность и понял, что для остальных она тоже не осталась незамеченной. И это стало напоминанием для него (причем в самый неудачный момент), что он не Малькольм Уэбберли, что он не обладает выдержкой суперинтенданта и его умением спокойно работать в напряженной ситуации. По лицам сотрудников он видел, что они думают примерно о том же. Уже спокойнее он сказал:

– Постарайтесь отыскать что-нибудь в этом направлении, Джон. Как только что-нибудь появится, сразу сообщайте мне.

– Что касается амбры... – Во время вспышки, допущенной Линли, инспектор не отрывал глаз от бумаг, где сделал какую-то новую пометку и подчеркнул ее трижды. – Мы через Интернет нашли места, где можно ее купить. Таких магазинов два.

– Всего два?

– Амбру каждый день не станешь покупать.

Магазины, где продавалась амбра, располагались в противоположных концах города: один, под названием «Хрустальная луна», – в районе Гейбриелс-Варф...

– Ага, это на южном берегу реки, – заметил кто-то с надеждой в голосе.

И второй – на рынке Камден-Лок, называется «Облако Венди».

– Барбара живет возле Камден-Лок, – сказал Линли. – Пусть она заглянет туда. А Уинстон может... Да, а где он, кстати?

– Прячется от Дейва, наверное, – последовал ответ с неуважительной ссылкой на Хильера. – Наш Уинни получает теперь кучу писем от фанатов. От всех этих одиноких дамочек, ищущих перспективного мужчину.

– Он в здании?

Никто не знал.

– Позвоните ему на мобильный. И Хейверс тоже.

Только он договорил, как в дверях показалась Барбара. Уинстон Нката прибыл через пару секунд после нее. Собравшиеся в оперативном штабе полицейские не преминули отметить сей факт улюлюканьем и шутками, подразумевая, что за почти одновременным появлением Хейверс и Нкаты кроется нечто личное. Хотя, конечно, в основном ими двигало желание разрядить обстановку.

Барбара покрутила пальцем у виска.

– Придурки вы все! – добродушно сказала она. – Странно, что я вижу вас не в столовой.

Нката же обратился прямо к Линли:

– Простите за задержку. Пытался отыскать социального работника, который вел дело мальчишки Сальваторе.

– Нашли?

– Нет.

– Продолжайте. Да, вы знаете, что Хильер ищет вас?

Нката поморщился.

– В участке Пекема мне рассказали кое-что про Джареда Сальваторе.

Вопрос о Хильере он предпочел оставить без ответа и вместо этого поделился со всеми той информацией, что удалось собрать, а остальные пока слушали и делали пометки в блокнотах.

– Его подружка говорит, что он учился где-то на повара, но парни в участке не очень-то этому верят, – закончил он свой отчет.

– Пусть кто-нибудь проверит все кулинарные школы и курсы, – распорядился Линли.

Стюарт кивнул и сделал запись в одном из графиков. Линли перешел к следующему вопросу:

– Хейверс, что там у вас по Киммо Торну?

Барбара сообщила, что все, сказанное ранее Блинкером, а затем четой Грабински и Реджем Льюисом на рынке Бермондси, в участке Боро подтвердилось. Затем она добавила, что Киммо Торн, по-видимому, участвовал в проекте под названием «Колосс».

– Это такая кучка добрых дядей и тетей к югу от реки, – изложила Барбара своими словами суть проекта. Она уже съездила по адресу, чтобы на месте посмотреть, что это за «Колосс»: оказалось, что располагается он в бывшем производственном корпусе в районе стан-

ции метро «Элефант-энд-Касл». – Только там еще было закрыто, – сказала Барбара. – На дверях висели замки, но во дворе болтались несколько мальчишек, которые ждали, должно быть, когда кто-нибудь придет и выпустит их.

– От них удалось что-нибудь узнать? – спросил ее Линли.

– Да ни шиша, – недовольно поджала она губы. – Я только спросила: «Вы из “Колосса”?» – и они тут же просекли, что я коп. Тут наш разговор и закончился.

– Тогда продолжайте работу.

– Конечно, сэр.

После этого настала очередь Линли поделиться с подчиненными тем, какие выводы сделал Хеймиш Робсон после осмотра пятого тела. О том, что психолога на место преступления послал Хильер, Линли не стал упоминать. Ни к чему загружать их неприятностями, тем более что изменить что-либо не в их власти. Поэтому в его рассказе прозвучало лишь то, что убийца обращался с последней жертвой не так, как с предыдущими, и что существует вот такая вероятность: он может вернуться в любое место из тех, где оставлял тела.

Услышав это, инспектор Стюарт немедленно распорядился, чтобы по всем пяти адресам организовали круглосуточное наблюдение. Он взял в руки следующий отчет – по записям с камер наблюдения, установленных в местах, где были найдены тела, или неподалеку от тех мест. Полицейские, получившие задание пересмотреть записи всех камер, продолжали корпеть над пленками. Не самое увлекательное времяпрепровождение, но констебли упорно сидели перед экранами, поддерживая себя бесчисленными кружками кофе. Они пытались различить в записях не только фургон, но и любое другое транспортное средство, пригодное для перевозки тела из точки А в точку Б и при этом оставшееся незамеченным для местных жителей. Это могла быть молочная цистерна, тележка уборщика или что-то подобное.

Эту информацию Стюарт дополнил результатами анализа косметики, которой пользовался Киммо Торн. Эксперты в лаборатории пришли к выводу, что это средства марки «Намбер Сэвен», обыкновенно продаваемой в магазинах «Бутс». Не считает ли суперинтендант нужным приступить к просматриванию записей, сделанных системами видеонаблюдения во всех магазинах «Бутс», которые расположены в районе, где жил Киммо Торн? Судя по голосу, инспектора не привлекала подобная перспектива, но тем не менее он подчеркнул:

– Может, что-то и найдем. Например, парню за прилавком не понравилось, как ведет себя Торн, и он решил проучить его. В таком духе.

В отсутствие крепких версий Линли не мог откинуть ни одной, даже самой маловероятной зацепки. Поэтому он кивнул Стюарту, чтобы тот назначил людей на просмотр видеозаписей из магазинов «Бутс» в Саутворке. Сам он дал задания Нкате и Хейверс: Нкате поручалось проверить лавочку «Хрустальная луна», а Хейверс должна была вечером, по пути домой, зайти в «Облако Венди». А пока ей предстояло сопровождать Линли в районе «Элефант-энд-Касл». Он хотел своими глазами посмотреть, что представляет собой этот «Колосс» и что можно там разузнать. Если с этой организацией был связан один из погибших подростков, то почему бы не поискать такую же связь между «Колоссом» и остальными жертвами, по-прежнему неопознанными?

– А не может последнее убийство быть лишь подражанием первым четырем? – спросила Хейверс. – Такой вариант мы еще не обсуждали. Да, я помню, что Робсон нашел объяснение, почему есть разница между последним телом и остальными, но вдруг эта разница возникла из-за того, что тот, кто хотел скопировать предыдущие убийства, просто не знал всех деталей?

Разумеется, это теоретически возможно, согласился Линли. Однако, как это чаще всего бывает, в основе подражательных убийств лежит информация, публикуемая в прессе. Только что выяснилось, добавил Линли, что внутри Скотленд-Ярда произошла утечка, но это случилось совсем недавно. Об этом свидетельствует тот факт, что пресса набросилась на цвет кожи последнего тела, а ведь в деле имелись куда более сенсационные детали, которые можно было

бы подробно осветить на первых полосах таблоидов. То, как работают журналисты, известно всем: они не станут придерживать даже самые отвратительные и жуткие подробности, если эти детали помогут продать лишние двести тысяч экземпляров издания. Таким образом, все указывает на то, что у газетчиков пока нет этих отвратительных и жутких деталей, и это, в свою очередь, доказывает, что пятое убийство не является подражанием. Это еще одна смерть в цепочке подобных смертей, которые несут на себе отпечатки одного и того же убийцы.

Его-то и нужно найти, и как можно скорее. Линли достало сообразительности обобщить, что сказано было этим утром Хеймишем Робсоном о человеке, которого они ищут: если последнее тело носит на себе следы презрения и гнева, значит, дальше события будут развиваться по нарастающей.

Глава 9

Нката сумел покинуть здание на Виктория-стрит, избежав встречи с помощником комиссара. На мобильный пришло сообщение от секретаря Хильера: «Сэр Дэвид желал бы обсудить некоторые детали предстоящей пресс-конференции», – но он предпочел проигнорировать его. Хильер хотел обсудить со Нкатой детали конференции не более, чем подхватить вирус тропической лихорадки, и подтверждение этому сержант читал в глазах помощника комиссара при каждой встрече. Он устал быть послушной марионеткой, нужной Хильеру для демонстрации равных возможностей для национальных меньшинств среди служащих столичной полиции. Он понимал, что если соучастие в пропагандистских играх продлится еще некоторое время, то он возненавидит свою профессию, своих коллег и самого себя. И это не будет справедливостью ни для кого. Поэтому Нката сбежал из кабинетов и коридоров Скотленд-Ярда сразу после окончания совещания в оперативном штабе. Предлогом послужило амбровое масло.

Он без особых проблем перебрался на другой берег реки к Гейбриелс-Варф, дорогостоящему прямоугольнику асфальта примерно посередине между Ватерлоо и Блэкфрайерс – двумя мостами, соединяющими берега Темзы. Это было место для летнего сезона – полностью под открытым небом, с разноцветными гирляндами, натянутыми над площадью, и огнями, светящимися, несмотря на светлое время суток. Но зимой покупателей на торговой площади было немного. Салон проката велосипедов и роликов не привлекал ни одного клиента, и, хотя в маленьких обшарпанных галереях, протянувшихся по периметру бывшей верфи, бродили несколько любителей прекрасного, в остальных заведениях царила тишина. К этим заведениям относились рестораны и кафе, которые летом ломились от наплыва желающих полакомиться вафлями, пищей, сэндвичами, печеным картофелем и мороженым; сейчас же случайные прохожие по большей части игнорировали их.

Нката нашел «Хрустальную луну» меж двух ресторанчиков, торгующих навынос: слева продавали вафли, справа – сэндвичи. Это была восточная часть верфи, где невзрачные лавки и галереи подпирали задними стенами жилую улочку. Верхние этажи на этой улице в силу какого-то модного поветрия были расписаны ложными окнами, каждое – в своем стиле, так что прогулка здесь казалась моментальным путешествием по Европе. Лондонские окна георгианского периода через четыре шага сменялись парижским рококо, а те, в свою очередь, уступали Венеции дождей. Таким вот образом улочка вносила свой вклад в причудливую атмосферу всей верфи.

«Хрустальная луна» тоже была выдержана в эксцентричном стиле: чтобы войти в магазин, нужно было раздвинуть вышитую бисером занавеску, на которой изображалось звездное небо с куском сыра вместо луны. Нката осилил эту преграду и открыл входную дверь, ожидая, что внутри его встретит одетая в балахон последовательница хиппи, называющая себя как минимум Афродитой, а на самом деле – обыкновенная Кайли из Эссекса. Однако, к своему удивлению, он увидел за прилавком пожилую тетюшку в нежно-розовом костюме и с ниткой сиреневых бус. Она сидела на высоком стуле рядом с кассовым аппаратом и листала глянцевого журнала. Рядом с ней горела ароматическая палочка, наполняя воздух запахом жасмина.

Нката кивнул, но не подошел сразу к ней, а решил сначала осмотреть предлагаемый на продажу товар. Как и следовало ожидать, широко был представлен хрусталь, свисающий на шнурах с потолка, украшающий разнообразные абажуры и подсвечники, насыпанный горками в маленькие корзинки, расставленные тут и там. Помимо хрусталя здесь в изобилии имелись благовония, карты Таро, свечи, ароматические масла, флейты, плееры и не совсем уместные в данном заведении декоративные палочки для еды. Нката подошел к стойке с маслами.

Чернокожий мужчина в магазине. Белая женщина, одна. В обычных обстоятельствах Нката поспешил бы погасить любые мыслимые опасения, представившись женщине и предъ-

явив полицейское удостоверение. Однако сегодня из-за Хильера и вообще из-за всего, что связано с помощником комиссара, он был просто не в настроении успокаивать представителей белой расы, будь то пожилая леди или молодой парень.

Он прочитал этикетки. Анис. Росный ладан. Эвкалипт. Ромашка. Миндаль. Нката взял в руки одну бутылочку, ознакомился со списком всевозможных применений. Поставил бутылочку на место, взял другую. За его спиной страницы переворачивались с прежним ритмом. Наконец, скрипнув стулом, хозяйка магазина заговорила.

Только оказалось, что она вовсе не хозяйка магазина. Она сообщила об этом со смущенным смешком, после того как предложила Нкате помощь.

– Не знаю, правда, смогу ли я хоть чем-то помочь, – сказала она, – но я готова попытаться. Я прихожу сюда всего раз в неделю на несколько часов, пока Гиги, моя внучка, ходит на занятия вокалом. Это ее маленький бизнес – кажется, это так называется. Чем я могу вам помочь? Вы ищете что-то конкретное?

– А для чего это все?

Нката указал рукой на полки, уставленные бутылочками с маслами.

– О, да много для чего, – ответила пожилая дама.

Она слезла со стула, подошла к витрине и встала рядом с Нкатой. Он башней возвышался над ней, но это, по-видимому, ее совсем не смутило. Она подняла голову, чтобы встретиться с ним взглядом, сложила руки на груди и заметила:

– Ого, вы, как я посмотрю, регулярно принимали витамины. – И продолжила делиться знаниями: – Какие-то масла используются в медицине. Какие-то – в магии. А какие-то – в алхимии. Разумеется, я сама не знаю, но так говорит Гиги. Может, на самом деле от них вообще никакой пользы. А почему вы спрашиваете? Вам масло зачем нужно?

Нката потянулся к флакону с амброй.

– А вот это тогда для чего?

Она взяла флакон из его рук и произнесла задумчиво:

– Амбра... Давайте-ка посмотрим в справочнике.

Она отнесла флакон на прилавок с кассой, нагнулась и достала из какого-то ящика огромный фолиант.

Если сама старушка не совсем соответствовала тому, что Нката ожидал увидеть в магазинчике под названием «Хрустальная луна», то тяжелый фолиант, извлеченный из-под прилавка, вполне вписался в обстановку. Выглядел он как реквизит к фильму про волшебников: толстый, в кожаном переплете, со страницами, потертыми от частого чтения. Когда старая дама раскрыла книгу, Нката невольно напрягся: а вдруг оттуда вспорхнет стая моли?

Старая дама как будто прочитала его мысли, потому что она засмеялась негромко и извиняющимся тоном сказала:

– Да. Это немного по-детски, я знаю. Но люди ожидают здесь увидеть что-нибудь в таком духе.

Она перевернула несколько страниц и начала читать. Нката подошел к прилавку и тоже наклонился над книгой, но старушка вдруг неодобрительно поджала губы и закачала головой.

– Что? – спросил он.

– Как это все неприятно. Я имею в виду то, что связано с амброй. – Водя пальцем по странице, она рассказала Нкате, что ради этого масла люди убивают бедных славных кашалотов, а само вещество используется для мщения и кары. Она нахмурилась и пристально взглянула в лицо Нкате: – Извините, но я должна спросить. Гиги пришла бы в ужас от моего поведения, но что касается некоторых вещей... Зачем вам понадобилась амбра? Вы же такой красивый молодой человек. Или это из-за вашего шрама? Мне очень жаль, что вас поранили, но должна заметить... Правда же, он придает вашему лицу какую-то значительность. Так, может, позволите предложить вам что-нибудь другое?

Она сказала, что мужчина вроде него мог бы заинтересоваться маслом душевика, которое помогает удерживать на расстоянии женщин, потому что она не сомневается, что женщины осаждают такого красавца толпами. Или вот бриония. Ее добавляют в любовное зелье, если у него есть некая женщина на примете. А еще есть репешок, он защитит от негативной энергии. Для оздоровления можно взять эвкалипт. А шалфей – для бессмертия. То есть в его распоряжении целый букет масел с приятными и добрыми свойствами, и если бы только она могла направить его на путь, который приведет к положительным переменам в жизни...

Нката понял, что момент настал. Он наконец достал удостоверение. И сказал, что масло амбры связано с убийством.

– С убийством? – Она широко раскрыла голубые, выцветшие с годами глаза и прижала ладонь к сердцу. – Господи, да уж не думаете ли вы... Неужели кто-то отравился? Но я не верю... это просто невозможно... на флаконе обязательно было бы указано... я знаю, что... наверняка дело в том...

На этот раз Нката поспешил успокоить ее. Нет, никто не отравился, и даже если бы такое произошло, магазин не нес бы за это ответственности. Конечно, если только не сам магазин применил это вещество с подобными целями. Но ведь это не так?

– Разумеется, нет. Разумеется, – выговорила пожилая дама, приходя в себя. – Но боже мой, когда Гиги узнает об этом, она придет в отчаяние. Оказаться замешанной в убийстве, хотя бы косвенно... Она самая миролюбивая девушка на свете. Правда. Если бы вы видели, как она разговаривает с покупателями! Если бы вы только послушали песни, которые она поет! Или вот ее любимые записи на дисках. Подойдите, посмотрите. Видите? «Бог внутри нас», «Духовные путешествия». И вот еще. Это все для медитаций.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.